

И. К. ШАМОВ

НАШИ ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ.

ИХ ЖИЗНЬ, ЛОВЛЯ
И ПРАВИЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ В КЛЕТКАХ.

МОСКВА - 1910

Не отличать ищу мои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть.

Разделение певчих птиц.

Приступая к описанию певчих птиц, содержащихся в клетках, мы разделим их на две группы, именно: на группу зерноядных птиц и группу насекомоядных; насколько отличаются наружно птицы, питающиеся зерном, от насекомоядных, это наглядно можно объяснить себе по натуре, например при сравнении зяблика с пеночкой, и потому мы будем рассматривать всех взятых нами птиц главным образом в отношении песни.

У птиц зерноядных — конусоклювых, каковы канарейка, щегол, зяблик, реполов и друг., песня состоит или из нескольких различных одно от другого колен, исполняемых почти без пауз, так что выходит одна сложная длинная песня с преобладающими стукотнями и россыпями на несколько манер, при второстепенных полуударных коленах и свистовых (канарейка, щегол, реполов), или из одного колена, в три-четыре удара, как у овсянки. Притом у одних песня состоит из собственных характерных колен или песен (зяблик, щегол), у других она смешана в большей или меньшей степени с чужими (реполов, чиж). Но, как бы ни было, главнейшая характеристика пения всех этих птиц есть россыпи и стукотни в различных изменениях, от обыкновенного короткого раската до самой высокой трели и от простого «тёвкания» зяблика или щегла до юлиной или овсяночной стукотни «в звон». Тон их песни, говоря вообще, сильный, резкий и относительно грубоватый. Достоинства определяются длиной колен, россыпи или стукотни выразительностью исполнения.

Иначе у насекомоядных птиц. Тут песня значительно богаче звуками и характеризуется главным образом свистами, очень разнообразными, у иных нежными и замечательно мелодичными (пеночка), у иных сильными, покрывающими весь хор леса (соловей, дрозд), и исполняется или одним коленом, как у пеночки, иволги и друг., или состоит из нескольких различных колен, как у соловья, дрозда, и друг. Притом песня исполняется не слитно, как у зерноядных, но каждое колено (или песня) отдельно, более или менее с паузами. В этом отношении исключение составляет жаворонок и поющие одной песней (пеночка, червячек и др.), у большинства же она разделяется, что особенно замечается у синиц. В отношении состава песни тут так же, как у зерноядных: у одних она собственная, характерная, как у пеночки, юлы и др., у других смешана с чужими песнями и криками, как у соловья, малиновки и др., у третьих вся или почти вся собрана из копировки чужих позывов и песен, как это слышим у скворца, болотной камышевки, варакушки и др. К характеристике пения насекомоядных также относится их расположение петь по ночам, в темноте, чего у зерноядных не замечается *) (за исключением дубровника, поющего ночью «накриком»). Камышевки, варакушки и нередко соловей преимущественно ночные певцы.

При этом общем описании пения взятых нами птиц мы исключаем несколько таких, которые песни или вовсе не имеют, а произносят лишь позывы, усиливая их во время токования или сокращая при обыкновенной переключке (клест, свиристель и др.) или имеют лишь короткую, простую, неотличающуюся звуками песню и не имеющую интереса для охотника или любителя.

*) Здесь мы не касаемся „сиделых“ или ученых, выведенных в неволе птиц, но говорим о диких.

Корм.

Семена растений, ягоды, зелень, хлеб.—Сведения из жизни муравьев, их яйца, мурашка.—Собирание и сушка муравьиных яиц, приготовление мурашки, мучные черви, тараканы, искусственный корм, его приготовление.

Читателю несомненно известно, что главный, так сказать, основной корм для зерноядных птиц составляют семена разных растений и белый хлеб, а для насекомоядных — муравьиные яйца, насекомые и искусственный корм. Выбор семян и продовольствие птицы хотя не представляют сложного вопроса, тем не менее тут не обходима осмотрительность. Нельзя, наприм., давать птице залежалое, прогорклое или затхлое зерно, нельзя держать птицу на каком-нибудь одном зерне (чижа на конопле, жаворонка на тарнице) или давать ей всякое зерно, не предусматривая вредного влияния иного зерна на здоровье птицы («конопелка», «зелень»). Необходимо соблюдать, чтобы семена были зрелы, свежи и чисты, особенно привозное сюда белое канареечное семя, это главнейшее кормовое семя для зерноядных; оно должно быть крупное, желтого цвета. В виду охранения птицы не следует покупать семена где-нибудь в мелочных лавках, а покупать, так сказать, на месте, у известных семяноторговцев, осведомляясь притом о качестве зерна. Это особенно рекомендуется большим охотникам, имеющим много птиц и делающим запас корма на весь сезон. Немалое значение имеет также репное семя, которое должно быть также вполне вызревшее, темного, сине-фиолетового цвета, сладковатое на вкус, а не горькое. Остальные семена идут как бы добавочными, в малых порциях: мак, белый или серый (он горячит птиц), льняное семя и так наз. тарница, состоящая из пересечки мелких хлебных семян (овес и др.) и проса. Тарница часто фальсифицируется разными не идущими в дело сорными семенами. Конопля европейским певчим птицам не дается, хотя все они охотно ее берут, предпочитая другому корму, но она вредно отзывается на здоровье птицы, особенно при обильном кормлении ею, от нее птица жиреет, неправильно линяет, расстраивает кишечник и болеет глазами. Так часто гибнут бедные чижи. Коноплю можно давать в вареном виде, без шелухи, так наз. «драное семя», обваривая его кипятком, отжимая, когда остынет, и прибавляя в малой порции (с кончика чайной ложки) к остальному корму. Кроме семян в корм идут ягоды и зелень: бузина в сушеном виде *), рябина, можжевеловые ягоды, салат, листья одуванчика (цикория) или трава канареечного семени, которую можно иметь круглый год, разводя ее в цветочных горшках или в ящике. Вместо зелени в зимний период времени многим зерноядным и насекомоядным можно давать маленьким кусочком сладкое крымское яблоко; его охотно берут щеглы, зяблики и славки. Кроме того, зерноядным птицам дается белый хлеб, несдобный, маленьким сухим кусочком, который они охотно грызут.

Вышеприведенные ягоды необходимы как зерноядным, так и насекомоядным птицам.

*) Бузину, как и рябину, с осени можно собрать с дерева, со стеблями, кистями и просушить, вернее провялить, подвешивая в теплой комнате к потолку, предохраняя от гнилости. Но бузина продается и готовую на Трубной площади у многих из торговцев разным птичьим кормом, напр. у Д. Е. Кузмичева, торгующего по воскресным дням. Рябина и можжевеловые ягоды осенью продаются в Охотном ряду и у торговцев лекарственными травами, против храма Василия Блаженного.

При описании птиц мы вернемся к составу корма для каждой птицы, а здесь приведем описание муравьиных яиц, этого главного корма для комнатных певчих птиц и незаменимого для насекомыхядных *). Но тут мы немного уклонимся в сторону и скажем два слова о самом муравье, с которым стоит познакомиться ближе.

Муравьи водятся предпочтительно в лесных местностях, при болотцах или озерках, по берегам оных, где есть деревья (сосна или береза) и живут селениями по несколько кочек в данной местности, на известном расстоянии одна от другой. Не касаясь вопроса, сколько существует видов муравьев, мы заметим лишь, что по устройству жилищ муравьи разделяются на кочковых и земляных, кочковые устраивают свои жилища, муравейники, из лесного сора, натаскивают сухой хвои, тонких прутиков, сухих былинки и т. п. материала, кладут на поверхности земли в конусообразную кочку и устраивают внутренние помещения как в кочке.

Каждая кочка есть отдельное жилище, населенное большим обществом муравьев. Муравьи разделяются между собою на производителей (самцов и самок) и рабочих. Самцы и самки имеют крылья, рабочие же бескрылы и кроме того отличаются меньшим ростом, особенно против самок. Самцы и самки в муравейнике суть производители, рабочие же муравьи — это можно сказать строители всего общества: на их обязанности лежит постройка жилища, соблюдение в нем порядка, добывание пищи, кормление самок, соблюдение положенных яичек, личинок и куколок (что мы называем яйцами), все это на их попечении и все они делают сообща. Вообще в нравах муравьев замечается такой порядок, что каждый отдельный муравей трудится для общей пользы, помогая один другому. Если, наприм., один заболел и не может тронуться с места, он не остается без ухода со стороны товарищей, или: если один тащит какую-нибудь тяжесть для постройки жилища и не может осилить ее, — другие бегут ему пособлять. Земляные муравьи строят свои жилища в земле, чаще в ямах, под пнями, при чем наружных кочек не делают, как кочковые. У муравьев, живущих на открытых местах, в лугах, наружные кочки встречаются; они образуются из измельченной земли, которую муравьи выносят при устройстве внутренних помещений. Кроме того муравьи селятся в стволах старых, погнивших деревьев, в которых выгрызают многоэтажные помещения, комнаты и переходы, соединяющие эти помещения.

Известен факт, что весной с конца марта, в апреле и в продолжение мая месяца в муравейниках находятся одного вида крупные яйца, куколки, величиною вдвое больше тех мелких куколок, которые появляются лишь с конца мая и далее в продолжение всего лета, когда помянутых крупных яиц уже не добывается, когда они «сходят», как говорят промышленники, собирающие яйца, или встречаются лишь в малом количестве. Принадлежат ли первые крупные яйца старым ранее оплодотворенным самкам, а вторые, мелкие, появляющиеся позднее, самкам, оплодотворяемым в текущую весну или летом, или же одни и те же самки при различных условиях кладут разные яйца, — остается для нас не разгаданным.

*) Собираение муравьиных яиц во многих подмосковных селах и деревнях составляет весьма выгодный промысел, достигающий солидной цифры оборота. Каждый из собирающих в течение лета добывает яиц приблизительно до 25 п., продавая этот готовый товар в лавки Охотного ряда, или на птичьем рынке, сначала, пока добыча не обильна, по 5 р. за четверть меры, позднее 3 р. 50 к. и дальше постепенно дешевле. Большую роль играет при добывании яиц погода. Когда весна ведренная и теплая, яиц собирается много, а в холодную и ненастную погоду, препятствующую размножению насекомых, — мало, и цена на них при наличности ртов, т.е. прилетевшей птицы, — страшно высока. Крестьяне ближайших подмосковных деревень привозят яйца в свежем виде, из отдаленных же местностей (с. Аргуново, Владим. губ., и г. Юрьев, также Звенигород, Московской губ.) привозят сюда в конце лета уже сухие яйца и продают большим количеством, по несколько десятков пудов, в те же птичьи лавки Охотного ряда. Оптовые цены в лавках при различных обстоятельствах колеблются от 8 до 25 р. пуд; повышение цены нередко обусловливается большим спросом на яйца за границу. Розничные цены 40, 60 и 80 к. фунт, смотря по качеству товара; лучшие яйца Аргунския, они чище, без примеси сора и вообще лучшего приготовления.

И. Ушаков в своей энтомологии (ч. II, стр. 129) приводит следующее описание оплодотворения муравьев: «В тихий теплый вечер, — говорит почтенный ученый, — самцы и самки муравьев толпами выходят из своих жилищ, взбираются по ветвям деревьев, поднимаются высоко на воздух и налету устраивают свои свадьбы. В это время почти все население рабочих рассылается по окрестностям сторожить возвращение или, лучше сказать, падение из воздуха оплодотворенных самок. Едва только которая-нибудь из них опускается на землю, рабочий отводит ее в муравейник, помещает в определенное отделение, и с этой минуты уже ни одна из них не выпускается на волю. Рабочие окружают их всеми возможными попечениями, отыскивают им пищу и кормят их из своего рта. Если которая самка вздумает улететь, рабочие схватывают ее за ноги, притягивают к себе, обрывают ей крылья*) и строго караулят, заграждая выход из определенного помещения. Однакож не все самки возвращаются в муравейник, многие из них поселяются отдельно, кладут яйца и сами исполняют все необходимые домашние работы, пока не явятся к ним рабочие. Раз оплодотворенные самки на несколько лет остаются матерями неисчислимого потомства, самцы же умирают после сношения с самками».

Собирание муравьиных яиц под Москвою начинается с апреля обыкновенно одновременно с появлением насекомоядных птиц, пеночек, соловьев, так как муравьиные яйца есть единственный корм для «дикой» насекомоядной птицы при содержании ее в клетке, без которого птицу и ловить нечего. И вот весною, как мы сказали, лишь только обсохнут и обогреются солнцем кочки, мужик промышленник отправляется добывать яйца на известные ему места. Идет он в пасмурную, ненастную погоду рано утром, пока муравьи еще не приступали к своим дневным работам и яйца лежат собранными в одном месте. Мужик знает дела муравьев отлично и, придя на место, разгребает кочку, собирает все имеющиеся яйца с муравьями и с сором, кладет все в мешок; разгребает вторую кочку тем же порядком, третью и все имеющиеся, пока наполнит мешок. Затем придя домой, несет добычу на гумно (ток, где хлеб молотят) где обкладывает хворостом круг, а в середину, на чистое место, высыпает из мешка яйца и муравьев. Они медленно начинают таскать яйца под хворост, и, когда все уберут, — мужик берет решето, кладет в него чистые яйца и несет в город, на продажу. Это — свежие яйца, сначала крупные, позднее мелкие, в которых зародыш живой и может развиваться, при чем яйца темнеют, и их птица неохотно берет. В виду этого с половины или с конца мая и далее, когда пойдет мелкое яйцо, его замаривают, чтобы не темнело, оставляя непродолжительно в легко протопленной печке рассыпанными на мешке, при чем наблюдается главным образом, чтобы яйца не подсыхли. Так же производится и сушка яиц: в нежарко протопленной русской печке собранные яйца рассыпают на мешке при соблюдении, чтобы не засорить их золою или угольями, и оставляют сохнуть с полудня до утра, помешивая, чтобы не слежались комками. Утром их вынимают, остужают, опять помешивают и, смотря по тому, насколько они высохли, вторично оставляют в печке или на печке, также рассыпанными на мешке. Когда они готовы, их ссыпают в мешки, тщательно завязывают и держат тут же на теплой печке, так как в влажном воздухе они загнивают или на них нападает моль и перегрызает их в труху.

Так же несложно собирается и готовится «мурашка», как птичий корм. Осенью, когда наступят заморозки, муравьи уходят от холода в глубь почвы и находятся, собравшись кучею, комком. Промышленник, разрыв кочку, сгребает собравшихся муравьев со всем сором и кладет в мешок, а, возвратясь домой, кладет их в том же мешке в протопленную печь замаривать. Утром вынимает, высыпает на лоток, откидывает сор, и мурашка готова. Это — «лотковая» мурашка, спиртовая; чем чище она, чем меньше в ней

*) По другим наблюдениям оплодотворенные самки сами себе обрывают крылья, как уже ненужную, тяготящую их часть.

сору, тем лучше. Но мурашка готовится еще другим способом, не замаривается, как выше сказано, а кладется в кадку с водою, где муравьи тонут, падают на дно кадки, а сор остается на воде. Это — так называемая «водянка»; она на вид чище, без всякого сору, но ее трудно сохранять, она скоро портится и для птиц бывает вредна *).

Теперь возьмем другое насекомое — мучного червя. Это личинка мучного хруща, или, как его еще называют, жужжелицы, которая наверное встречалась читателю. Мучной хрущ появляется в конце лета в виде небольшого, продолговатого жучка, черного, точнее темно-коричневого цвета; он живет, где есть склад муки или зерна, в мучных лавках, амбарах, на мельницах, в деревянных домах под полом, в птичниках, где много сорится зерна.

Нам попался он на голубятне, на чердаке с земляным полом, где самка хруща клала яички в закрытом месте под ящиком и под лотком, на котором кормились голуби и который постоянно лежал на одном месте. Покрытый песком пол голубятни в летнее время ежедневно spryskivalся водою, чтобы в помещении было влажно. В конце лета мы находили под лотком в песке массу очень мелких или уже взрослых желтых червячков, развившихся из яичек. Эти известные читателю червячки — личинки хруща, и требуются для соловьев и других насекомоядных птиц, как живой корм в зимнее время. Охотнику приходится или покупать мучных червей готовыми на рынке и в птичных лавках, или разводить самому, т.е. собирать их на месте, где они водятся, собирать вместе с сором, мукою или отрубями, в чем они найдены, — стрести руками и положить в глиняную «обливную» банку, поместив предварительно на дно банки, слоем посыпанное мукою или отрубями, смоченную не очень сыро какую-нибудь грубую холстинную тряпку, сложенную и пересыпанную слоями тою же мукой. Наполненную таким образом банку держать в темном и теплом месте; в зимнее время можно держать на печке, но чтобы банка не сильно нагревалась. Подбавляя в банку время от времени помянутый материал, в котором жучок кладет яички, можно постоянно иметь червячков в запасе. Однако кормить птиц мучными червями нужно с осторожностью умеренно, так как они, как известно, горячат птицу, и она при обильном кормлении нередко поет «в маху» безо время (соловьи и другие насекомые у барышников), чего на охоте не допускается: живя в клетке, птица вообще должна быть нормальна и петь, как среди природы своевременно, выводить же ее из нормального положения даже опасно для ее здоровья.

Еще с большей осторожностью приходится давать насекомоядным птицам тараканов, черных и прусаков. Правда, это также весьма важный живой корм в зимнее время для соловьев и других птиц, но он нередко вызывает у них расстройство желудка. Читателю несомненно известно, насколько прожорливы тараканы. Они без всякого вреда для себя пожирают все, что попадется, за недостатком съедобного грызут обои, краску на стенах, грязные тряпки, платье, обувь и даже нападают на спящих людей, особенно детей и больных, причиняя сильные укусы, и тут же очень часто попадают на приготовленную для них в возмездие отраву, от которой одни падают, другие ползают больными. Между тем охотник, ничего не подозревая, ловит их у себя на кухне или, что хуже, покупает в птичных лавках и затем, нередко, недоумевает: «от чего это соловей «дуется» и корму не берет»?.. В виду этого, если тараканы необходимы, их нужно брать молодыми, мелкими и шустробегущими, сажать в стеклянную банку и несколько дней кормить смоченным хлебом. Банку держать в теплом и сухом месте закрытою (с проходами воздуха).

*) Кроме того, мурашка получается при добывании муравьиного спирта для чего собранных муравьев кладут в большой котелок, крепко закрывают и ставят в теплую печь томить. Из муравьев выделяется кислота, спирт, а сами они идут, как птичий корм. Мурашка привозится сюда, преимущественно из Тулы и Венева и продается в птичные лавки 3 р. мера (35 ф.). Розничная цена из лавок, смотря по добыче муравьев. 15, 20 и 30 к. ф.

Что касается искусственного корма, то тут большую роль играет белый хлеб; он дается птицам, как мы уже говорили, и просто жестким кусочком и в виде порошка с морковью, для чего, нарезав ломтиками, его сушат в печке и потом растирают скалкой в порошок и так сохраняют в сухом месте. При даче птицам его смешивают с тертой морковью настолько, чтобы она рассыпалась, затем, чтобы не было крупных волокон, рубят ножом и, в размере чайной ложки, замешивают в обварной корм (муравьиные яйца и мурашка). Это лучший корм в зимнее время для всех комнатных птиц и особенно для насекомоядных. Приготовление его, как видит читатель, не сложно, но он должен быть ежедневно свежим. Иначе готовится хлеб для выкармливания молодых птиц, птенцов *): берется сухой белый хлеб, также высушенный в печке, и намачивается горячей водой, пока совершенно размякнет, после чего отжимается, не вполне сухо, и остужается, затем в него выпускают яйцо всмятку и посыпают маком, все это перемешивается равномерно, и корм готов. Птенцам, взятым без матери и отца, еще не умеющим самостоятельно кормиться (жаворонкам, дроздам и проч.), этот хлеб дают с прутика маленькими кусочками. Порция приготавливаемого хлеба, смотря по надобности, большая или малая; в последнем случае, если размачивается один ломоть хлеба, мак и яйцо кладутся пропорционально.

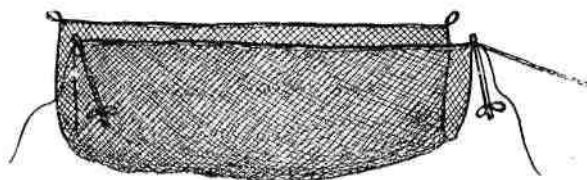
*) По способу охотника, ныне умершего, Н. П. Еурова.

Птицеловные снасти.

Сети: развесная, тайник, понцы, лучок. — Самолов.— Западня.— Скворешник самолов. — Шпорок. — Точок и его устройство. — Точковые птицы. — Заводные и надвязные.

Развесной сетью мы называем ту большую сеть, которая птицеловами употребляется при ловле загоном тех птиц, которые держатся по низу кустарников и из них не выходят. Замечая птицу, охотник окутывает кустарник этой сетью и, пугая птицу шумом, гонит ее из кустарника. Птица в испуге кидается в сеть и запутывается в ней. Охота производится вдвоем, так как одному с большой сетью действовать (окутывать и ловить) не способно. Размеры сети бывают до бти саж. в квадр., это для того, чтобы окутывать большое пространство кустарника; при этом нужно, чтобы сеть не была затянута, а висела бы со всех сторон складками, чтобы птица, бросившись, сразу могла запутаться.

Тайник. Эта сеть употребляется для захвата за раз нескольких птиц стаями, главным образом на осенних пролетах. Длина сети бывает различна, большого размера, среднего и малого. Если возьмем средней величины сеть, то по длине она будет арш. 8, а по ширине — 6. Такая сеть, связанная из тонких и крепких суровых ниток, кругом в крайние петли (ячейки, первые два ряда коих вяжутся из более толстых ниток) насаживается на тонкую, но крепкую веревку, от которой на двух углах сети оставляются по одной малой петле. При посадке на веревку сеть пускается по ширине аршина 2, а 4 арш. идут на «ухабы», т.е., отвисая вниз, образуют глубину сети. Но эти размеры могут изменяться по желанию охотника. «Ухаб» пускается для того, чтобы сеть захватывала птиц с точком, на котором часто бывают «присады», притом закрытые птицы, помещаясь в ухабе, не могут поднять сеть, а без него это может случиться. Сложив эту посаженную сеть по длине концами вместе, по ширине ее к посадочной веревке привязываются по одной «сошке», длиною равных ширине сложенной сети (могут быть не сколько короче), так что получаются: одна половина сети, одно полотнище, с сошками, а другое, с петлями на углах, свободно. «Сошки»—это палки, они должны быть прямы круглы и толщиной менее, чем в два пальца. На верхнем конце каждой сошки на зарубке привязывается крепкая веревка, толщиной одинаковая с посадочной, а длиною полтора арш. Это «откосы». На нижнем же конце каждой сошки делается также по зарубке по две петли. Затем к одной сошке, тоже с верхнего конца, привязывается длинная ревка (толще посадочной), которою ловец захлопывает тайник, кроет. Но прежде этого нужно поставить тайник, а поставим мы его в лесу или в поле, где придется, выберем только местечко мало-мальски поровнее, лишь бы дозволяло поставить, так чтобы крыть не задерживало, развернем сеть и в петли вколотим в землю колышки, так чтобы петли отнюдь не могли соскочить с них, так же укрепим и сошки: в петли на нижних концах вколотим костылики покрепче, чтобы не выскочили, потом натянем откосы тоже с костылем, вбитым в землю. Для этого нужно поднять сеть, чтобы палки стояли прямо, и натянуть возможно туже и ровнее; в каком направлении один откос, — в таком же чтобы был и другой; отнюдь не перекосить; попробовать, что бы натянутая таким образом сеть легко и скоро перекидывалась на палках с одной стороны на другую, т.е. откидывалась и закрывалась. Когда все будет ладно, откинуть сеть и подобрать ее ровно вдоль по посадочной веревке; хорошо для этого выкопать канавку, в которую бы укладывалась сеть; затем, протянув веревку, за которую кроют, надо затрусить сеть сором, сухими листьями, чем придется, прикрыть, — и готово.

Сеть (тайник), посаженная на веревке, с петлями и двумя сошками.

Совсем поставленный тайник.

Веревка, за которую кроют, протягивается немного наискось к тому месту, где сидит охотник, к шалашу. Чтобы покрыть, берутся за веревку правой рукой вперед и быстро дергают на себя. Хорошо управлять тайником — дело практики и навыка.

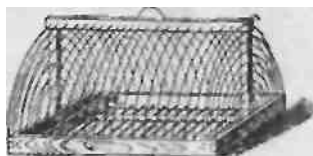
Два такие тайника, но большего размера, вместе поставленные, составляют «понцы», употребляющиеся на больших пролетах для крупной, впрочем, всякой птицы. Случалось видеть зимою, на постоянных дворах, крыли понцами голубей для садки до тридцати пар в мах, помимо галок, тут же захваченных. Но можно покрыть и больше. Длина таких сетей до бти и больше саж., при соответственной ширине; сошки потяжелее, сеть же как можно легче, чему способствует то, что ячейки ее крупнее—в вершок и больше; для посадочной веревки два крайние ряда петель делаются еще больше и из самых прочных ниток. При постановке понцов одно полотнище должно быть против другого и в таком расстоянии, что когда покроешь, то чтобы одно крыло захватывало собою другое четверти на три. Понцами кроют с двух рук за две веревки. Опытность да и опытность в этом деле. Наши деревенские птицеловы кроют понцами дроздов на осеннем пролете, случается, пар до 40 и больше.

Мы сказали, что большими сетями ловят на «точках», выясним это читателю насколько возможно. «Точок» — это место, на котором поставлены сети, приготовленное так, чтобы птица, говоря вообще, охотно шла на него. Для этого нужно знать, какая птица, в какое время года где держится и на какой точок (приваду) она сойдет и, чтобы покрыть ее, в какое время сойдет: утром, среди дня или вечером. Все это нужно доподлинно знать, наблюдности, потому что это обуславливает успех охоты.

Отличная приятная охота начинается с августа месяца, когда птицы начинают собираться к отлету, сначала понемногу; начнут зяблики пинькать, изредка пролетать чижи небольшой стайкою, послышатся синички, а чем дальше осень, тем больше; пожелтеет лес, пойдет холодок утренниками, начнется пролет птицы, повалит она, матушка, стадами одно за другим, с тревожными переключками: которые верхом, которые перелетом идут, лесом или по кустарникам, кто в ночь, кто с утра. Вот тут и нужно поглядывать заранее, с какой преимущественно стороны летит птица и где она особенно задерживается; положим, что она летит с востока на запад и юго-запад и придерживается окраины леса (как то замечено на пролетах малых синиц, зябликов, дроздов и рябчиков), где и кормится, слетая на поля (зяблики), или обивает ягоды и почки на деревьях и кустарниках, а также ищет насекомых. Яснее это представится воочию, если мы осенью походим по лесу да понаблюдаем терпеливо, внимательно.

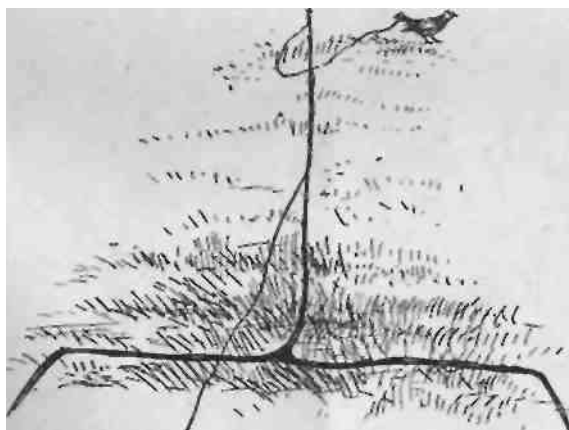
Точки и «присады» обыкновенно ставятся на больших полянах или где один лес располагается против другого, в некотором расстоянии от леса, сажень в 10-ти и далее 20-ти, на пути пролета. Для этого нужно нарезать разных древесных ветвей и натывать их в землю в ряд на линии, как будет сеть стоять, пригибая их вершинками к земле дужками,

так чтобы из ветвей вышла сплошная зеленая стенка, вышиною в пол-арш. или четверти три; всю эту стенку надо убрать кистями рябины, можжевельными ягодами и проч., так чтобы она издали была видна птице, как и весь точок, как бы место, поросшее деревцами, кустарником и ягодами. Если ловят «понцами», то и стенки ставятся две, противоположно одна другой, и весь точок вообще увеличивается. Немного поодаль ставятся присады: несколько больших сучьев березок, елок и что возможно, так чтобы сеть была между ними, потому что тогда птица, не спускающаяся сразу на землю, может удобно подойти на точок и так же удобно сойти на присаду. Чтобы вернее подвести птицу, присады с заводными ставятся дальше от точка, ближе к лесу. Под сеть около сказанной ягодной стенки (или стенок) пускаются две-три и больше заранее выдержанные птицы, подвязанные каждая на мягкой нитке за ножку и хвост. Это «надвязанные» птицы. А на присадах выставляются в маленьких клетках разные «заводные» птицы *), которые позывами подводят и усаживают диких птиц на точок. Заводная птица—это самая главная птица в деле птицеводства, без нее не охота, а только горе.

Клетка для заводной птицы под сеть.

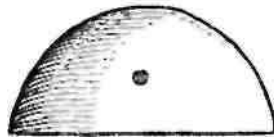
Нечасто выпадает такая заводная, которая бы хорошо манила, усаживала и удерживала бы на точке птиц. Мы только четырех знали таких заводных: синичку, тура, щегла и чижа, которые стадами усаживали птиц, так горячо манили и так ласково обходились с прилетевшими птицами; они как будто понимали свое назначение на точке.

Шпарок

*) На таких точках ловят всякую птицу, какая пролетает в местности, но преимущественно дроздов.

От птиц, подвязанных под сеть, требуется, чтобы они были смирны, для чего должны быть вполне приручены и вообще приспособлены, особенно это нужно для птицы подвязной на «шпарке», который практикуется главным образом на жавороночном точке. Он делается из сырой березовой или иной ветви, длиной приблизительно около аршина, с одним боковым отростком посередине шпарка, идущим в сторону от прямого главного прутика. Концы этого прутика загибаются и втыкаются в землю, а сам он лежит на земле.

Медный, из латуни или жестяной свисток для разных птиц. Natur. величина.

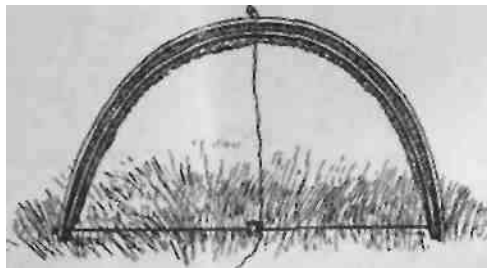
К боковому отростку, с конца его, привязывается на короткой нитке птица, которая может взлетать вверх, поднимая отросток, прутик, и снова спускаться; для того, чтобы она взлетала, когда нужно, посередине прутика привязывается тонкая бечевка и проводится в шалаш птицелова, который, дергая бечевку на себя, поднимает прутик вверх и с ним птицу; она взлетает и спускается. Эта простая и довольно остроумная снасть большую пользу приносит при ловле жаворонков на весенних проталинах, где охотнику приходится усаживать птицу, летящую верхом над точком, без всяких присад и заводной птицы или подманывать ее к себе (ловя вдвоем) севшую поодаль, ударяя позывами в свисток и подшпаривая. Жавороночный точок есть просто весенняя прогалина в поле в марте мес, без особенного приспособления, за исключением соломенного шалаша.

Тем же тайником, но несколько меньшего размера, кроют весной и осенью во время пролета чижей на точках, которые располагаются так же с края леса, на полянах или где-нибудь поодаль леса. Бывает так, что в нескольких шагах в стороне стоят две-три ветвистые березы и служат отличной присадою прилетающим стаям. Тут также расчищается под сеть ровное место, ставятся присады, а под сетью—согнутые дужками ветви. Летящие стаи усаживаются заводными и сманиваются на корм, коноплю, подвязными чижами или сидящими в особых малых клеточках под сетью.

Осенью, с окончанием пролета отлетных птиц, каковы дрозды, зяблики, репеловы и др.—устраиваются точки под щегла; эти особенные точки делаются и зимою в местах, где держится птица: по огородам с поросшими кустарником межами и пустырям, заросшим разной сорной травой с семенами, репейником и т. п. Из этой травы, именно репейника, чертополоха, лебеды и проч., на чистом месте ставятся под сеть стенки, в пол-аршина вышиною, ровно по длине тайника; как лучшая привада, кроме репейника, ставится снопами конопля. На таком точке пролетающие стаи щеглов усаживаются заводными в маленьких, «точковых», клеточках под сетью, в репейнике. В нескольких шагах от точки ставится шалаш охотника, возможно замаскированный, чтобы птица не пугалась.

Кроме этих описанных точек, в летнее время устраивается еще «водяной» точок, но тут нам приходится говорить о другой, особой птицеловной снасти, именно о лучке.

Лучок делается из двух согнутых полуобручем ровных и гладких палок, в палец толщиной, на концах которых, немного снятых ножом, провернуты дыры и в них продернута тонкая, прочная веревка и закреплена, при чем два полуобруча легко могут складываться вместе и раскидываться. При этом один полуобруч должен быть короче другого для того, чтобы, когда обручи сложены, между ними оставалось в пальца полтора пространство, куда подбирается сеть.

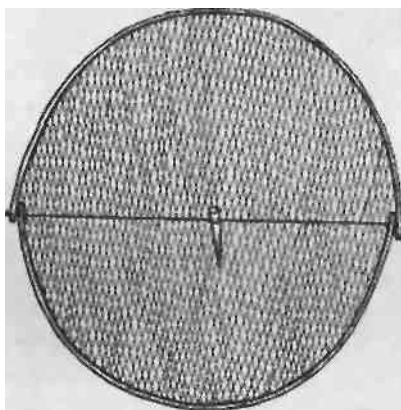

Открытый, совсем поставленный лучок; сеть подобрана.

Когда таким образом лучки сложены и выверены, чтобы не были косы, т. е., будучи раскинутыми, представляли правильный круг, и сложенными— правильный полукруг, к

ним привязывается сеть, в ячейки захватывается тонкой бечевкой и обматывается по обручам; сеть посаживается не натянута, а имеет ухаб четверти три и больше. На копцах укороченного полуобруча делается по одной малой веревочной петле и одна такая же наверху посередине обруча; в эти петли, когда ставится лучок, вбиваются в землю колышки (или костылики) соразмерной длины и крепко, чтобы лучки не соскочили, когда станешь крыть. Покойный охотник-ловец А. Е. Сорокин не делал петель на концах лучка, а укреплял одним верхним колышком и одним привязанным посередине веревки, на которой вращаются лучки, концы остаются свободны.

Лучком ловят соловьев, пеночек, малиновок и всех летних птиц, весною, как только они появятся по лесам и садам; ловят на подвязную, на драку, с помощью свистка; под сетью место расчищается как точок. В середине лета, в жаркую пору, если где-нибудь на лесной дороге или около леса в выбоине стоит большая лужа более или менее чистой воды, она привлекает к себе массу птиц на водопой, особенно если поблизости нет другой воды.

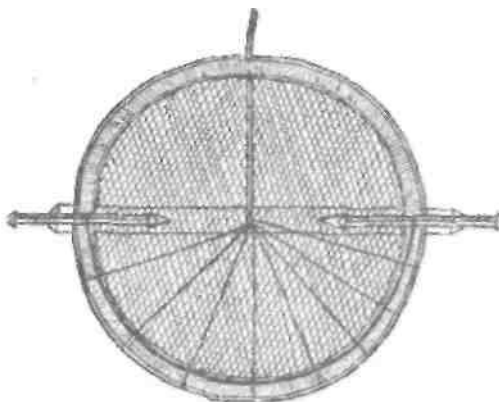

Раскинутый (закрытый) лучок.

Наши деревенские птицеловы отлично знают эти места, куда птица летает на водопой, и устраивают точки либо на берегу речки, где есть кустарник, либо на ручье и просто на луже. На воду кладут хворость, ветви деревьев, так чтобы они держались и не закрывали воды, и тут около воды ставят лучок или небольших размеров тайник. Если, положим, лужа более лучка и птица может сесть с другой стороны, минуя сеть, тогда забирают воду от сети ветвями, кругом прикрывают ее хворостом или сухим листом, так чтобы птица сошла на воду прямо под сеть. Это делается с большим искусством.

Теперь перейдем к самолону и западням, которые отнесем уже к садовой охоте, так как в лесу они, за небольшим исключением, мало пригодны. Наиболее практичный самолон по устройству своему сходен с лучком; он сделан одним московским птицеловом и любезно передан нам, как образец птицеловной снасти. Он представляет собою плоский деревянный обручик, собственно станок, шириною в полвершка, с возвышающимся с наружной стороны ободком; посередине его положена тонкая планка, шириною $\frac{3}{4}$ верш., на концах которой врезано по одному мелкому ящичку, в $3\frac{1}{2}$ вер. длин.; в этих ящичках вставлены конские волосы, закручивающиеся на кубышках. В волосы вставляется концами тонкий и легкий полуобручик с сетью, прикрепленной к нему, полуобручику, и к станку, так, что она покрывает весь обручик кругом. Полуобручик заводится на волосах и заряжается палочкою и коротким брусочком, так что брусочек придерживает» собою открытый полуобручик, а палочка, в приподнятом положении, служить присадою птице. Но так как этот заряд, палочка и брусочек, находятся в области полуобручика, а другая половина станка остается свободной, при чем севшая сюда птица, не коснувшись заряда, может уйти, то к концу палочки прикрепляются нитки, привязанные другими концами к станку, так что закрывают собою свободное пространство обручика-станка и, находясь в приподнятом положении, как и сама палочка, не позволяют птице уйти: она необходимо

должна СЕСТЬ на них (в действии самолова закрытых сухими листьями) или на палочку, а чуть она тронет, то или другое, полуобручик моментально захлопывается, и птица поймана. Самолов этот приспособлен главным образом на дерево для некоторых летних птиц; снизу он подбит холстиной. Мы затрудняемся привести здесь более подробное описание этой снасти и прилагаем рисунок.

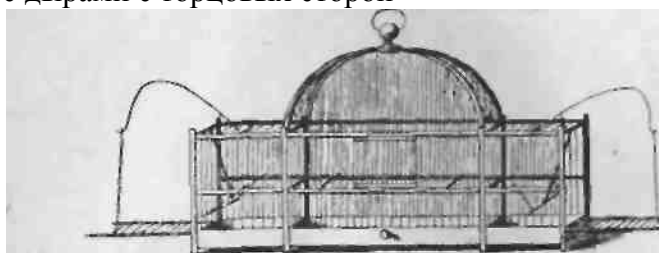

Самолов в закрытом виде.

Обыкновенная, всем известная западня по охоте должна быть невелика, прочна и немассивна; западни должны быть широкие и неглубокие (ящички): чем они открытые и виднее для птицы, тем лучше; заводить их лучше на волосах, и когда они заряжены, то дверки должны стоять ровно, так чтобы нижняя палочка слегка выходила из западка. Отнюдь не следует допускать, чтобы западки неудобно и медленно заряжались, и еще более предусматривать, чтобы они не могли произвольно схлопываться.

Кроме нашей обыкновенной западни есть несколько других, описанных немецкими охотниками. Западни эти, или ловушки, как их называют, чтобы не сказать больше, напоминают детскую охоту, и там силки имеют больше значения.

Для ловли скворцов у нас употребляется скворешник-самолов. По величине он должен быть соразмерно поместителен для птицы, выш. 8—10, шир. 7—5 вершков; дощечки, станки соразмерной толщины, в соединениях должны быть на шипах и без малейших щелей; главная лицевая доска, в которой прорезывается круглое входное окошко, ставится вдвое толще, потому что в ней, ниже входного окошка, поперек провертывается сквозное отверстие, с дырами с торцовых сторон

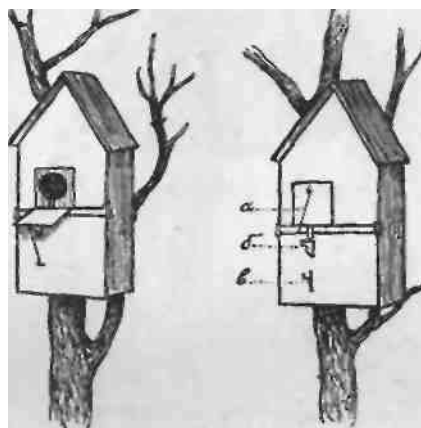
Западня.

В это отверстие, находящееся внутри доски, продевается волос (конские волосы, как в западне), в середину которого и посередине входного окошка вставляется палочка с приделанной дощечкой в размере окошка (дверка).

Западок.

Когда волосы заведены, то эта дверка с палочкою на волосах, поднимаясь снизу, закрывает плотно окошко, как мы это и видим на рисунке. Но тут же сверху этой дверки видим выдавшийся кончик той палочки на волосах; к нему на короткой шестериковой бечевке привязан коротенький прутик; если потянем за него, то дверка на волосах туго откроется вниз и образует палочку под окном (при этом конец палочки, вставленный в волосы, нисколько не препятствует открываться дверке, так как для него сделан прорез). Под дверкой сделана подставка, а ниже ее виден выходящий через прорез прутик; этот прутик другим концом прикреплен внутри скворешника к задней стенке.

СКВОРЕШНИК - САМОЛОВ.

Заряженный.

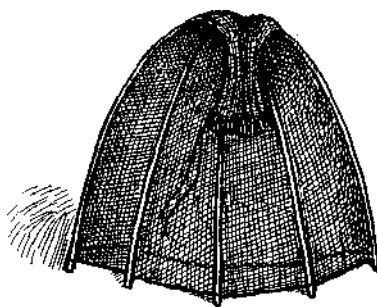
Схлопнутый.

а — палочка привязана к дверке.

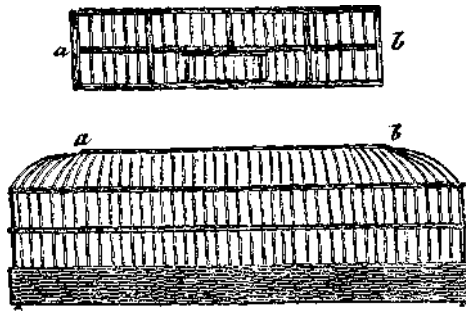
б — подставка под дверкой.

в — кончик крючка, выходящий из прореза.

Когда откроется дверка, то привязанный прутик будет внизу, здесь его и поставим, верхним концом подопрем под подставку, а нижним упрём в кончик прутика, выходящего из скворешника, слегка приподняв его вверх. Так он заряжается. Как только прилетит скворец, он садится на полочку (дверку), смотрит в скворешник, соскакивает в него и там, попадая на прутик, поставленный вдоль, спускает его вниз, отчего снаружи привязанный прутик отскакивает, дверка хлопает вверх и окно закрыто. Чтобы дверка плотнее закрывалась, в доске нужно вырезать для нее место.

Кутейка для пойманных птиц.

Небольшой садок для пойманных птиц.

Скворешник этот изобретен тем же охотником, который делал вышеописанный самолов, и мы не лишним считаем заметить, что только его смекалкой и его руками можно сделать такие снасти, — так они обдуманы и так чисто сделаны.

Также скворешники ставятся на деревьях и на шестах; в последнем случае поднимаются и опускаются по веревке.

Костяная соловьиная дудка в уменьшенном виде.

Общие правила ухода за птицами.

Уход за пойманными дикими птицами и приручение их — Уход за молодыми, взятыми из гнезда, выкормка и обучение пению - Клетки для комнатных птиц.

Относительно ухода за комнатными и певчими птицами мы уже говорили, что главные условия для рационального содержания птицы в клетке есть хороший и правильно примененный корм, чистый воздух и светлое место, где помещается птица. Правда, есть охотники, которые и сами не пользуются такими условиями, а между тем их жилища круглый год оглашаются пением птиц, но таких охотников, у которых птица при тщательном за нею уходом выносит неудобства жизни, смыкается и живет благополучно, — немного, притом и тут не всякая птица, а лишь зерноядная, зяблик, щегол реполов, др. насекомоядные же, пеночка, соловей и др., положительно не выносят таких лишений, как отсутствие чистого и теплого воздуха или недостаток требуемого ими корма. А потому правильная постановка комнатной птицы неизбежно требует указанных условий. И нам известны факты, где благоразумные охотники, не находя для себя почему-либо удобным соблюсти птицу, как это требуется по охоте, отказывались заводить ее у себя и довольствовались слушать ее на воле в лесу или в саду.

От скудного корма птица тощает, более бьется в клетке, стараясь выскочить для добычи корма, и поет изредка и сокращенно, а больше молчит (зерноядные на одном канареечном семени). От плохого, недостаточно свежего корма (затхлых или прогорклых семян или загнивших мурав. яиц) она заболевает желудочными болезнями, или легко, или вдруг с тяжелыми припадками. Поэтому на качество корма должно быть обращено серьезное внимание.

Нередко вновь предложенный корм птица не берет, швыряет его или берет неохотно, а между тем он ей полезен; тогда нужно приучить ее к нему постепенно, выдавая уменьшенными порциями (морковь или хлеб). Отнюдь не давать теплого корма, особенно мелким насекомоядным, во избежание болезней полости рта. Дача корма должна быть аккуратна, в определенных порциях; лучше кормить два раза в день, утром и вечером, при этом обращать внимание, чтобы в кормушке корм не оставался, по крайней мере тот, который птица предпочитает, а держат так, чтобы птица ко времени дачи корма, находясь впроголодь, сама требовала его, что она выражает беспокойными движениями или голосом, особыми позывами. Это очень важное условие, весьма благоприятное для птицы; при соблюдении его можно поручиться, что птица скоро привыкнет к охотнику, скорее и прилежнее запоет и сохранится от болезней (ожирение и его последствия у зерноядных).

Дикой, только что ловленной (пойманной) птице нужно связать с кончиков крылья*), посадить ее в закрытую редкой холстиной (серпянка) клетку и поставить на светлое место, чтобы могла оглядеться, ничего не пугаясь; зерноядной дать смеси семян, насекомоядной - свежих муравьиных яиц и мучных червячков, вообще как можно лакомить кормом, дня два держать птицу закрыто, а, если она не так строга (в этом отношении характеристика птиц различна: одна доверчива, другая очень робка), то в полужакрытой клетке, чтобы только есть не боялась. Когда она попривыкнет и хорошо возьмется за корм (а это замечается уже на второй и на третий день), — развязать крылья и перегнуть ее в обыкновенную клетку, в которой должна жить, также прикрытую до половины бумагой с одной или с двух сторон и поместить, где следует, насекомоядной непременно дать широкую плошку с водой, чтобы птица могла выкупаться.

*) Это особенно применимо к некоторым летним насекомоядным, чтобы птица не подшиблась, тогда как большинству зерноядных, синицам и таким нежным птичкам, как например, королек или орешек, - крылья не связывают.

Если клетка помещена высоко, то ее и закрывать не нужно. Иное дело в низенькой комнате, где птица всегда около тебя и потому робка, беспокоится, не посидит, не поест, как хочет. Относительно приручения птиц надобно заметить, что охотники, собственно знатоки пения птиц, не занимаются полным приручением птицы, как это видим у многих любителей, где нередко птица становится не только прирученной, но даже дрессированною (канарейки, катающие тележки): является па зов хозяина, садится на плечо, балуется и, получив какое-нибудь лакомство, поет в благодарность за одолжение. Правда, это достигается любителем нелегко, путем продолжительных упражнений, но есть такие страстные любители, которые, как кажется, обладают особенной способностью приручать и даже располагать к себе птиц. У моего знакомого любителя природы Д. Е. Карташева был совершенно дикий щегол, строгий до того, что не позволял приблизиться к клетке, бросался в испуге, рискуя подшибиться, а по прошествии месяца времени стал до того прирученным, как будто прожил в клетке не один год. Он был другом хозяина, и всякий раз, когда тот подходил к нему, отворял дверку клетки и приглашал его на руку, — он с видимым удовольствием усаживался на палец и ласково тербил его клювом. Несомненно, тут немалую роль играет доверчивость птицы к человеку, но не мало нужно и уменья со стороны человека вызвать эту доверчивость. Еще более интересные факты приручения птицы наблюдались у другого любителя Э. К. Шапкевиц в Либаве. Этот уважаемый собрат обладает необыкновенной способностью приручать всякую дикую птицу. Его два зяблика и один щегол, прожив в клетке 3-4 года, в летнее время ежедневно вылетали из комнаты на прогулку в сад, пролетая двор и далее через крышу большого дома, и оставались на воле в продолжение дня, пели, перелетали по деревьям, а к вечеру все вместе возвращались домой. Если их заставал в саду дождь, они также летели домой, к тому окну, из которого вылетали. Когда окно было закрыто, они, прижавшись к раме, дожидались, когда их выпустят в комнаты*).

Ничего подобного не практикуется охотником в строгом смысле слова, его главнейшие задачи дать птице правильный уход, т.-е. дать подходящую клетку и корм, какой она требует по природе.

Приручая дикую птицу, отнюдь не следует, помещать ее к окну, особенно если она видит снаружи зеленые деревья: она непрерывно бьется наружу, мало берет корм и вскоре начинает пушиться... Нужно, чтобы она привыкла к комнате и к охотнику, со стороны которого требуется большое внимание к птице, чтобы скорее ее приручить и скорее услышать ее пение, для чего, между прочим, полезно перемещать клетку с одного места на другое. Хотя весной дикая птица, особенно насекомоядная, через 2—3 дня уже начинает петь, сначала сдержанно рано по их к хорошим старым певцам, Зерноядных птиц обучают известными дудками, главным образом россыпям.

Относительно выбора клеток мы имеем сказать, что исстари выработанные деревянные клетки «на дугах», так называемые канареечные, с деревянными тростями или забранные проволокой и с крашеным железным поддонком, до сего времени остаются наиболее подходящими, практичными клетками для большинства комнатных птиц, т.е. всех зерноядных и многих насекомоядных. Они удобны фасоном, достаточно применены (за исключением фонариков), светлы и, главное, недороги, почему их с удобством можно завести на каждую птицу две клетки: в одной птица сидит зиму, в другой в летний период времени, при чем каждая клетка всегда остается чиста. Само собой разумеется, величина клетки должна быть пропорциональна птице: самый большой размер для дрозда или скворца, а самый малый, примерно, для короля. Средний, наиболее нужный, размер клетки, идущий для зяблика, черноголовки или большой синицы, — по длине 8 вершков; 6-ти вершковая клетка для таких птиц тесна, в ней птица не имеет достаточного движения и обивает перья, особенно хвост, чего по охоте не допускается. Принятое многими любителями мнение: чем больше, просторнее клетка, тем лучше, — положительно не верно: большая клетка мелкой птице скорее принесет вред, нежели удобства. Пустите, на-

*) Сообщено охотником О. К. Гетц

пример, чижа из обыкновенной клетки в дроздовую, он в ней одичает, будет летать, бросаться по стенкам не находя себе места, а когда обседится, то охотник заметит, что половина клетки птице совсем не нужна, она держится на одной средней жердочке или по низу, около кормушки и воды. Для птиц, не требующих жердочек, каковы: жаворонок, юла клетка должна быть также с металлическим выдвижным поддоном, как у всякой птицы, будет ли клетка круглая, восьми или четырехугольная, - одинаково должен быть поддон. Также необходима мягкая «подтяжка» (натянутый зеленый коленкор наверху клетки), чтобы птица, прыгая, по своему обыкновению, вверх и ударяясь головой, не могла подшибиться. У всякой птицы поддон должен быть покрыт мягким картоном и посыпан крупным, без пыли, желтым песком, который излишне spryskivayt водой, в летнее время мокрее. Чистка поддона необязательна каждое утро, особенно у зерноядных птиц, но у больших насекомоядных: дрозда, скворца и др., поддон приходится чистить ежедневно, случается два раза, и сменять картон, иначе в клетке слышится неприятный запах. Также нужно соблюдать жердочки в клетке: они должны быть чисты, для чего время от времени их нужно вынимать и обчищать ножом или обмывать горячей водой. Нижние жердочки ставятся толщиной в обхват птичьей лапки, а верхняя немного потолще, притом жердочки не должны быть чрезмерно гладки, на которых птице неудобно держаться лапками, а лучше, если они будут из побегов какого-нибудь дерева, не чищенного от коры. Водопойка должна быть не стаканчиком, а широкая, плоской, чтобы птице удобно было купаться, несмотря на то, что многие птицы редко купаются. Часто птица не купается потому, что мало воды, но что купаться ей необходимо - это известно всякому охотнику. Каждое утро водопойку следует тщательно выполаскивать, т.к. в ней уже на вторые сутки образуется слизь. Ежедневная чистка клетки в руках охотника обыкновенно непродолжительна: смахнуть песок на поддонке, переменить воду и дать корму, заранее приготовленного, - достаточно пяти минут времени. Иное дело при большой чистке, когда приходится вынимать жердочки, которые случается обмывать в горячей воде или обчищать ножом, и все перегородки клетки обчищать и протирать скипидаром; в этом случае необходимо перегнать птицу в другую клетку.

В отношении соблюдения чистоты очень хороши так называемые заграничные клетки*), крашенные под орех кругом и полированные; фасоном, как обыкновенные, - на дугах, но выше и по длине вершков 7-ми; забраны медной проволокой, с шинковым поддоном; вообще очень чистой работы. Также хороши так называемые «Венские клетки», из луженой проволоки; о них мы скажем в статье «Большая синица».

Относительно клеток под соловья мы также можем заметить, что нового тут, более практичного применения против существующих, исстари выработанных соловьиных клеток пока ничего не придумано.

Изобретенные стеклянные ящики для купанья, «ванны», охотниками не приняты.

Соловей.

«Скажите, кто не слышал песни соловья, и кто не восторгался этой чудной песней, этим гимном торжествующей любви? Чье сердце осталось к ней равнодушно? Можно мало любить природу, можно не знать песен лесных птичек, но кто же не узнает среди многоголосного лесного хора песни соловья? Ее всякий знает и всякий может ею вдохновиться и может ее полюбить настолько, чтобы никогда не забыть, желать вновь слышать, вновь ею упиваться, вновь отдыхать наболевшей душой...»

Так вдохновенно и красиво начинает свое повествование о соловье один из

*) Продаются в магазинах заграничных птиц (к сожалению, по очень высоким ценам, почему у охотника и неприменимы.)

современных писателей - охотников. Вполне сочувствуем этому охотнику и подносим ему цветы, но сами по себе подождем восторгаться песнею соловья, пока он нам не прокричал что-нибудь «по охоте».

Соловей прилетает к нам в апреле месяце, когда сойдет вода, или, вернее, ко времени цветения крыжовника и появления зелени на прочих кустарниках, в теплые, темные ночи. Если апрель стоит холодный, то прилет вообще летней птицы бывает поздний, в первой четверти мая. Иной раз нашего певца, лишь только он пожалует, вдруг застает холод и непогода, но это не останавливает его чудного пения и, нередко, даже в мороз, утром, в ранние часы, когда все кругом тихо, можно слышать его горячую «токовую» песню. Сначала прилетают самцы, самки - дня три-четыре спустя.

Места населения соловья общие птичьи места: большие лиственные леса среди возделанных полей, поросшие тихие низменности и покрытые кустарником берега реки.

Дикой, заросшей глуши, мрачных, безлюдных мест птица вообще не любит, а соловей особенно. Он держится в кустарниках близ воды; бывает, по берегам речек выдаются заливные озерца, поросшие мелкими деревьями и разным кустарником, а также в подлесках, особенно около ручьев, и в светлых лиственных лесах, предпочтительно на поросших кустарником и деревцами болотах, любит осину и нередко держится на ней на значительной высоте.

С.Т. Аксаков в своих живых описаниях природы (Записки ружейн. охотника) так характеризовал соловьиные места по берегам малых речек: «там редко встретишь вяз, дуб или осокор, там растет березник, осинник и ольха, там, кроме черемухи и рябины, много всяких кустов: калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и других. Многие деревья, и предпочтительно тазовые кусты, пронизаны, протканы и живописно обвиты до самого верха цепкими побегами дикого хмеля и обвешаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потом палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградные кисти, внутри которых таятся мелкие круглые, горькие на вкус хмелевые семена. Множество соловьев, варакушек и всяких певчих птичек живет в зеленых, густо растущих кустах такой уремы. Соловьи заглушают всех. День и ночь не умолкают их свисты и раскаты»...

Здесь, в городе и в окрестностях, соловей предпочитает большие сады, особенно, где есть пруды, также с поросшими берегами, и крепкие кустарниковые заросли, например, сирень, жасмин или ягодные кусты. В таких тихих, нечищенных садах птица находит себе необходимые условия жизни и держится из года в год. Мало, однако же, осталось теперь таких садов*).

Собою соловей птица красивая, стройная, на высоких ногах, с большими черными глазами, держится этак гордо и картинно: крылья несколько вниз, а хвост немного вверх; и часто им плавно покачивает. По характеру птица неробкая. Как другие, но держится вообще скрытно, по низу кустарника; в садах в ранние часы утра показывается на дорожках, когда кормится, прыгая более или менее длинными прыжками, как дрозд, при чем часто останавливается, сторожится и осматривается; когда чего-нибудь боится, произносит тихим щелкающим звуком: «так», «та-так!» Пищею служат насекомые и их личинки, бегающие и ползающие на поверхности земли или в сухой листве, а также некоторые виды земляных червей и муравьиные яйца, которые птица находит иногда в лесных местностях.

*) Уцелевшие до настоящего времени соловьиные места, где птица держится постоянно:

Парк хозяйственной дачи г. Бородиных, так-наз. «Птичий остров», за Преображенской заставой близ

С. Щитникова. В этом прекрасном смешанном парке с массою поросли птица селится как нигде из окрестностей и тщательно оберегается просвещенными владельцами дачи. Кроме того: Петровско-Разумовское и Кунцево, в малом количестве соловей селится в ближайшей к городу роще Ваганьковского кладбища, в городе держится в Нескучном саду. Разумеется, мы не ограничиваем этими местами поселение птицы, она может встретиться и в других окрестных рощах или садах, но мы говорим о тех, которые нами проверены.

Орнитологами соловей делится на две разновидности: восточный, или обыкновенный соловей, и западный. Первый живет во всей Европейской России и юго-западной Сибири, почему и назван восточным; последний распространяется на запад по всей Европе. Но оба они, однако же, не держатся строго своих границ: западный живет у нас в лесах Киевской и смежных губ.*), а наш восточный встречается в местностях оседлости западного. Западный соловей, или, как его называли прежде, австрийский. Собою несколько поменьше восточного; оперение сверху искрасно-бурого цвета, голова темнее, горло буровато-белесое, щеки и грудь несколько темнее, светло-бурые, низ живота к подхвостью белесый. По груди заметна легкая, темноватая продольная пестрина. Ноги грязновато-тельного цвета. Клюв сверху темно-бурый, снизу светло-рогового цвета.

Оперение восточного соловья сверху светло-буро-красноватого цвета, щеки и грудь светло-буровато-серые. Горло и низ брюшка к подхвостью светлее. Хвост несколько краснее верха, можно сказать, ржавчинно-красноватый. У западного хвост потемнее, при той же красноватости. Обе птицы, в общем, отличаются более по складу, по фигуре, нежели по цвету пера. В отношении же песни у них большая разница. У западного соловья песня полнее и красивее, у нашего она, говоря вообще, попроще. Ниже мы еще скажем о песне подробно, а пока опишем, как живет знаменитый певец по лесам и садам.

Тотчас по прилете, где бы ни поселилась птица, временно или оседло**), лишь только она осмотрелась и остается спокойна (т.е. ничто ее не пугает), как начинается страстное «токовое» пение, призыв самки. На голос самки, на ее нежное «фит» - он летит, не разбирая никакой опасности, и буквально бросается, в какую хотите, ловушку. Кажется, ни одна из насекомоядных птиц в пору любви не обнаруживает такой горячности, как соловей: он поет в даже в «кутне» птицелова, оставаясь там по несколько дней при невозможных условиях: со связанными крыльями, без воздуха, без света, без воды...

Процесс спаривания у соловья, кажется, тот же, что и у других родственных ему птиц, где самец, желая заключить союз, проделывает перед самкой разные картинные прозы и движения.

После оплодотворения самка приискивает себе удобное место для гнезда и начинает собирать материал для постройки его. Гнездо располагается или на земле в чаще ветвей кустарника, углубленно в ямке, или в самых ветвях низко над землею. Постройка гнезда на земле очень простая и рыхлая, в ветвях несколько прочнее, но все же не представляет того искусства, как это видим у других птиц. Материалом служат сухие древесные листья, тонкая сухая трава, тонкие прутики и стебельки; лоточек, собственно сиденье, выстилается более мягким растительным материалом и конскими волосами. Кладется 4-5 яиц, бывает и 6, оливкового, неровного фона, вообще близкого к цвету сухих листьев. Высаживает почти одна самка, очень крепко, в продолжение 2 недель. Когда она слетает кормиться, самец гонит ее опять на гнездо, но, бывает, садится и сам; иногда он кормит самку, когда она сидит на яйцах. Кладка у соловья раз в год; но в несчастном случае, когда гнездо разорено, птицы приступают ко второй кладке. Время выхода молодых, говоря вообще, конец мая. Во все время высиживания самец рта не закрывает, поет, обыкновенно вблизи гнезда; начнет, как свет забрежит, и кончит в исходе утра; днем поет мало и неполно. Вечером начинает петь, когда солнце садится, и продолжает до полуночи. А иной начнет час. с 9-ти и, с перерывами, поет, куда станет светать.

По выходе птенцов, соловей поет реже, жар спадает, приходится заботиться о детях.

Обе птицы старательно собирают по земле разных мелких насекомых. Но преимущественно личинок и куколок, и беспрестанно подлетают к гнезду. Кормят молодых, которые очень скоро растут и крепнут. Так что недели через две уже

*) Тут, вам кажется, излишня заметка, что птица неоднократно была завезена сюда из-за границы птицеловами и случайно выпущена в последние годы в значительном количестве в Киеве.

**) Случается иногда, соловей появляется в таком месте, где его не ожидаешь, например, в палисаднике, где два куста сирени да два-три дерева.

соскакивают с гнезда. Находясь еще в пеньках, с желтоватыми пушинками. Они держатся не разбиваясь, кучкою, первое время на ночь возраста. В начале июня молодые в буром, гнездовом оперении с ржавчато-желтоватой пестринкой, к Петрову же дню или несколько позднее они « перебираются» и имеют оперение несколько бледнее стариков, которые также линяют с этого времени и уже бросают молодых. Разлетевшись врозь, молодые живут самостоятельно; самчики учатся петь, ворчат тихо и несвязно. Пение старых постепенно сокращается с тех пор, как вышли дети: с половины июня их уже не слышно.

Так заканчивает птица гнездование и в конце августа отлетает в Африку.

Теперь посмотрим, как ловится соловей. Какими способами ведется на него охота.

Оказывается, что практикуемые снасти для ловли соловья весьма различны: птица ловится и большими наволочными сетями, которыми охотник окутывает кусты и затем гонит ее по низу в сети, и «лучками» «на подвязную» с помощью свистка, что называется «на драку», и самоловом на точке на муравьиные яйца, и, наконец, просто западне*), также «на драку», подманивая свистком. Ловля вообще несложная, не требующая особых приспособлений и, может быть, малоинтересная, но сама птица тут очень беспокоит человека своими песнями, и нередко, чтобы поймать соловья, приходится испытать большое душевное волнение... Помнится, например, такой случай.

Однажды весной, в апреле месяце, только что я устроился у себя в саду с тайничком по разной вешней птице, как вдруг получаю письмо. Самодельный, из писчей бумаги конверт и плохо написанный адрес, не то печатными, не то прописными буквами, - сразу объяснили мне, в чем дело: письмо было из деревни от мужика, моего лучшего приятеля по охоте, и, помимо обычных: «кланяюсь», и «поздравляю», «и желаю», гласило следующее: « Еще уведомляю вас, что у нас от вчерашнего числа показались соловьи и недалеко за нашей деревней, в барской усадьбе, в лесу, одна птица кричит необыкновенными песнями, на манер, как из графского сорта, «лешевыми дудками» «с охонья» и стукотнями, и «свистовым ходом», «дробми» и «желновыми», кричит на удивление... Взять ее мне одному неподручно, а потому, ежели вам можно, безприменно выезжайте завтра, 27-го, в Куликовку. Я буду ждать вас на лошадях, с поездом, что приходит в 8 ч. вечера».

«Не место такой птице там у тебя в барской усадьбе, думал я, прочитывая это письмо в третий раз, но в то же время чувствовал, что сердце у меня сильно заколотило тревогу... Конечно, есть и обратная сторона, размышлял я, прокричать и мелочами и, может быть, помарочку покажет, но все же, если так пишет, - птица должна быть по охоте... А потому надо ловить». Не теряя времени, я натянул большие сапоги, надел куртку, захватил дождевой плащ и простился с женою на два дня.

Было серое утро, в воздухе парило к дождю, и птицы точно смеялись надо мною, заливаясь одна перед другой по садам нашего захолустья; но я их не слушал, шагая по переулку, задумавшись о предстоящей охоте. Только одна пеньочка смутила меня, когда я проходил около забора большого сада: вдруг над моей головой, качаясь на спустившихся ветвях плакучей березы, залилась своею нежною, мелодичною песенкой, и что-то отрадное сказала мне свистунья на дороге... Я поскорее поспешил на вокзал. Мне уже представлялся и лес, в котором поет тот соловей, и процесс охоты: как мы с Алексеем Егоровичем живо окутали сетью кустарник и как погнали птицу... Я волновался и, только подойдя к вокзалу, несколько успокоился. Обычная толкотня пассажиров в зале 3-го класса, порывистые свистки паровоза, поездные звонки и стук номератора в кассе - сразу перестроили меня на другой лад. Я вырвался из толпы, вскочил в вагон и уткнулся в газету. Поезд тронулся. Промелькнули последние городские строения, за ними загородные фабрики с длинными железными трубами, затем сады с дачными домиками, далее поле, роща и за нею село. Приближаясь к нему, вышел из вагона на тормоз и стал всматриваться, как поживают мои приятели на приволье: вон грачи расхаживают по

*)Ловля западнею, несколько измененною против нашей обыкновенной западни,- практикуется в Смоленске местными мелкими промышленниками.

зеленому озимому полю, собирают личинок и червей для вышедшего потомства; вон две галки поместились на спину лошади, привязанной у кузницы, и торопливо принялись дергать шерсть на выстилку гнезда; а вон мой друг скворец взмахивает крылышками, поет на скворешнике, прилаженном на длинной слеге над тесовой крышей маленького ветхого домишка. Хотелось спрыгнуть с тормоза, послушать эти весенние песенки, пройти туда по полю к лесу, к речке. Но это было невозможно, поезд летел все дальше и дальше, сменяя картины одна за другою. К вечеру я был уже далеко, побывал в двух уездных городишках и затем сошел на платформу железной станции «Куликовка».

Не успел я оглядеться, как ко мне подкатил ожидавший меня мужик, Алексей Егорович, на паре тощих, но бодрых лошадок, запряженных в легкую, приноровленную для седоков телегу.

- Здравствуйте, Иван Кузьмич, с приездом! - радушно приветствовал он меня, сняв шапку и улыбаясь всем своим буро-красным лицом, с бойкими карими глазками и маленькой чалой бородкою на две половинки. - Здоровы ли?

- Слава Богу. - Мы пожали один другому руку, я влез на телегу, и лошади рысью покатали нас по узкой и выбитой проселочной дороге. Нужно было ехать верст восемь.

- А я и думал, что вы приедете и нет, - толковал Алексей Егорович, повертываясь ко мне боком.- И очинно огорчился, право, - стою да угодника прошу: батюшка, Никола милостивый, управи его, чтобы приехал.

- Да что ты это взволновал меня, старика!- обратился я к Алексею.- Откуда ты взял эту птицу?-

- Ха, ха, ха! Откуда! Известно, пролетная птица. А уж и птица, Иван Кузьмич, до чего «светла», «верна», приёмиста!... и песен, песен... я и сказать не могу... Лет семь назад я взял тут вот, верстах в пяти, по речке, одну птицу, в этом же сорте была, но только против этой не годится... Это, вы послушайте, необыкновенный соловей... сейчас умереть...

Зная слабость моего приятеля увлекаться, я перевел этот разговор и поинтересовался, почему он один не ловил этого соловья тотчас, как услышал его

- А вот, видишь ты,- пояснял Алексей Егорович,- лес этот очень строго охраняется, шесть человек лесников там, и войти туда нашему брату с большой опасностью... Намедни одного мужика взяли егеря из Назимовки... Ты его знаешь, Никита хромой...да так-то всыпали. Что и по сие время с палочкой ноги передвигает, пять шагов пройдет, да постоит... Кабы, говорит, знал, своих бы пять пар дупелей отдал... Пуще всего, ружье отняли...

- Понимаю, - значит, насолили ваши мужики тому помещику,- заметил я.

- Да уж так насолили, что и хлебать нельзя! - приятель. - Но пуще себе напортили... На барина-то всей деревней круглый год работали, и нужду справляли, а теперь ни мужика, ни бабы назимовских нипочем...

Зарвались очень: то порубки, то потрава, то вот этот хромой ворвался... Ну, известно, кого хошь заберет... Барин-то, видишь ты, сына ждал из Петербурга в побывку и охоту ему приготовил любимую, по дупелям. Что отец, что сын - страшные охотники... а хромой влетел... И теперь, не только что, мимо усадьбы идешь, да оглядываешься... Сам, чуть свет, угодя объезжает верхом, с собаками, и ежели кто попался с ружьем али с сетью - молись, чтобы до дому живому добраться... Из военных он и крутой... со зверем лучше встретиться иной раз... А по совести и хромого нельзя шибко обвинять: нужда-то, знаете, чего не делает...

Так, с разговорами, мы не заметили, как доехали до деревни, спустились в отлогий овраг, прогремели по бревенчатому мостику и выбрались прямо на поля, раскинутой по сторонам дороги.

- Вот мы и дома,- пояснил Алексей Егорович, пуская лошадей шагом. - Вон моя полоса зеленеет, а там яровые,- толковал он, указывая кнутовищем на поля,- Что-то Бог даст нонче... Вон и баба вышла нас встречать... вон, стоит у ветлы-то.

Мы подъехали ближе. Баба в кубовом сарафане с красными цветочками и в красном платке на голове приблизилась к телеге и, низко кланяясь мне, ласково проговорила, как старому знакомому:

- Здравствуйте, батюшка, Иван Кузьмич! Как родному мы вам рады ... Благодарим, что не оставляете нас. Пожалуйте, милости просим.- И по приглашению «самого» скоро зашагала вперед, чтобы приготовить умыться, самовар и все прочее...

День уже вечерел: на западе низко протянулась узкая красная полоса ушедшего с горизонта солнца, и стоящие по сторонам избы и около них деревья начали одеваться сумраком вечера. В деревне было тихо; слышались только тьяканья собак, разными голосами начинавших свою сторожевую службу, да где-то перекликались мальчишки:

Ва...анька...а...а! У..у... жина...а...ать!.. У иных изб на завалинках сидели мужики. По двое и по трое, и о чем-то тихо разговаривали.

- Вот и наше обиталище,- произнес Алексей Егорович, останавливаясь около избы в четыре окошка на улицу.

Пожалуйста, Иван Кузьмич, с усадьбы, с того крыльца.

Я последовал по указанию и через большие, чистые сени вошел в избу. Жилище моего приятеля не отличалось убранством и как-то особенно казалось мне приятным своей простотой: низенькая, просторная, бревенчатая изба, с массою икон в переднем углу, с большой русской печкой и широкими лавками по стенам. На правой стенке близ образов были аккуратно приколочены гвоздиками царские портреты, производства московской литографии.

Пока я разговаривал с хозяйкой о деревенском житье-бытье, вошел Алексей Егорович, управившись на дворе с лошадьми. По обычаю помолился на образа и снова поздравил меня с приездом, присаживаясь на лавку возле меня. Баба внесла большой кипящий самовар, вычищенный хоть глядись, расставила цветные чашки по порядку и закуску, какая нашлась в обиходе: студень с разводным хреном, кринка молока, ржаные лепешки с творогом. Началось угощение.

Между тем, за окном у избы собралось несколько мужиков, и слышался разговор.

- Да, можа, зря это...

- Чаво зря,- сичас тетка Алена к Оаддеичу прибежала, алямон брала, сказывала из Москвы господин приехал. Вон, так и есть, вишь с Ляксеом надышный барин сидит, охотник, Иван Кузьмич, чай пьют...

- Стало быть, надо поздравить...барин хороший...

Понимая, что разговор идет на мой счет, я, не входя в рассуждения, достал «бумажку» и просил Алексея Егоровича передать ее мужичкам на угощение «с приездом». Проводив эту депутацию, мы обсуждали наш план.

- Ловить будем сетью, - с расстановкой толковал Алексей Егорович, прихлебывая с блюдца чай - охватим кусты и готово... Место маленько неспособно; берег с речки сажени три вверх и крепко зарос кустарником, не продерешься... А поверху, в подлеске, орешник, черемуха, рябина и мелкий осинник. Тут он и держится, утром в черемухе, а вечером, как смеркнется, перелетает: шагах в двадцати, там у канавы, где ручей сбегает, три маленькие осинки стоят, этак вместе. На них и держится. И что он тут разделяет,- уму помрачение!.. Я две ночи слышал его и, кажись, сейчас бы ушел, да уже некогда надо ловить. Завтра часа в три я подниму тебя. В лес пойдем с реки. Там у трактирщика есть лодка, на ней и махнем... Никто нас там не увидит.

- А лесники не помешают нам?..

- Нет, лесники не помеха. Я говорил с ними, что возьму соловья, несмотря ни на какой запрет... Они знают меня... и просили только на вино и чтобы на барина не наткнуться, чтобы, значит, их не подвести. Барин-то, видишь ты, сам охотник и соловья этого заметил. Он может и не понимает по охоте, но, сказывают, кажинный вечер приезжает с барышней к сторожке и долго слушают этого соловья... Лесникам ты дашь зелененькую на всю компанию, птицу бери себе, сочтемся...

Так мы и порешили с приятелем, выпили по чарке за успех в охоте и отправились в сарай спать,- в избе было душно. А наутро, до восхода солнца, уже катили в досчанике*) по узенькой, по глубокой, омутистой речке, но с соблюдением полной тишины. А.Е. без звука поднимал и опускал в воду весла и был, видимо, озабочен. Он, только подъезжая к лесу, шепотом поставил мне вопрос: «А что, как перелетел?...» Потом вдруг задержал лодку и, показывая рукою на лес, прошептал: «слушай!..»

Из массы доносившихся из леса голосов: пеночек, зябликов, дроздов и прочих пташек, вдруг вырвалась «светлая дятловая» стукотня вверх, за нею другая, «юлиная» и сильная «резвая дробь» так и рассыпалась по реке...

А.Е. загорелся: жестом показал мне достоинство и запальчиво вопрошал:

-Что?! Что, милый?.. Вот как у нас кричат дробми-то!.. Есть ли в Москве у кого?..

- Не кричи ты, пожалуйста!- просил я его дружелюбно!..

- Нет, я говорю, как прокричал дробью-то, слышал?- повторил А.Е., берясь за весла.

Мы подплыли к лесу, спрятали лодку в кустах, осмотрели место, соображая, как занести сеть, и тихо, как кошки, поползли вверх по кустарнику, как можно стараясь не подшуметь. Добравшись до намеченного места за несколько шагов, мы стали заносить сеть - А.Е., с одной стороны, я с другой стороны, живо окутали кустарник на большое пространство и оба погнали птицу со стороны леса, шумя ветвями и следя глазами по низу кустарника. А.Е., как опытный ловец, первый проследил птицу, в испуге бросившуюся по ветвям, пугнул сверху шапкой и тут же крикнул мне: «кутейку!» Соловей запутался в сети.

Я подбежал к нему, он уже держал соловья в руке и как-то нервно распутывал его из сети.

- Дай я выну!- сорвалось у меня.

- Снимай скорее сеть! - с сердцем ответил А.Е. Я засуетился и не успел снять половины сети, как из леса вдруг раздалось на близком расстоянии звонкое и дружное тьяканье собак, как-будто они нашли зверя.

А.Е. проворчал что-то на своем диалекте и торопливо начал помогать мне снимать сеть; местами мы ее порвали, но все-таки свое дело сделали и поспешили к лодке. Впрыгнув в нее, мы уже считали себя вне опасности. А.Е. ,оттолкнувшись от берега, на радостях крикнул по направлению к лесу.

- Прощай, барин! Не поминай лихом!...

Но лишь только он это произнес, как из леса вдруг выскочили три породистые черные таксы и злобно залились на нас, вертась и подпрыгивая на берегу. Следом за ними вылетел и барин на горячем золотисто-гнедом скакуне, одетый в зеленую венгерку и в фуражке с красным околышем. Он был, как говорится, взбешен, хлопал арапником и сердито кричал на нас:

- Стой! Ни с места! Стрелять буду!- А.Е. положил весла

- Стреляйте, у нас ружей нет!- крикнул я барину.

- Кто вы такие? Зачем входили в лес?

- Ваш лес обнесен канавой,- отвечал я,- которую мы не переходили, следовательно и в лесу не были, а под лесом были.

Барин закричал какую-то брань. А.Е. махнул веслами и мы уехали. Мы оба были сильно расстроены этой неожиданной сценой, и я долго не мог простить себе моего увлечения...

Разберем песню соловья, в чем заключается она по книге, при этом вернемся к вышесказанному разделению соловья на два типа и рассмотрим каждого в отдельности:

Западного и восточного. Тут, чтобы удобнее разобраться, мы проследим птицу издавна, как она пела в прошедшие времена и как поет теперь. По устным сказаниям современников старой охоты и по некоторым печатным источникам видно, что наш

*) Плоскодонная лодка

восточный соловей, о пении которого в настоящее время приходится сказать очень немного, в отдаленном прошлом не уступал пением сменившему его в охоте западному, австрийскому. Соловью. Были хорошие тихие уголья, уютные места, где всякая птица массою селилась долгие годы и, живя ничем не нетревожимая, вырабатывала достоинства песни. Таких мест в блаженном прошлом повсюду было не мало. И у нас, не только в окрестных лесах, рощах или садах,- во многих городских садах можно было слушать прекрасных певцов. Наши соловьи отлично кричали лягушками, тремя песнями,- кваканье, дудка, в роде червяковой россыпи, и гремушка*),- волчковой дудкой и раскатом. Волчкова дудка- это превосходная светлая дудка, одна стоит несколько песен, одна украшает птицу и ставит ее высоко в охоте. Она принадлежит птице хвойного леса, поползню или волчку (S. Eucoraea); в соловье бывает лишь изредка и мало кому известна из охотников, так как волчка почти никто не держит в клетке:

Он очень скуп на песню и требует особенного за собою ухода. Раскат исполнялся не глухо вниз, но сильно и длинно. При этом, разумеется, были и второстепенные песни, и «мелочи»,- без этого нельзя.

Кроме этих местных соловьев, встречавшихся у нас в окрестии, лесах и в садах, в конце 20-х годов были новосильские соловьи (Тульская губерния), прекрасно кричавшие стукотнями и кукушкиным переломом. В охотничьей статье И.С.Тургенева «О соловьях»**) (помеч. 1855 года) упоминаются малоархангельские соловьи. (Орлов г.), с хорошею песней «гусачек»; га-га-га-га. Но лучшими были привозные из южных губ. курские и черниговские. Курская птица известна в Москве с очень отдаленных времен, но она некоторое время попадалась нашим охотникам лишь изредка; однакож в 1818 году была уже в славе по всем городам России, всюду знали курского соловья. В Москве в то время особенно сильно шумели две птицы: одна была «губовая» (ученая на Губовых свистках), привезенная одним тульским охотником, другая - курская натуральная птица. Оба эти соловья именно поражали охотников своими необычайно красивыми песнями.

«Губовая» кричала курскими песнями и между прочим желной 40 слов.! Она висела в трактире Седова у Калужск. Ворот (где ныне трактир Бакастова). Охотникам, желавшим подвешивать к ней молодых, было 5 р. в час и 25 р. в неделю.

В свою очередь, курская «каменовская птица», как она называлась, удивляла своими дробями и привлекала к себе весь тогдашний охотничий мир; со всех концов Москвы как будто на храмовой праздник шли и ехали охотники послушать эту чудную птицу. Большая зала трактира, где она висела (у малого Каменного моста, трактир Выгодчикова), день и ночь была набита народом. Тихо, не произнося громко слова, сидели охотники за чайными столами по-двое, по-трое и с замиранием сердца ожидали того часа, когда запоет знаменитая птица. И лишь только клетка начинала слегка колыхаться, т.е. птица начинала беспокойно бегать по жердочкам, «злиться», перед тем как запеть,- взоры всех слушателей обращались на клетку. И при первом звуке, когда птица произносила прием и за тем песню,- каждый охотник как бы застывал на месте, весь обращаясь в слух... Невыразимо чудные песни оглашали всю залу... Охотники млели и тряслись от восторга... Но когда кончала птица песню, страшный, беспорядочный шум

*)Сохранился рассказ, что один почтенный охотник, выслушивая по ближайшим болотам и прудам хороших лягушек, с дудками, ловил их и, поместив их жительство поблизости своего жилья, подвешивал к ним молодых соловьев. Лучшие лягушки в старину были здесь на Красном пруду и в прудах Лефортовского сада

**)Записанную покойным И.С.Тургеневым со слов охотника песню соловья можно было бы безошибочно отнести к курскому или черниговскому соловью, но без толку поставленные охотником почин «фю-ить» и раскат не позволяют этого: обе эти песни (т.е. одна песня и почин) есть характерные песни нашего подмосковного соловья и положительно не идут в репертуар сказанных двух соловьев, так сильно выделявшихся достоинством песен. Мы догадываемся, что охотник говорил не об одном каком-либо соловье, а просто передавал слышанные им хорошие песни. Во всяком случае приведенные «10 колен» достаточно характеризуют нашего старинного соловья средних или южных губерний до Киева.

поднимался в трактире, каждый от избытка чувства стучал чем-нибудь по столу, кричал одобрения или хлопал ладонями*).

Относительно песни каменовской птицы мы, со слов того же свидетеля, можем сообщить, что дробями она кричала необыкновенно, как ни одна птица ни до, ни после нее,- достаточно того, что их было 9 манеров; особенно выдавались дробы «в оборот». В других песнях, в дудках, она была короче помянутой «Губовой», но та была «губовая», ученая, а таковые всегда кричат сильнее и длиннее (однакоже не ценятся выше хорошей натуральной птицы).

Почти в то же время здесь замечательная охота была у купца Ивана Петровича Кирильцева. Это был выдающийся охотник и глубокий знаток по соловьям; о птице его так и говорилось в то время: «Кирильцева кличка». Многие охотники прибегали к нему с просьбой подвесить молодых. У него, между прочим, была замечательная ночная птица, заплаченная 2000 рублей, какого сорта, с какими песнями,- нам сообщить не могли, но известно, что ему привозили соловьев из Тулы и из Курска. Печальное воспоминание осталось об этом замечательном охотнике и прекрасном человеке: он занемог, огорчившись потерей своего лучшего соловья, слег и здоровье к нему не возвратилось... Случилось так: охотники, собравшись к нему «слушать», в восторге слишком зашумели соловью, когда тот кончил петь, закричали, застучали ногами и стульями, соловей испугался, бросился по клетке и подшибся. Это было последнее собрание у Ивана Петровича**)

Таковы были охотники в старину.

Еще более трогательный случай из жизни охотников по соловьям находим в романе И.Крылова - «Для чего женился человек», где почтенный автор описывает действительное происшествие, относящееся ко времени 1825 года или 1826 года***). Не пропуская этого интересного повествования, мы приведем его здесь к характеристике наших старинных охотников, в кратких, главнейших чертах.

Молодой человек, из торговцев галантерейным товаром, тихий, скромный, ко всем почтительный страстный охотник по соловьям, - услышал в один роковой для него день, что где-то в Грузинах, в трактире, есть замечательный, неслыханный доселе соловей. Сообщено это было не просто, а с подтасовкой, и охотник немедленно поехал слушать. И тогда прослушал соловья, то так увлекся, что готов был отдать за него все, что имел. Но так как за соловья просили довольно крупную сумму, которой охотник не имел и достать не мог, то он решил жениться, с тем расчетом, чтобы на полученные за женою деньги купить соловья. Цель была легко достигнута, так как к нему уже не раз зааживала сваха. Он дал согласие, и свадьба скоро устроилась. Охотник получил в день девятилетия деньги и в тот же вечер, не задерживаясь у невесты, поехал и купил соловья. Довольный и веселый бесконечно, он повесил у себя в гостиной комнате и с нетерпением ждал того часа, когда запоет соловей. Читателю, может быть, приводилось видеть какого-нибудь жениха накануне свадьбы озабоченным переменой жизни, приготовлениями, и можно было бы ожидать того же и здесь, но нашему охотнику было не до того: он почти всю ночь просидел, ширкая ножом о тарелку и дразня соловья****).

Он понимал, что птица обеспокоена, на новом месте, и поэтому скоро не запоет, но в то же время думал: а может быть отзовется... Хоть бы одну песенку, эту: филон! филон!- размышлял наш охотник. Но не привелось ему слышать у себя этого соловья, не суждено было насладиться его пением.

*) Записано со слов современника известного охотника Парфения Семеновича, жившего в 1880 г. в Бабьем городке.

**) Записано со слов Ивана Ивановича Кольчугина, родственника Ивана Петровича по матери, урожденной Кирильцевой.

***) Как подтверждено Ив. Ив. Кольчугиным, отец которого Иван Григорьевич, торговавший в то же время на Никольской ул. у Казанского собора, лично знал упомянутого И. Крыловым охотника, торговца в шкапчике Ножевой линии.

****) Соловей был ночной и начинал петь часов с 11-ти

На следующую ночь, после того, как свадебный пир кончился, все гости разошлись по домам и в комнатах стало тихо, - соловей начал было петь, прокричал несколько раз «приемом» и «прошел бы и песнями», но ночевавшая в той комнате сваха, уютившаяся на сундуке под самой клеткой, не допускала такого беспокойства и всякий раз, лишь только соловей начинал приемом, пугала его, ударяя чулками по клетке. Охотник неоднократно вскакивал с постели и подкрадывался на пальчиках слушать, но сваха и ему воспрещала: «где это видано,- ворчала она,- чтобы в таком разе оставлять молодую одну... Не изволь, не изволь»... И когда охотник удалялся, а соловей снова начинал петь, - она снова пугала его, чтобы он молчал, и при этом не заметила, как вышибла в клетке две трости. Напуганный соловей выскочил из клетки, ткнулся на свет к окну и вылетел в отворенную форточку. Это произошло так быстро, что ни охотник, ни сваха ничего не заметили. Сваха спокойно спала, а охотник, уверенный, что соловей пройдет песнями, несколько раз вставал, прислушивался, легонько фикал соловью, но, ничего не дождавшись, снова уходил в спальню», полагая, что птица строга. Только под утро, когда стало светать, он заметил, что клетка поломана, поставил стул и когда увидел, что соловья в клетке нет, закричал в отчаянии, схватясь за голову руками, и упал со стула... Переполох произошел ужасный: все вскочили с постелей, - молодая, сваха, кухарка,- и в испуге не знали, что делать: бегали по комнатам, кричали, суетились около охотника, спрашивали: Что с тобой? Что случилось? Но он всех в неистовстве гнал от себя прочь. С трудом поднявшись с пола, он плакал, рвал на себе волосы и, страшно негодуя на сваху, кричал: «Ты, ты, злодейка украла его! Говори, говори, злодейка, где он? Разорили! Убили!»...

Сбежавшиеся на шум соседи, столпясь в передней, тоже не понимали, в чем дело, и решили, что молодой испорчен. Объяснилось только тогда, когда охотник, в порыве гнева, запер сваху в чулан, чтобы она не ушла, а сам побежал в полицию заявить о краже соловья. Но все хлопоты его, все поиски были напрасны, соловей улетел. Кончилось тем, что охотник махнул рукой на все, запил горькую... потерял карьеру и дойдя до бедственного положения, погиб.

Относительно песен курского соловья вообще мы можем добавить, что курская птица по охоте была высокого достоинства... она именно заставляла охотника и плакать, и восторгаться, доводила его до верха счастья и наоборот. За отдаленностью времени, теперь трудно переименовать здесь все те песни, которыми кричал курский соловей, но безошибочно можно сказать, что характерные, основные песни птицы были дробы. В общем песен было много и были очень красивые: из дробей замечательна «зеленухой» (пес. лесной канарейки). Затем: «тревога» (в роде барабана), «желна», «дудки», - отмечается «трелевая»; «стукотни», «свист», т. наз. «смирновский», «клыканье», «кукушкин перелет».

В 30-х годах, когда курская птица несколько стала сдавать, сюда были привезены черниговские соловьи и, кроме них, польские и Бердичевские. Первые, с реки Слопы, кричали всеми дудками: «польской», «лешевой», водопойной и «лягушачьей»; кроме того кричали «журавликом» (подобно «курлы»). Польские отличались своею типичною песней_ «трелевой дудкой, с обычного приема «кваканья»*) кричали и другими дудками и дробями, также стукотнями,- выдавались «овсяночная». Бердичевские прекрасно кричали дробями. Относительно польского соловья надобно заметить, что это совсем особенный сорт соловья; его «ход» и самые песни резко отличаются от всех других, и так и называются польскими песнями: « польская светлая дудка», « с лягушки», «польский подъемный свист», «катушка», «перебивная стукотня», «гремушка», даже «мелоча» и «помарки» у него характерны, хотя при этом он и кричит общими с другими песнями.

Черниговские и Бердичевские соловьи были предшественниками так называемых «свистовских соловьев», привезенных сюда, насколько припоминается, в 1852 году (когда

*)Трелевая дудка, собственно «польская» дудка, только значительно светлее и кричится вверх. Песня очень хорошая и, надобно сказать, редкая, в правильном ее исполнении

курские уже значительно стихли). Этот новый сорт своею, говоря вообще, свистовой песней (в минорном тоне) сразу выделился и вошел в славу, все охотники заговорили о свистовом соловье, о его потяжистых, нежных приемах и свистах, и наперерыв покупали птицу по большим ценам. К характеристике свистового соловья, между прочим, надобно отнести «планистость» птицы. Свистовый соловей, за исключением выдающихся певцов в прежнем сорте, можно сказать, не был многопесен: он кричал до 12 песен, но в отношении постановки их был замечательно «планист» и «верен»*), кроме того был мало мелочист (попадались птицы почти совсем без мелочей) и был очень «приемист», даже простые, рядовые птицы большие песни кричали с приема.

Прежние свистовые соловьи полны были дудками и свистами (от них и получили название). Свисты различались: «смирновский» (ив! ив! ив!) «визговой» (вив! вив! вив! или, изменившийся потом, вев!) и третий свист: ви-ви-ви-ви! Дудки были: «водопойная», светлая дудка, «балана», свистовая дудка (подобно: го-го-го... вверх), «польская», «трелевая», и еще светлее, так называемая «серебристая трелевая» (подходящая к свистку городского), дальше «волчковая» и «голубковая» дудки (воркованье горлицы), Кроме того, кричали дробями на три манера: «резвая» мелкая дробь вверх, «стуковая», в роде стукотни, «россыпь» пожиже и короче «резвой», юлиная песня или «червякова» (есть такая птица – «червячек» называется) Также стукотнями, из коих отмечается «дятловая» вверх (как и «резвая» дробь, принадлежащая исключительно свистовому соловью), затем «воронова» (когда два ворона между собой переговариваются) и «юлиная». Кроме того кричали «кlyкaньем», «желновыми»(крик зеленого дятла), куликами, «светлый кулик», и «ястребковыми». Таковы, в общем очерке, были прежние свистовые соловьи. Позднее они изменились; был привезен новый сорт свистовых, так называемых «алигаторы». Название крайне несообразное, но тем не менее было принято охотниками. Аллигаторы в отношении песни, вообще говоря, были полнее против прямых свистовых, хотя были мелочисты, отлично кричали «водопойной» и «червячной» россыпью (называли дудкой). Но этот сорт держался непродолжительное время, прямые свистовые соловьи долго оставались преобладающими в охоте. В 70-х годах мы застали их с новой песней – «сеялка» - в роде «дятловой», но представляется, как если горох насыпать в решето и качать. Свистами они уже не кричали, как равно и дудки сократили, вызвонились только дробями, «резвую» кричали «в оборот». В общем, репертуар был такой: «фидет», несколько раз нежно и «вяло» или «синичкой»: ци-пинь, ци-пинь, также несколько раз, стукотни дятловые и юлиные дудки «водопойная» и «лешева», всегда с гайки, «светлый кулик», «ястребковые». Прибавляя к этому приемы и до пяти песен их мелочей, получим близкое описание песни свистового соловья позднейшего времени, конца семидесятых и начала восьмидесятых годов.

В семидесятых годах, а именно, насколько помнится, в 1872г., соперником свистовому соловью был привезен новый сорт так называемого «графского» соловья, наделавшего не мало шума между охотниками своим особенным, отличным от других планом и песнями, их коих отмечают стукотни и дудки; дробями эти соловьи почти не кричали, но дудками: «стешева» на два манера и стукотнями, коими были очень полны, гремели, не имея соперников. Кроме того, кричали «кукушкиным перелетом» и кlyкaньем. В общем, песня была покороче свистового и исполнялась сильнее. Нельзя не заметить о мелочах, которыми птица нередко смущала охотника, хотя, может быть, это не суть важно, но все-таки... Лучшая птица «графского сорта»**), за все время как он держался в охоте (а время его не было продолжительно: с 80-х гг. графский соловей уже стих), была в 1874 г. у

*)Охотники говорили, что свистовый соловей есть «коренная» птица, т.е. до такой степени установившаяся в своем сорте. В настоящее время это основательно может быть отнесено к польскому соловью, до сего времени удерживающему свою характерную песню.

**) Название «графский» соловей дано охотникам от владельца леса, где держалась птица и где была ловлена, в имени графа Олизара, Волынской губернии, как сообщено это самим ловцом Н.П. Буровым.

известного в то время охотник К. И. Смежевского; она была поставлена на публику в трактире «Прага» у Аратских ворот, и массу охотников собирала около себя своим выдающимся пением, стукотнями и дудками. И надобно было слушать, как исполняла птица эти песни... В жар и озноб бросало охотников, слушавших ее дудки и стукотни!...

К сожалению, «графский» соловей не был многочислен, как свистовой; он был найден и привезен сюда выше упомянутом ловцом П. П. Буровым, который только один и привозил, к чести его нежно отнести, что было выдающегося в этом сорте, а выдающегося было очень немного. Поэтому большинство охотников отдавало предпочтение свистовому соловью, который к тому же щеголял дробями («резвая»), чего в «графском» не было.

В то же время были соловьи «с двумя ходами», например, «польский с свистовым ходом» или «с свистовыми песнями» и наоборот, «свистовой с «польским ходом», или «с польскими песнями», т.е., когда под ряд ставит; польские песни, дудку, свист, катушку, с польскими приемами и мелочами или во втором случае, когда в своем плане кричит двумя-тремя польскими песнями. Так же «свистовой с графским ходом» или «с графскими песнями», дудками и графский с свистовой дудкой.

Так обстояла охота, как мы заметили, в семидесятых годах, а затем изменилась; птица постепенно хужела, умахала песни и наполнялась мелочами и наконец, ни «графского», ни «свистового» совсем не стало, охота сломалась. Оставались только польские соловьи, но и те в общем лишь удержались в своем сорте. В восьмидесятых годах лишь изредка можно было слушать у кого, осталось от прежней славной охоты... Да и сами охотники, которыми держалась охота, также один за другим убрались куда-то... И осталось от охоты одно горькое воспоминание...

Так, припоминая охоту издавна, мы добрались до современных соловьев. Но что сказать о них? Они также называются свистовыми и графскими, как бы в честь тех знаменитых певцов, которые так услаждали слух охотников, но сами по себе в отношении песни так слабо пародируют своих предков, что, может быть, из сотни один прокричит двумя-тремя «песнями по охоте». Лет восемь назад нам привелось слушать у одного почтенного охотника привезенный из Киева новый сорт соловьев, которых он и сам не знал, как определить*).

Они кричали юлиными песнями, стукотнями и прямой дробью и, кроме того, польской дудкой, с приема: «фидет!» - «ту-ту!», т.е. не с польского, а с свистового. В общем птица была «густая» и довольно «приемистая», но песнями не отличалась**).

Читатель, может быть, спросит, почему так изменились соловьи повсеместно, у нас, в средней полосе и на юге (Киев. Губ.). Вероятной причиной этому, нам кажется, изменение местности, где держится птица, находя себе подходящие условия жизни, вырубка или расчистка леса, особенно уничтожение кустарников и вообще мелких зарослей вредительного леса, при чем птица или окончательно выпугивается, или население ее уменьшается, а при этом у нее уменьшаются и средства выработки песни, так как полнота песни каждой отдельной птицы (разумею соловья, дрозда и некоторых других в большой или меньшей степени зависит от общего хора в данной местности. Кроме того, не мало содействовали ухудшению песни сами промышленники. Вместо того, чтобы ловить в данной местности пять, много десять штук, как это было прежде, когда из Москвы, из Охотного, посылались за соловьями люди с понятием в охоте (и с наказом: «привезли

*)Вопрос этот, определение сорта современных привозных соловьев до сих пор остается открытым, и нашим новым охотникам немалая предстоит работа по решению этого немаловажного вопроса.

**) Еще менее приходится сказать о нашем современном соловье (из окрестных лесов и садов), тут просто горе берет: слышишь, соловей поет, а слушать нечего... Себя конфузить... В общем удержаны только две основные песни: раскат и прямая юлиная стукотня, неважного исполнения, и затем «дроздик» и «мелоча». Вот и все.

немного, но чтобы было, что слушать»), многие искатели наживы стали ловить сотнями, испортили места, не давая птице основаться в отношении песни, и испортили охоту... Так случилось с киевскими соловьями.

Однако же этот упадок охоты, отсутствие хорошей птицы, не дают права сказать, чтобы в природе не было птицы: она несомненно есть, но нет охотников, которые бы могли найти ее, и едва ли можно ожидать, чтобы они, те старые охотники, снова возродились на попроще охоты... не те уже стали времена...

Посмотрим, как живет соловей у охотников в клетке, как должно его содержать. Тут мы опять вернемся к прошлому, припоминая старых собратьев, правила которых и сообщим. Дикого, только что пойманного, соловья сажают в закрытую кругом (серой бумагой) клетку, дают немного корму: щепотку муравьиных яиц и два червячка*) (умерщвленных с головы) и плошку воды, и оставляют так несколько времени, чтобы он огляделся и успокоился. А затем, когда соловей съест червячков (которых он большой любитель) и яйца, выкупается и пропоет, охотник прибавляет корму и уже не трогает клетку до другого дня, до утра.

Некоторые охотники практикуют исстари установившийся обычай держать дикого соловья со связанными крыльями и без воды, со связанными крыльями и без воды, предусматривая, что несвязанная птица станет биться в клетке, летать и не только не запоет, но может подшибиться. А от воды может посипнуть. Догадки эти едва ли основательны. Нам кажется, что связанная птица, чувствуя неловкость положения, естественно будет беспокойна и, следовательно, скорее не запоет или будет петь робко, а это очень нежелательно для охотника. Еще более вреда может принести лишение воды. Соловей, как мы видели выше, по природе своей очень любит воду, и она ему необходима не для одного питья, - подсыпность же нам приводилось замечать, как следствие сильного пения птицы во время любви, хотя нельзя поручиться и за то, чтобы птица оставалась здоровою, находишь в руках ловцов и торговцев при невозможных лишениях**).

На следующий день соловей уже осваивается с клеткой, принаровляется к кормушке, водопойке и к жердочкам и вскоре начинает привыкать к охотнику, главная забота которого соблюсти птицу кормом. Чистка клетки допускается через день; но ежедневно утром (и чем раньше, тем лучше) охотник, поставив стул или табуретку, аккуратно вынимает кормушку и дает свежих яиц, и если соловей почему-нибудь задерживает пение, то дают два-три червячка. При даче яиц тщательно наблюдается, чтобы они были совершенно свежие, не мятые и не слишком комками. Такие яйца незаметно портятся и вызывают у птицы расстройство кишок (на что указывают нередко замечаемые на поддонке зеленоватые пятна). Дальше уход за соловьем не усложняется. Чистка клетки, как выше замечено, через день, заключается только в «соблюдении поддонка», который должен быть постоянно чистым, во избежание тяжелого запаха в клетке, с этой целью на поддонок кладется пропускная бумага, которая еще посыпается крупным песком без пыли, по той жердочкой, на которой усаживается птица. При перемене воды плошка всякий раз тщательно выполаскивается, и вода дается обдержанная, комнатной температуры. Весьма важное условие для жизни соловья в клетке – высота комнаты и состояние воздуха, где помещается птица. Чем выше комната, тем лучше, хотя при высоте 6 аршин клетка вешается на длинном крючке вершков 5-ти. В маленьких и низких комнатах соловья не держат: уже одна клетка его 12 вершков длины, а бывает 17, не допускает этого, и у охотника, при правильной постановке, соловей помещается в

*) Личинки мучного хруща.

***) В 80 годах, в лавках Охотн. Ряда и на подворьях в Зарядье где птица массами сидела в тесных засиженных клетках и без воды, мы неоднократно встречали подсыпных и также больных воспалением в полости клюва и воспалением глаз.

соразмерно высокой комнате и при соблюдении чистоты воздуха. В летнее время это еще не так нужно. Заботится только, чтобы птицы не касался сквозной ветер при открывании окон, крайне вредный для всякой комнатной птицы; в зимний же период времени забота о воздухе весьма важна. Копоть от ламп, чад из самовара или из печки, а также пахучие химические, благовонные вещества строго не допускаются. Не допускается также сильно нагретого воздуха печами и сильно охлажденного при вентиляции; нормальные градусы тепла 15*).

Юла.

(*Alauda arborea* L.)

По охоте юла занимает второе место после соловья и признана лучшим певцом из всех жаворонков. Но, кажется, спорно еще, кому отдать преимущество: юле или полевому жаворонку. Правда, россыпи и стукотни юлы замечательны... но и россыпи полевого жаворонка и его свисты тоже не оставляют желать лучшего... Прослушайте, читатель, сами жаворонка в поле весной! Его песню нельзя описать.... И прослушайте где-нибудь с края леса юлу. Она прилетает одновременно с жаворонком в марте, и, пока по лесам еще масса снега, а на поле кое-где открылись прогалины, - держится на них вместе с жаворонком, также по обтаявшим, почерневшим дорогам; она издали заметна по своим характерным движениям, непрерывно перебегает по земле мелкими шажками, юлит, что называется, и прокрикивает особенным позывом. Собою она несколько меньше полевого жаворонка, имеет большие, широкие крылья и короткий хвост, на голове как бы удлиненный хохолок, обыкновенно сложенный и почти незаметный или приподнятый, когда птица от чего-нибудь беспокоится. Оперение имеет сверху светло-бурое с легким ржавчинным оттенком, покрытое крупной, темной продольной пестриной; рыжеватый оттенок усиливается в надхвостье, и в верхних рулевых перьях, уже буровато-ржавчинного цвета. Щеки, шея, грудь и низ изжелта-белесы, темный верх головы, помянутый хохолок, резко отделяет светлую бровь; на щеках по две темные, буроржавчинные полосы, соединяющиеся вместе сзади глаза, шея спереди и грудь красиво покрыты мелкой, темной продольной пестриной. Клюв темно-бурый, ноги светло-бурые, задний ноготь по длине равен всему пальцу.

Осеннее платье темнее. Самка юла, как определяют охотники, отличается круглой, — орешком, — головою и коротким заднем ногтем. У самца головка продолговата. Такова наружность юлы. Позднее, при наступлении тепла, когда в лесу также обозначатся прогалины, обтают кочки - юла переместится сюда на свои места и держится леса, т.е. в подлеске, на лесных полях и на прогалинах. Затем, как это ни странно, ее нередко можно видеть сидящую на вершине небольшой ели, или тем дорожке птица (бывали до 50 руб.). Особенно ценится юла как учитель для молодых соловьев. Чтобы достаточно понять пение юлы, нужно прослушать ее в комнате, наружи она тиха. Песня ее, повторяем, замечательна. Недаром знаменитый певец взял ее россыпи и стукотни и заставляет ими "умолкнуть птичек хоры"... В первой половине апреля юла приступает к постройке гнезда, помещая его на земле, в углублении, в траве, чаще у корней деревьев., незаметно, снаружи; материалом берутся разные сухие растительные волокна, внутри гнездо выстилается мягче, иногда с конским волосом. Кладка 4 и 5 яиц, по желтовато-белому фону покрытых мелкими темно-бурыми пятнышками. Молодые выкармливаются насекомыми и вскоре оставляют гнездо и держатся кучкою близ него скрытно. Нам достоверно неизвестно, но по имеющимся данным можно предположить, что юла с вылетом первых молодых делает здесь вторую кладку, как это бывает у птицы в южной части России. Во все время гнездования юла кормится насекомыми. В конце лета

*) Известны случаи, (которыми мы не руководимся), когда соловьи выдерживали зиму в холодной нетопленной лавке. На дворе холод доходил до 20 градусов.

на местах вывода птицы молодые встречаются стайками более 10шт., позднее, перед отлетом, стайки увеличиваются и в первой половине сентября юла отлетает на юг. Область распространения юлы небольшая, птица занимает среднюю и южную Европу. В России распространена от Финляндии до Кавказа Кавказа и Закавказья, куда перелетает на зимовье, хотя местами живет и оседло. У нас юла птица перелетная и вообще немногочисленна; против полевого жаворонка ее очень мало. Возможную причиной малочисленности птицы, нам кажется,—нападение на гнезда разных мелких зверьков, истребляющих яйца и молодых.

Охота на юлу ведется, как мы заметили, весной на жавороночных точках. Заслыша юлу поодаль, охотник обыкновенно подгоняет ее на точок, т.е. выйдя из шалаша, заходит стороною и спугивает птицу в сторону точка. Кроме того ловят осенью, когда птица соберется стайками, тайником на расчищенной точке с заводною под сетью; заводная должна отзываться.

Относительно содержания юлы в клетке не излишне заметить, что удобнее приобретать не одну юлу, а двух-трех и выслушивать, какая будет лучше (см. общую часть). Клетка для юлы полагается или большая жавороночная (см. ст. "Жаворонок полевой") круглая, или на манер соловьиной, четырехугольная, но приспособленная для юлы. В обоих случаях необходим выдвижной поддон. Кормушка, как у жаворонка, подвесная снаружи, так же и водопойка. На поддон давать крупный песок, строго без пыли, и тарницу, отнюдь без так-наз. "зелени". В песке и тарнице, юла, как и жаворонок, охотно копается. Посредине клетки снизу излишне ставить одну жердочку, на которую юла садится. Изредка, особенно в летнее время, на клетку надо ставить широкую, низенькую плоскую*) с водою для купанья. Корм для юлы, в кормушке, как дрозду: муравьиные яйца с мурашкой, вареным драным семенем и тертой морковью (см. ст. "Певчий дрозд"). Никакого другого корма, особенно говядины, по охоте не полагается. Повторяем: чем ближе птица поставлена охотником к ее природе, тем более она гарантирована от заболеваний. Помещение клетки в комнате возможно выше, но чтобы не было темно, главное, чтобы птица сидела покойно и не стеснялась петь.

Жаворонок полевой.

(*Alauda arvensis*, L.)

Всякий раз, когда я вспоминаю эту птичку, этого чудного певца весны, всякий раз передо мною восстает та близкая сердцу картинка, которою я так часто наслаждался в минувшие счастливые годы. Мне представляется поле, куда я обыкновенно уходил встречать весну, когда она лишь только приближалась, обозначая себя большими оттепелями с бегущими ручейками и лужами по дорогам. Это бывает в марте. В это время, бывало, не сидится в комнате хочется на воздух, на солнце, хочется видеть и слышать пробуждающуюся природу.

И вот передо мною широкое во все стороны поле. Оно еще покрыто снегом, по которому лишь изредка чернеются обтаявшие бугринки, - это вешние прогалины, а вблизи их, в разных местах стоят соломенные шалаши, - то точки птицеловов под жаворонка, и вон виднеется знакомая березовая роща, где я, бывало, зябликов ловил, вон маленький ветхий домик с скворешниками на шестах, и за ним огороды, обнесенные длинными слегами. Такая незатейливая картинка припоминается мне и все яснее, все больше восстает в памяти, как будто сейчас ее вижу: вон с огородов поднялись грачи и галки, вон три овсянки соскочили с дороги, поместились на изгородь и слышится: дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-ци!.. Это первая весенняя песенка.

А вот и жаворонок, сам вестник весны летит и оглашает поле чудной, в душу льющейся песенкой: то ласточкой прощепечет, или куличком пустит, длинно, то россыпь прозвенит,

*) Стекланную, продающуюся на птичьем рынке у торговцев кормом.

серебряной и затем свистами начнет: фи... ть-де-де-де-де, фи... ть!.. фи... ть!.. вверх, так тебя и пронизывает всего... А там слышишь другой, третий, по тому же направлению, летят и поют. Так ясно все это припоминается.

Сначала, в первые дни прилета, жаворонки летят изредка, по одному, а потом, если погода стоит ровная, теплая, прилет с каждым днем увеличивается и, бывает, на пути пролета не только все поле оглашено их пением, но даже и в городе, в раннее ясное утро слышится их отрадная весенняя песенка. Когда весна наступает ровно, т.е. не прерывается внезапными морозами, или, бывает, метелями или холодным ветром, пролет продолжается с неделю по времени и несколько дольше, а затем, когда поля станут сильно обнажаться, пролет может быть и продолжается, но уже так бывает незначителен, что шалаши ловцов снимаются; птица садится на простор где хочет и находить корм, и поймать ее уже не так легко. Когда зима бывает малоснежная и при весеннем дружном таянии поля вдруг обнажаются от снега,—улов жаворонка тоже бывает незначителен.

Весенний пролет жаворонка, как и вообще, бывает не одинаков: иной год птица летит сильно, в большом количестве, а иной ее мало, последнее обстоятельство есть основание объяснить, между прочим, именно состоянием погоды в пору прилета, которую птица предусматривает, предчувствует и задерживается в более благоприятных местностях. Бывает, однакоже, что жаворонки, как и другая птица, по прилете сюда попадает, в беду: подует холодный ветер, выпадет снова снег и закует мороз градусов 10, а не то и больше. Много при этом погибает жаворонка... Но и кроме этого на жаворонков не мало напастей: их, во-первых, ловят несравненно больше, чем другую птицу и охотится ими всякий из любителей птиц, начиная от мальчишки и до знатока охотника, при чем их не мало погибает в клетке; (особенно это замечается у наших торговцев, где птицы большою массою содержатся часто крайне неряшливо, без ухода), а кроме того на воле, в пору вывода детей, жаворонки преследуют разные мелкие хищные зверьки, разоряя его гнездо, и хищные птицы. К счастью, жаворонков в природе очень много, - он живет во всей Европе; и в большей части Азии и отводит по два и по три выводка в лето. Держится жаворонки предпочтительно на возделанных полях и в лугах. Относительно оперения птицы не лишним считаем заметить, что весной, тотчас по прилете, известное оперение жаворонка правильно светло-серое, с темными продольными полосками по спине, на груди и на крыльях, низ белесый; в летнее время это перо имеет желтоватый оттенок, т.е. в общем светло-бурое, с такими же темными полосками, низ с груди светло-рыжеват. Бывают выродки с белыми и черными перьями.

Вскоре по прилете, нередко в марте же, лишь только сойдет снег и поля станут просыхать, жаворонки спариваются и, разбившись на пары, приступают к постройке гнезда, которое располагается на хлебных полях, в бороздах, между кочками, в лугах оно встречается в ямках в высокой траве, под кустиком; материалом берутся тонкие соломинки, сухая трава и корешки ее; внутри гнездо выстилается конским волосом. Кладка яиц 4 или 5, бледно-оливкового или искрасна белого фона, покрытого множеством серовато-коричневых или серых пятнышек и точек. Яйца высиживаются самкой 14 дней. Вышедшие молодые растут быстро и лишь только окрепнуть на ногах, как оставляют гнездо и пока малы держатся кучкой в области гнезда. Пока они в гнезде и по вылете в первое время, родители кормят их насекомыми, но вскоре молодые сами научаются добывать себе пищу, т. к. родители более заботятся о второй кладке, а в южных местностях и о третьей.

Кормится жаворонки весной, как прилетит сюда, чем Бог послал: семенами травы, молодыми всходами и вообще что найдет по обтаявшим бугринкам, а затем преимущественно насекомыми и их личинками, подбирая корм с земли, т. к. держится исключительно на земле. Летом мы замечали, что жаворонки кормятся утром, лишь только восток закраснеет, отыскивая корм на земле и траве, и в это время ворчит, а когда взойдет солнце и осветит поле, он с песнею поднимается вверх, над гнездом, и там рассыпает свою прелестную песенку, как будто прославляет Творца...

В конце жаворонок, перелиняв, начинает готовиться к отлету, собирается стайками, и так в продолжение сентября перелетает по полям в теплые края, у нас - в южные губернии до Кавказа. На осеннем пролете, снятым полям, жаворонка опять ловят с ястребком (и, бывало, загонем в большие сети), но в незначительном количестве, не как весной, когда иной деревенский птицелов помощью тайника, нередко положительно обогащается за счет жаворонка.

Теперь посмотрим, как живет жаворонок в клетке. Оказывается, что эта птица не так-то благоденствует в руках человека. Жаворонком, как чижиком и скворцом, охотится всякий простолудин, но правильное содержание птицы видим только у охотника и то не у всякого. Общее убеждение, что жаворонка нужно держать в круглой клетке и кормить "тарицей", - так сильно вкоренилось у охотников, что против этого, кажется, и говорить излишне, бесполезно. А между тем при этом содержании жаворонок у охотников, как это видно, крайне недолговечная птица. Поэтому в защиту жаворонка мы решаемся заметить, что общепринятые правила содержания его в клетке по меньшей мере нерациональны. Принятая жавороночная клетка 7 верш., 4 или 8-угольная, строго говоря, мала для птицы; мы допускаем жавороночную клетку размером 12 верш., 8-ми угольную и с выдвижным поддонком. Разумеется, понимающий охотник сумеет соблюсти птицу и без этого поддонка, и еще лучше, если таковой имеется. При чистке клетки, хотя бы раз в месяц, без выдвижного поддонка птицу приходится перегонять в другую клетку, предусматривая, чтобы она, пугаясь, не зашиблась, что легко может случиться, когда птица дика; с выдвижным же поддонком птицу менее приходится беспокоить и вообще соблюсти ее легче. Раньше мы говорили, что всякую дикую птицу не следует пускать сразу в большую клетку (что так принято у любителей), а нужно продержать ее несколько дней в маленькой клетке*), (3 - 4 верш.), так и жаворонка, который в клетке бывает очень дик, советуем продержать в так называемом "стульчике", но с мягким верхом (который нужно сделать самому: выломать прутья и натянуть верх каким-нибудь полотном), чтобы птица, прыгая, не ушибла головы, и при этом как можно лучше продовольствовать птицу кормом, т.е. кроме "тарицы", обильно посыпаемой на дно клетки, нужно давать в подвешенной с боку клетки кормушке (самодельный продолговатый ящичек) обварной корм: муравьиные яйца, малую щепотку мурашки и столько же, тремя пальцами, "драного семени"; все это вместе обваривается кипятком, чтобы семя сварилось, отжимается не особенно сухо, и когда совершенно остынет, дается птице каждое утро в свежем виде. С другой стороны, противоположной, снаружи, в проволочный ободок вставляется водопойка.

Помещение этой временной клетки может быть где угодно, но с соблюдением одного условия при приручении: чтобы птица в первые дни жизни в клетке покойно могла оглядеться и могла бы взяться за корм, иначе она вскоре может наохотиться и тогда, лишь только это будет замечено, ее немедленно следует выпустить на волю.

Продержав таким образом дикую, пугливую птицу несколько дней в тесной клетке, нужно перепустить ее затем в назначенную постоянную клетку, о размерах которой мы сказали; прибавим еще, что кормушек к такой клетке (продающихся как непременная принадлежность к клетке) следует иметь две, одна при клетке, другая резервная, в виду того, что кормушку время от времени приходится чистить и просушивать, отсыревшую от обварного корма.

Чистка клетки у жаворонка, чистка поддонка допускается раз в неделю, при чем каждый раз нужно сыпать на поддонок свежую тарицу и крупный песок, возможно без пыли, который в летнее время, когда жарко, следует sprыскивать водой. Кроме того советуем класть в клетку, посредине, кусок дерна, кочкою верш. 2 квадр., который нужно вырезать ножом с землею, поглубже, именно такой дерн (ранн. весной), на котором только что показалась молодая зеленая травка. Жаворонок охотно вскакивает на такую

*) За исключением тех, которые содержатся в закрытых клетках, напр. соловей.

кочку и на ней поет.

В мае, когда пойдут свежие мелкие муравьиные яйца, давать их по малой щепотке, посыпая сверху обварного корма, а ко времени линьки, когда птица станет умолкать, свежие яйца ("заморенные") давать вволю, уменьшая разумеется, обварной корм. Никакого другого корча (сырая или пареная говядина и т. п.) жаворонку давать не следует. Мы полагаем, что чем ближе корм птицы к ее природе, тем лучше. Помещение жаворонч. клетки должно быть обязательно под потолком, высоко, что птица любит и, будучи покойнее, скорее открывает песней и откровеннее поет.

Молодые жаворонки*) в первые дни выкармливаются самими родителями свежими муравьиными яйцами, а затем птицам дается белый хлеб, высушенный в сухарь, смоченный горячей водой, не сильно отжатый и перемешанный с куриным яйцом, сваренным в смятку, и с маком, дается вполне остуженным, но не теплым. Необходимо наблюдать, чтобы такой корм был постоянно свежий. Взрослых молодых, когда охотник разозлит их по клеткам, рациональнее держать на том корму, как и старых, не отнимая и хлеба, если птицы хорошо его едят. К обварному корму полезно прибавлять морковь, как выкормышам, так и диким, особенно в зимний период времени, однакож малыми порциями, раз или два в неделю, т. к. у некоторых птиц, особенно зерноядных, от моркови голос, бывает, пропадает, собственно "жидет". Приготовление моркови не сложно: всякий раз перед дачей корма свежую, без пятен, морковь натереть немного на терке, смешать с толченым в порошок белым хлебом (заранее приготовленным), порубить еще ножом и замешать в вышесказанный обварной корм, полагая небольшую щепотку на кормушку. Приготавливать морковь сразу на несколько дней (как это некоторые делают) не следует, так как натертая морковь скоро портится.

Коснувшись выше молодых **) птиц, нелишним считаем заметить, что воспитанием таковых в настоящее время, кажется, никто не занимается,—не стало тех охотников. В доброе старое время (в 40 и 50 гг.) эта охота сильно была развита; были превосходные учителя специалисты, и были необыкновенные птицы, обученные на губовых свистах замечательным песням: "алма́нт" ***), "полукурант", "катерника", "кто велит" и проч., которые и ценились очень высоко, наприм., по свидетельству одного старого охотника, был продан жаворонок с помянутыми песнями (висевший в трактире Егорова, где ныне Тестов) за 360 руб. Из этого видно, какие были охотники... "Не те теперь стали времена, не те стали нравы"...

Существующие донныне так назыв. датские жаворонки, выкормыши, привозимые сюда немцами (продающиеся от 5 до 25 руб.), никогда по охоте не представляли ничего выдающегося, их песня, говоря вообще, россыпи канарейки и свисты, весьма сильные, но не натуральные ****), и мы не можем сказать, чтобы были приятные. Правда, что о вкусах не спорят, по нашему мнению, ломать до такой степени превосходную песню жаворонка, наприм. его природные свисты вверх, полого: фи!.. дё-дё-де-де, фи!.. фи!.. и его чудные россыпи, — положительно недостойно понимающего охотника. Дикий (натуральный), свистовой жаворонок, "курганый", что называется, по охоте. очень ценится (до 100 руб.), но попадает редко.

*) Взятые с гнездом, птенцами, с родителями и помещенные в какую-нибудь большую закрытую клетку с мягким верхом.

**) Слово "молодой" - соловей, жаворонок или другие птицы —охотниками употребляется как термин, обознач., что птица воспитана и обучена песне в клетке, а не "натуральная", дикая.

***) "Алма́нт" — это мелодия, состоящая из различного тона свистов, исполняющихся расстановисто и с большой выразительностью.

****) Нам привелось их слушать у известного в Москве охотника, ныне умершего, К. В. Третьякова, купившего несколько таковых жаворонков.

Дрозд певчий. (*Turdus musicus*, L.)

Хотя певчий дрозд очень распространенная птица, но замечается, что его не так много, как близких ему двух рябинников. Он живет почти по всей Европе и в Сибири; в Европейской России распространяется от 69 с. ш. до Крыма, где встречается круглый год. При перелетах на зиму заходит в Северную Африку и в Азию; от нас он едва ли далеко летит на зимовье, вероятнее останавливается на юге, не перелетая моря.

Певчий дрозд прилетает к нам в конце марта и в начале апреля, когда в лесах еще лежит снег, образуя большие лужи и местами прогалины. Летит он, как и большинство насекомоядных птиц, мелкими стайками, ночью или на рассвете; поселяется предпочтительно в светлых лиственных и мешаных лесах; любит гористые, поросшие кустарником окраины леса, особенно по берегам рек, живет также и в хвойных лесах, но не глухих и темных; не живет в сосновых борах. В больших смешанных парках дрозд также селится постоянно, встречается в больших заросших садах, особенно где есть вода.

Оперение певчего дрозда может быть названо красивым: сверху матовое оливково-бурое, кроющие верхние перья крыльев с ржаво-желтыми окраинами, щеки, вся грудь и бока бледно-оранжевого цвета, ярче на щеках и по сторонам груди, горло желтовато-белесое, обведенное двумя темными полосками, брюшко к подхвостью белое, щеки покрыты мелкой бурой пестриной, шея, грудь, бока и брюшко покрыты несколько удлиненными темно-бурыми пятнами, имеющими форму кедрового ореха. Клюв оливково-бурый, нижняя половинка желтоватая. Самка певчего дрозда несколько поменьше самца и не так чиста платьем. Такова, в общих чертах, наружность нашего несравненного певца. Касаясь свойства птицы, нельзя не заметить, что певчий дрозд хотя очень осторожная птица, но все же гораздо доверчивее к человеку сравнительно с другими своими собратьями, например черными дроздом; он не прячется, как они, в глубь леса.

Некоторые любители птиц смешивают певчего дрозда с другим, несколько похожим на него дроздом, т. наз. дерябою*), или малым рябинником, отличающимся несколько большей величиною, белым брюшком, без пестрин, которые покрывают только грудь и бока, и отсутствием ржавчино-желтых краек кроющих крылья перьев; другой, также похожий на певчего дрозда белобровик**), отличающийся широкими охристо-белыми надглазными полосами и ржавчинно-красными перьями на боках и под крыльями, которые у певчего бледно-ржавчинного цвета. Самый крупный представитель наших дроздов, так называемый седоголовый, или большой рябинник***), по цвету платья отличающийся ото всех зольно-серым верхом головы и шеи. Оба эти рябинника, большой и малый, у нас довольно многочисленны; они живут у нас круглый год, хотя частью и отлетают, особенно в суровые ЗИМЫ. О песне этих трех дроздов можно сказать, что природа их не одарила талантом, они не поют, в строгом смысле слова, а лишь кричат, повторяя одну, или две-три строфы. Весною нашего певца часто можно видеть в чаще ветвей, где-нибудь с края леса на вершине дерева, откуда он обыкновенно кличет себе подругу жизни, оглашая лес своею громкой, характерной песней. Если подойти близко к дереву, на котором поет дрозд, он тотчас сдерживает голос, поет тише, и когда очень обеспокоится, "чокает" и перелетает на другое дерево, и там продолжает песню так же громко. Начинает петь он обыкновенно тихо, едва слышно, но постепенно усиливает голос и в азарте, при недостатке самки, кричит очень сильно и "светло". Припоминается случай, когда один опытный охотник, хорошо знающий дрозда, слушал его "токовую" песню в июне (птица случайно холостовала), и до того был удивлен пением, что сбился в определении птицы, не узнав дрозда и приехал ко мне с просьбою отправиться с ним в лес и объяснить, кому именно, какой птице принадлежит то необыкновенное пение, какого он

*) *Turdus viscivorus* L.

**) *Turdus iliacus* Pall.

***) *Turdus pilaris* L.

еще не слышал. Песня певчего дрозда слышится в течение всего мая и, реже, в июне; слушать его надо по утрам рано и вечером, когда солнце сядет. Лучшее пение, пока птица еще не "понялась" (не спарилась). В течение дня дрозд кормится, всегда по низу, в чаще кустарника, исключительно насекомыми, улитками и червями. Нам приводилось видеть его на поисках за кормом утром до солнца, прыгающим большими прыжками по дорожкам парка и по низу кустарников.

Спарившись в первых числах апреля, дрозд устраивает себе гнездо, тут же, где держится, в подлеске или поблизости на дереве, не так высоко, чаще на месте основания бокового сука, где он более скрывается, или на прямом, идущем вверх суке, а иногда бывает в углублении сгнившего пня и, реже, прямо на земле, также в закрытом, незаметном месте. Материалом для гнезда берутся: тонкие прутики, стебли сухой травы, корешки, мелкие, сухие листья, драная сухая кора и мох; с внутренней стороны этот материал мягче и кроме того сиденье обмазывается гнилой древесиной, трухой, смоченной слюною; постройка вообще прочная, формой гнездо с внутренней стороны как крутая чашка. Когда гнездо совсем готово, сказанная обмазка просохла - самка садится на яйца.

Время кладки — в первой половине апреля или во второй половине, смотря по весне. Количество яиц 5—6, а иногда 7; окраска их не одинакова: в общем они чистого, бледно-голубого цвета, то бледнее, то ярче, и покрыты пестринками, темно-бурыми пятнышками и точками, одни густо, другие редко, в том и другом случае сильнее на тупом конце с низу яйца. Высиживание происходит, как и у большинства птиц, общими силами: когда самка слетает, самец садится на яйца, а когда сидит самка, самец, находясь по близости гнезда, поет ей песни счастья и стихает только с выходом молодых, когда является забота о прокормлении. В конце мая уже появляются слетки, которые, лишь только несколько окрепнут, спускаются с деревьев за старыми вниз, и все время, пока выкармливаются, держатся в заросли по низу, не разбиваясь один от другого. В благоприятную весну и в такое же лето певчий дрозд делает две кладки, два выводака.

С половины июля и в течение августа певчий дрозд одевается в новое платье и в первой половине сентября, собираясь небольшими стайками, трогается в отлет на юг. Он попадает и в стаях рябинников, но, как замечено, схлестывается с ними случайно.

Ловят певчего дрозда весной, вскоре как он прилетит, замечая места, где птица сходить кормится. Лучшая снасть для ловли - тайник, под которым нужно ставить, в маленькой точковой клетке заводного или подвязывать его под сеть, и повиднее, на расчищенном месте, под сеть бросать больших муравьиных яиц. Осенью на пролете певчий дрозд попадает на лесных ягодных точках. Но вообще эта птица ловится лишь в малом количестве, одиночными особями.

Мало встречается певчего дрозда и у охотников, в клетках, хотя в отношении песни он заслуживает полного внимания охотника. Не говоря о выдающихся песнях певчего дрозда, каковы "клькание" и различные свисты, самая обыкновенная его песня может доставить охотнику большое удовольствие. Слушая дрозда в комнате, невольно забываешь окружающее и мысленно переносишься в лес, припоминаешь те темные ели среди желто-зеленых осин и берез, кусты орешника в подлеске, черемуху около ручья, муравьиные кочки и ту красивую полянку, на которой так много было ландышей и ярких фиолетовых и желтых цветочков. Все так ясно восстает в памяти и тем полнее, чем дольше слушаешь певца. Припоминается вечер, красное зарево за лесом заходящего солнца, вальдшнепы, тянувшие над деревьями, мелодичные песни зарянок, пеночек и громкие, отрывистые свисты самого певца леса — дрозда.

Так приятно бывает прослушать певчего дрозда, особенно если он поет зимою, если даже не поет, а "ворчит", по обыкновению, и то приятно, когда приходится видеть только кучи снега да съездившихся ворон на заборе, ожидающих кусочка с барской кухни.

Из моего прошлого мне хорошо памятли два моих дрозда. Один был дикий, купленный по особому заказу у известного в то время ловца-промышленника Игнатия из

Черенкова, другой сиделый, несколько подученный, принятый в подарок от одного из первых тогда московских соловьиных охотников Филарета Ивановича. Этот дрозд попал ко мне случайно, когда он при несчастии утратил "кlyкание", которым он раньше замечательно "светло" кричал до двадцати слов (и ценился выше ста рублей), у меня кричал этой песней 3—4 слова.

Интереснее был для меня первый, дикий дрозд. Я купил его осенью, а ловлен он был летом с голоса. Первое время он был так дик, что стоило приблизиться к клетке, как он уже беспокоился, прыгал и "чокал", а когда я снимал клетку, чтобы переменить воду и дать корму, он в большом испуге с криком бросался по клетке и успокаивался только тогда, когда я отходил, помещая клетку выше своего роста у окна. Так продолжалось более месяца. Снимая клетку, я замечал, что он не только пугался, но сердился, при чем, находясь вполне здоровым, брызгал какой-то коричневой жидкостью (как вода), как бы с намерением отогнать этим от себя врага.

С течением времени однакоже дикость его уменьшилась. Я давал ему корм малыми порциями два раза в день и этим ускорил приручение, он стал просить у меня корму, произнося тихое, вытянутое "ци" и прыгая по клетке. Разумеется, я тотчас удовлетворял его желание, и он оставался спокойным. В конце зимы он тихо начал ворчать, а весной, когда солнце освещало окно почти до полудня, он стал покрикивать громко и в мае месяце пошел "в маху". И как кричал! Какие были красивые свисты, я и описать не могу плохим моим пером. Прошло много лет, но живо помню, как раз он подобрался к песне и, неожиданно для меня, махнул свистом, в роде светлой стукотни у соловья, сверху вниз, так "зло" прокричал им два раза, что я просто замер на месте и несколько секунд не мог дать себе отчета... Как сейчас помню эти звуки.

Песня певчего дрозда, говоря вообще, состоит из разных свистовых слов, коротких или длинных и более сложных, произносимых птицею как у соловья колена, каждое отдельно и с повторениями того или другого слова. Некоторые короткие крики в обыкновенной песне дрозда весьма близко можно перенести словами, например, "деньги есть!", "выпьем!", "Василий!", "кто велит!"*). Больших же, сложных слов песни передать нельзя. Нужно заметить, что слова песни у каждого дрозда различны, т.е. у каждого свои, редко одно и то же слово повторяется другим.

Клетка для дрозда полагается на дугах, так и называется "дроздовая"**), вершков 12 длины, с деревянными тростями, крашенная или чинаровая, с цинковым поддонком, с двумя фонариками: в одном ставится в плошке корм, в другом воды. Жердочек по низу две, одна у корма, другая у водопойни. Помещение клетки должно быть возможно выше, на светлом месте. Тогда дрозд сидит спокойно, нечего не боится и поет откровенно; в противном случае он долго не приручается и, если и поет, привыкая с течением времени, то сдержанно, больше молчит; при правильной же постановке птицы в известное время дрозда можно слушать ежедневно, утром и вечером, как-будто в лесу.

Корм певчему дрозду должен быть соловьиный: муравьиные яйца и мурашка, яиц больше, мурашки меньше, — круглый год обварной, но при следующем изменении: в зимнее время в корм замешивается малая щепотка крепко обваренного в особой плошке, два раза кипятком, "драного семени", и большая щепоть тертой моркови с хлебом***). Летом же к обварному корму прибавляются свежие муравьиные яйца, мелкие; сначала понемногу, одной щепоткой, замешиваются в корм, а затем наполовину, когда птица станет уже "умалывать" песню, при чем морковь и семя уже не даются до перехода вновь на зимний корм.

*) Песня "кто велит" старинными охотниками была взята для обучения молодых губовыми свистами.

**) Говорится, не отступая от правил охотника, но и не стесняя ими никого.

***) См. статью "Соловей".

держат в нормальном положении, ближе к природе, при чем он и живет благополучно и поет прилежно.

Черный дрозд.

(*Merula merula*, L.)

Теперь, когда замолкли мои птицы и в комнате моей водворилась тишина, я снова отдаюсь моим воспоминаниям и снова передо мною восстают: и старый сад с плакучими березами у пруда, с тенистыми аллеями и кустарниками сиреней, населенный малиновками, пеночками, соловьями... и лес на обрыве с громадными елями, окутанный сумраком. наступавшей ночи и оглашенный какими-то необыкновенными, казалось, волшебными свистами... То была песня черного дрозда. Я долго внимал этой чудной песне, и она глубоко запала мне в душу...

Песня черного дрозда несомненно прекрасна, хотя она не так разнообразна звуками, но, чтобы оценить ее правильно, ее надо почувствовать, прослушать ночью в лесу. Она состоит из громких и красивых свистов, произносимых птицею словами и строфами, заканчивающимися тихим, несколько скрипящим звуком. В общем на слух пение очень приятное, но нельзя сказать, чтобы было веселое, оживленное, как у певчего дрозда, хотя некоторые свисты у них общи.

Черный дрозд прилетает к нам в первой четверти апреля и селится предпочтительно в еловых лесах, хотя живет и в смешанных и в лиственных лесах и рощах с обильной порослью, с кустарниками и мелкими деревьями по низу, и держится скрытно в вершинах деревьев, хотя не стесняется соседством человека, но почти никогда не показывается на глаза, вниз сходит только за кормом, обыкновенно рано утром. Нам приводилось видеть его в большом, смешанном парке утром до восхода солнца, бойко прыгающим по дорожкам, на поисках за червями, и понизу кустарников; птица держалась очень строго и при малейшем шорохе скрывалась в чаще деревьев.

Возвратившись весной из места гнездованья, черный дрозд вскоре открывает песню, призыв самки, разумеется, если не стеснен холодной погодой и отсутствием корма; в таком случае лесные концерты отменяются. Однакож желающим слушать это пение не стоит упускать май месяц; позднее черный дрозд слышится лишь изредка. С половины или, смотря по погоде, с конца апреля черный дрозд приступает к устройству гнезда помещая его внизу или на земле, у корней больших деревьев, или на дереве, невысоко, располагая его в закрытом месте, в углублении, также на старых погнивших пнях. Постройка очень прочная и тщательная. Снаружи стенки забраны тонкими прутиками, сухой травой листиками и мхом, внутри обмазаны грязью и глиной и затем выстланы мягкими растительными волокнами. Кладка 4-6 и 7 яиц, бледно-зеленоватого фона, с ржавчинными точками и пятнышками, покрывающими яйцо изредка или очень густо; бывают яйца с венчиком на тупом конце. Постройка гнезда и высиживание ведутся совместно самкою и самцом. Молодые выходят, говоря вообще, во второй половине мая, выкармливаются насекомыми, составляющими пищу старых, земляными червями, улитками и ползающими насекомыми. Молодые полухвостиками оставляют гнездо и держатся кучкою близ него в чаще, где пребывают, пока вполне оперятся. Иногда, в благоприятное лето, черный дрозд делает вторую кладку, обыкновенно с меньшим количеством яиц, вероятно, во второй половине июня. С. конца июня, а бывает и раньше, старые начинают линять и вполне перебираются в сентябре. В конце лета молодые и старые дрозды появляются малыми стайками на опушках леса и кормятся ягодами. Во второй половине сентября черный дрозд отлетает на юг, но недалеко. В орнитологии черный дрозд относится к европейским птицам, но он живет и в северной Африке и Малой Азии, в Евр. России распространен по всей стране, но больше его в южной части.

Ловят черного дрозда весной, когда он прилетит, тайником, на муравьиные яйца, замечая место, где птица кормится, и летом в жаркую пору на водяном точке. Осенью, во время полета, он попадает на общих ягодных точках. Слетков очень просто ловить

загоном в развесную сеть, которою окутывают кустарники, где держится птица. Старинные охотники добывали молодых с гнездом, когда они еще в пеньках, сами выкармливали их со спички крупными муравьиными яйцами, червями и белым хлебом с молоком, помещая весь выводок в большой полужакрытой клетке, и "обучали" молодых разным напевам на губовых свистках и натурой (т.е. под хорошими птицами) Из таких молодых дроздов выходили необыкновенные певцы, и ценились охотниками очень высоко, именно до 200 р. Замечательные песни ученого черного дрозда: "Бог перенес! Бог перенес!" — слов десять так, затем, с высокой ноты: "через Дунай реку" — последнее слово спущено в низкой ноте, и затем: "плыть, - плыть, - плыть" ... длинно, слов двадцать и более. Или пеночкой пустит; "кыканьем" и свистами; исполнение песен было с большим мастерством; птица как-будто сознательно повторяла лучшие свисты. И, бывало, охотники со всего города сходились послушать редкую птицу.

Что касается содержания черного дрозда в клетке, то условия для него те же, как и для певчего дрозда.

Черноголовка.

(*Sylvia atricapilla* Briss)

Эта птичка называется еще у немецких охотников "Монах" и "Кардинал", но нам она ничем не напоминает этих патеров, и мы просто будем называть ее черноголовкой. По орнитологии черноголовка значится в особом семействе славков, коих несколько типов, различных между собою по складу, платью и пению. Для нашей статьи мы возьмем трех славков: черноголовку, садовую славку и пересмешку. О черноголовке мы скажем возможно подробнее, т. к. она входит в группу охотничьих птиц, а о садовой и пересмешке заметим лишь кратко, как о "любительских" птицах, не представляющих для охотника того интереса.

Черноголовка живет (гнездится) во всей Европе, на Канарских островах и в Мал. Азии, на зиму отлетает до сред. Африки. В России распространена во всей стране, имея северную границу в Финляндии и южную на Кавказе.

Места населения птицы — светлые лиственные и мешаные леса и рощи, также парки с густым кустарником, близ воды, живет также в еловых лесах и избегает больших, высокоствольных сосновых, где нет поросли по низу. Охотно селится во всяких садах, близ жилья, особенно больших, с кустарниками сирени или ягодными и с. прудами; такие сады очень любит.

При обыкновенном наступлении весны черноголовка прилетает к нам в конце апреля или в начале мая, когда деревья оденутся листвою и большинство летних птиц уже на месте. Позднее других она прилетает, нам кажется, потому, что ей негде уютится на непокрытых листьями деревьях; она очень осторожная птица, никогда не держится на виду, постоянно прячется в чаще ветвей, т. ч. проследить ее глазами довольно трудно, хотя известно, что она держится на деревьях, не так высоко, ежедневно слетает вниз по кустарникам, изгородям, в саду около беседок и террас, но видеть ее можно только при тщательном наблюдении в ранние часы утра, когда кругом полная тишина.

Оперение черноголовки довольно скромное, пепельно-серое, сверху темнее, с оливковым оттенком по спинке и на крыльях, и светло-пепельное снизу, блее к подхвостью. Верх головы черный, шапочкой. Осенью, после линьки, спинка и крылья темнее, с зеленоватым налетом. У самки голова ржавчинного цвета, также и у молодых, до линьки, ноги свинцово-серые, клюв черный.

Собою черноголовка довольно складная птичка, всегда подбористая, стройная и очень подвижная, непрерывно порхает по ветвям И перелетает с одного дерева на другое и при этом поет и кормится; она не довольствуется, как другие птицы, своим районом в лесу или саду, где она поселилась на гнездованье, но держится на большом пространстве в округе, в лесу перелетает из одного участка в другой, а живя в городе, летает по всем окружным садам. Кормом для птицы служат насекомые и их личинки, которых она находить по

деревьям и кустарникам, но в конце лета она охотно кушает ягоды, смородину, бузину и др.

Гнездится черноголовка вообще по низу, в кустарниках, охотнее близ воды, не низко к земле; в лесной местности — нередко в чаще молодых елок, в садах, в ягодных кустарниках, но встречается и на деревьях. Материалом для гнезда берется тонкая сухая трава, стебельки, корешки, мелкие листочки, волокна мха и лишайников; внутри выстилается таким же, но более мягким материалом, формой гнездо шаровидное, постройка рыхлая. Кладка 5—6 яиц грязновато-гельного цвета, изредка покрытых желтобурыми пятнами, черточками и точками; но рисунок их не одинаков. Высиживают самец и самка попеременно. Вскоре после выхода молодых, что наблюдалось в первой половине июня, черноголовка, лишь только молодые подрастут, приступает ко второй кладке, обыкновенно с меньшим количеством яиц. Во второй половине июля гнездование уже закончено, и в конце августа или начале сентября, после линьки, птица отлетает на юг.

Ловят черноголовки весной, как прилетят, лучком на подвязную, а летом в садах самоловом, который ставят в сучьях, на видном месте, замечая, где птица держится. В лесных местностях в жаркую пору ловят еще на воду, на точке небольшим тайником.

По охоте черноголовка птица хорошая и, надобно заметить — ценная, особенно если просидела зиму и "соблюдена" в порядке, стоимость, определенная несколькими рублями, против малой стоимости других насекомоядных, пеночки, ольшанки и т. п. Преимущество птицы, разумеется, в ее песне, состоящей из сильных, богатых тонами, "флейтоподобных" свистов, которые она исполняет в одной целой песне, изменяя ее в постановке нот, наприм., один раз прокричит "фи-лю, фи-лю-ти-ли-лю, тли" *) звучно, светло и красиво, а потом короче и при другом расположении звуков (нот), и снова кричит полнее. Хорошая черноголовка кричит длинно, светло и с сильным «органом», но такая не часто встречается, как и вообще хорошая птица. Прежде чем прокричать песню, черноголовка исполняет прелюдию, состоящую из коротких стрóf, отрывком песен других птиц; по охоте это — копировка, не входящая в песню; она и исполняется птицею на полтона тише, если не больше. У каждой черноголовки своя копировка, отличная от другой. Черноголовка поет дольше всех насекомоядных, ее песня слышна в конце июня, когда другие птицы уже молчат. Правда, это позднее пение не то, что весной, но и на том спасибо, когда все кругом молчит.

Еще более приятна черноголовка в клетке. Это милый друг охотника; она с первых дней доверяется человеку, не дичится, не бьется без толку и вскоре откровенно поет, спокойно попрыгивая по жердочкам. Ни одна из насекомоядных не приручается так скоро, как черноголовка. Это, впрочем, характерная черта всех живущих у нас в садах славков. Только осенью, в пору отлета, черноголовка беспокоится по ночам, когда в комнате погашена лампа, но это бывает непродолжительно. Живя первый год в клетке, многие насекомоядные, особенно соловьи, бьются по ночам в клетке. В виду этого охотники дикую птицу первое время держат в клетке с подтяжкой из коленкора, чтобы птица не подшиблась головой, а потом, когда птица обойдется, дают другую клетку, какая полагается.

Для черноголовки клетка как для зяблика того же размера, с деревянными тростями, и расположение жердочек то же: одна посредине, потолще, и две по низу, кормушки одним ящиком, без перегородки, но чтобы она не плесневела от сырого корма, нужно вырезать по размеру стеклышко, которое и вкладывается в кормушку, для предохранения дерева от плесени. Еще лучше можно пригнать в кормушку ящик из тонкой жести (но его придется заказывать мастеру). Корм для черноголовки немного разнится от общего корма для

*) Эту песенку близко можно было бы привести здесь в музыкальных знаках, но, к сожалению, мы не могли этого сделать.

насекомоядных, именно к обварным муравьиным яйцам с мурашкой в зимнее время ежедневно нужно давать тертую морковь (о которой сказано в статье «Соловей»). Кроме того, изредка можно давать сладкое яблоко, малым кусочком, немного больше его семечка. На таком корме, разумеется не обильном, у нас прекрасно жили черноголовки из года в год и так были чисты и хольны, как будто только что пойманы. Весной с появлением свежих муравьиных яиц корм изменяется, так же как соловью, т.е. зимний корм уменьшается. Живя в клетке, черноголовка рано открывает песню, бывает в декабре и даже вечером, если клетка освещается лампой, но только для этого нужно хорошо соблюсти птицу. Весной, когда птица кричит «в маху», она нередко сипнет голосом от сильного пения; если это замечено, немедленно следует снять клетку с места, поставить ее вниз и накрыть хотя бы платком, чтобы птица молчала, и так держать дня два, после чего птица снова может петь, голос восстанавливается.

Весьма близкая черноголовке по песне садовая славка, у деревенских птицеводов «полусоловка». Собою она кажется чуть покрупнее черноголовки, светло-пепельно-серого цвета, темнее на «головке и спинке и светлее снизу»^{*)}). Песня ее есть громкий и длинный свистовой перебор, напоминающий песню черноголовки, но не имеющий такого склада, мотива, как у последней, а слышится как простой перебор звуков, который птица ведет почти без пауз довольно продолжительно. В общем песня приятная и значительно сильнее, нежели у черноголовки, хотя в отношении искусства уступает последней. Условия содержания этой славки в клетке те же, как и для черноголовки.

Другая еще более приятная птичка славка "пересмешка", по А. Э Брэму "мельничек", кажется, более садовая птица, нежели лесная. Собою пересмешка значительно меньше других славок, оперение имеет, говоря вообще, светло-оливково-серое, темнее сверху и значительно светлее снизу; по сторонам груди и на боках заметен легкий ржавчинно-красноватый налет. Это бойкая, юркая птичка и вместе с тем смелая, не боится приближения человека, в саду держится по сиреням и фруктовым деревьям, обыкновенно на избранном дереве или кусте, в чаще ветвей, перепрыгивая по ветвям на добыче за кормом, она часто покрикивает позывами и отрывками песен других птиц, как бы передразнивая их; для пения выскакивает на видное место, своеобразно трещит и торопливо и громко кричит позывами и отрывками песен разных птиц, наприм., позывы синиц, песня пеночки без окончания, и все с замечательной точностью, т. ч. отличить невозможно. Эта копия у птиц неодинакова: у каждой пересмешки свой набор. Для любителя пересмешка очень приятная, занимательная птица, охотнику же, в строгом смысле слова, она не годится.

Живя в клетке, пересмешка очень скоро приручается, но требует за собою более сложного ухода против других птиц; в продолжительные осенние вечера и зимою ее приходится освещать огнем, т.е. держать клетку на столе около лампы, а на ночь приспособлять лампадку, освещая кормушку, так как птица в темноте спокойно не сидит, бьется и тревожно кричит, т. ч. невольно приходится успокаивать ее. Корм требуется тоже более разнообразный. Общего корма для насекомоядных недостаточно. Птица жадно хватает мух или мелких живых таракашек и кроме того охотно берет кусочек яблока. Вообще пересмешка требует бдительного ухода и всякое недовольство выражает криком, громко повторяя: "чек", "чек". При этом беспокойно прыгает по клетке.

^{*)} В таком платье мы видели птицу весною, ловленную в мае.

Малиновка.

(*Salicaria magnirostris* Lillieb. *S. palustris* Bechst).

Приступая к описанию этой прелестной птички, мне хочется рассказать вам, читатель, как привелось мне слушать эту замечательную певунью и какое удовольствие доставила она мне своими чудными переливами и свистами. Ее песенка неизгладимо запечатлелась в моем сердце и я с глубокой признательностью вспоминаю ее много, много раз...

Помнится, в первых числах мая, поздним вечером, уже близко к полуночи, я окончил мои работы, сложил папку и присел у отворенного окна, чтобы подышать чистым воздухом. Окно выходило в сад, и я с жадностью потянул в себя бальзамический запах распустившихся молодых тополей и березок. Ночь наступала темная и тихая; никакого шума кругом... Та улица, на которой я жил, как я уже говорил*), была вообще тихая, всегда малолюдная, а в поздние часы она, казалось, совсем замирала, слышалось только редкое тьяканье собак по дворам, да издали доносилось тьяканье церковного сторожа в железную доску. Точно в деревне... И вот среди этой тишины, в десяти шагах от меня, у забора в мелкой заросли, вдруг послышалась песня малиновки, ей где-то дальше отозвалась другая, и весь сад огласился их пением... То будто синицы кричат, то ласточка щебечет, то слышатся свисты куличка и песня пеночки, и даже "приемы" соловья и потом собственные, роскошные, переливающиеся свисты... Передать их словами невозможно.

Я притаил дыхание и трясся от волнения, слушая этот волшебный концерт:

Как чудно льются песни звуки,
Как сладко слушать их,
В них есть и радости и муки...

*) См. ст. "Щегол".

припоминались мне слова поэта, когда эти маленькие пернатые артисты, соперничая между собою, оглашали сад своими мелодичными песнями. Я просидел у окна всю ночь. Было уже близко к рассвету, когда птички смолкли, и я пошел спать, но в это время где-то в соседнем саду запел соловей и у моего окна на бузине запела горихвостка... Малиновка хотя очень популярная птица, но, кажется, большинство любителей имеют о ней лишь смутное представление: очень многие смешивают ее с горихвосткой или с ольшанкой, допуская в оперении малиновки красный цвет этих двух птичек. В действительности оперение малиновки не так красиво. В наших лесах и в садах встречаются две отличающиеся одна от другой малиновки; птицеловы разделяют их на садовую *) и лесную. У садовой малиновки голова и спинка среднего оливкового цвета, крылья и хвост искрасна-бурые, низ в общем грязно-желтовато-белесый или охристо-белесый, бока светло-бурые, щеки и шейка от горла светлые оливковые (зеленовато-желтоваты), над глазами заметна светлая бровь. Клюв сверху темно-рогового цвета, снизу светло-вишневого, ноги грязно-тельного цвета, темнее на пальцах. Лесная малиновка, или камышевка, оперением сверху тоже оливковая, но темнее, и снизу серая, желтоватости не имеет. Хвост у нее несколько длиннее против садовой. Самка той и другой платьем одинакова с самцом, которого отличить можно только по яру. При коротком наблюдении той и другой птицы заметно, что обе они принадлежат к семейству камышевок и имеют общую с ними характеристику. У нашей садовой малиновки все движения и повадки указывают на приспособленность к лазанью по веткам; она не прыгает так легко и изящно, как иная древесная птица, напр. пеночка, славка и др., а как-то перебегает по ветвям, посылая впереди ту или другую ногу и хватаясь лапками за ветви. Ноги у нее при этом играют большую роль. Находясь в клетке, она не преминет осведомиться с помощью ног о состоянии тростей в клетке, и если какая тростника слабо вставлена, малиновка вытянется как мышь и поминай, как звали... Это она делает так ловко, как ни одна птица. Многие любители представляют себе малиновку нежной, слабой птичкой; на самом деле это не то, что пеночка или березовка, но крепкая и очень вороватая птица с сильными,

развитыми ногами и таким же клювом. Относительно песни садовой и лесной малиновок нельзя положительно сказать, которая из них лучше поет; заметно только, что в песне садовой малиновки меньше "мелочей" и что вышепомянутые ее свисты есть особая характеристика ее песни, хотя при этом нельзя упускать из виду, что каждая отдельно взятая малиновка в песне на слух охотника чем-нибудь отличается против другой одного с нею типа и что сказанные свисты не у всякой малиновки имеются.

Малиновка прилетает к нам в конце апреля или, если апрель холодный, в начале мая и поселяется как в лиственных лесах с обильной порослью, так и в садах, предпочтительно близ воды, а потому в лесу ее вернее можно встретить по ручьям, а особенно по озерам или болотам, крепко поросшим кустарником и мелкими деревьями, также по берегам рек лесных и луговых.

Описанные С. Т. Аксаковым уремы**) есть лучшие места населения малиновки. Большие заросшие сады или парки с прудами и мелкими зарослями также любимые места пребывания малиновки. Тут она держится или около воды, в ивовых и иных кустарниках, или где-нибудь в задней аллее у забора, в малине или в заросли крапивы, лебеды и т. п.; тут она и гнездится, устраивая гнезда на сухих прошлогодних тычинах этой травы. В таких садах в продолжение всего мая мес., днем и ночью, слышится ее негромкая, но очень характерная песенка. Покойный А. К. Сорокин, известный охотник-ловец и знаток по "свистовым" соловьям, так передавал песню малиновки: "настоящая малиновка начинает так: и... деть, и... деть, свистами: вот-он, вот-он! Фи-фои, фи-фои!.. Потом в третьей песне воробушка поставит или иное что, разными птицами, или на

*) Названа так несомненно потому, что наичаще держится в садах в малине и нередко в небольших городских садах, где лесная малиновка не бывает.

**) См. ст. „Соловей“

свистах встанет, этак, как бы по лесенке бежит сверху вниз и снизу вверх. Это самая важная песня".

Гнездо свое малиновка располагает обыкновенно понизу, как мы сказали, в крапиве, в малине или ином кустарнике. Оно представляет как бы удлиненную чашку, очень прочной постройки, в три стенки, из коих наружная из сухой травы, небольших листьев, волокон пакли, паутины, и т. п.; вторая стенка — из более мягкого материала, а внутренняя кроме того выстлана конскими волосами. В конце мая самка уже сидит на яйцах, которых бывает от 4 до 6; они очень изменчивого рисунка: розоватого, чисто-белого или грязно-белого фона, покрытого грязно-фиолетовыми, ржавчинными или темно-оливковыми пестринками. В конце июня и в первых числах июля уже встречаются слетки (оставившие гнездо молодые) и гнездование заканчивается, птица перебирается пером и с половины августа отлетает на юг, в южную Азию и в Африку.

Ловить малиновку надо весною, тотчас по прилете птицы, т.е. как только послышится пение. Обыкновенно тут же, где она поет, поблизости, на расчищенном месте ставится лучок, прикрываемый каким-нибудь сором; под него пускается какая-нибудь из летних серенькая птичка подвязною, и охотник, проделав все это, проворно отходит и, присев за куст, ударяет в свисток позывом птицы, манит. Малиновка тотчас отзывается, подлетает и, завидя подвязную на точке, бросается на драку. В этот момент лучок закрывается. Главнейший успех заключается в знании, как манить птицу.

Живя в клетке, малиновка не требует за собою особого ухода. Клетка для нее обыкновенная деревянная на дугах, вершков 6-ти по длине, а лучше 8-ми вер. Помещение клетки — лучше у окна наверху. Корм как соловью: в зимнее время обварной с прибавлением моркови и ежедневно по 2 червячка, а с весны свежие муравьиные яйца, тем же порядком, как соловью. Водопойку нужно дать возможно широкую. Необходимо предусмотреть, что малиновка, поскольку осторожная птица, не любит держаться открыто, особенно во время пения, а обыкновенно прячется, поэтому клетку снизу наполовину нужно закрывать редкой холстиной со стороны комнаты. С таким приспособлением птица скорее запоет и вообще сидит более спокойно.

Пеночка.

(*Ficedula irochilus*).

Когда я вхожу в лес или в мой маленький садик, эта изящная серенькая птичка всякий раз приковывает меня на месте своими нежными, молодичными свистами... Я слушаю ее по нескольку часов и, кажется, век бы слушал ее чудную, е душу льющуюся песенку...

Наши пригородные птицеловы различают четырех пеночек, живущих в окрестных лесах и садах: а) "Садовая" пеночка, иначе, "верховая", лучшая по пению, оперением сверху светлого серо-оливкового цвета, снизу серовато-белесая с легкой желтоватостью, над глазами узкая неясно показанная, бледно-желтая бровка, ноги светло-бурые. Осенью оперение зеленее. б) Лесная пеночка, оливкового, желто-зеленоватого цвета, ярче к надхвостью, снизу, в общем, желтовато-белесая, над глазами светло-желтая бровь, ноги темно-бурые. Песню имеет покороче садовой, отрывистую и не такую нежную, хотя посильнее.

в) Трюкалка, или теньковка и кузнечик, последнее название довольно удачно по песне птицы, собственно по крику вместо песни: тень-тень-тень, или тень-тянь... несколько металлического звука крик, повторяющийся долго как песня. Оперением тюкалка в общем кажет цветнее лесной, зеленее сверху и желтее снизу, ноги почти черные.

г) Четвертую пеночку *) наши деревенские птицеловы называют лесной малиновкой за ее особенную от других пеночек песню, тоже состоящую из свистов, довольно громкую, но не имеющую мотива песни пеночки садовой или лесной. Собою эта пеночка несколько крупнее вышепомянутых, оперением близка к лесной, но еще цветнее; от клюва через глаз есть темная полоска, ноги грязно свинцового цвета с желтыми подошвами.

Пеночка прилетает к нам в конце апреля и поселяется в каждом лесу, роще, в парке или саду, около жилья человека, в садах держится более помянутая садовая пеночка, лесная же и кузнечик постоянны в лесах, а в садах редко встречаются, особенно кузнечик; садовую чаще можно встретить в лесу, нежели лесную и кузнечика в саду. Любимые места пеночки светлые мешанные и лиственные леса с обильною порослью и предпочтительно сырые леса, где есть ручьи или болота; возраст и размеры леса птица не разбирает, селится и в мелочах и в высокоствольном лесу, или лесочке, только глухих хвойных лесов избегает; сады любить большие, заросшие, с кустарниками и прудами.

В благоприятную, теплую весну почти всякий лес, роща или иной парк, всякий загородный сад и даже палисадник, где не шумно, с раннего утра оглашаются громкою, мелодичною свистовою песенкой пеночки; птичка, как только прилетит и осядет на месте, тотчас открывает пение. Держится пеночка вообще на верху деревьев, чаще по березам, непрерывно перепархивая по ветвям, и только в ненастную дождливую погоду сходить вниз, в чащу. Во второй половине или в конце мая птица приступает к гнезду, которое располагает всегда на земле, в лесу или в саду, в поросли или в траве; в лесу около обросших мохом пней или кочек, в саду в отдаленном, тихом месте, в заросли. Форма гнезда—выпуклая крышка, прикрывающая самое сиденье, с имеющимся боковым вылетом. Заметить гнездо можно только при тщательном поиске; постройка из сухой травы, топких стебельков и волокон мха, внутри выстилается перышками и конскими волосами. Кладка от 4 до 8 яиц белого или желтовато-белого цвета, у садовой неравномерно покрытых ржавыми пятнышками, точками, с пояском на тупом конце; сидит самка; самец садится, только когда она на несколько минут слетает кормиться; срок высиживания общий, 13 дней. В конце июня птенцы уже оставляют гнездо и держатся около родителей, которые продолжают выкармливать их разными мелкими летающими насекомыми, также личинками и гусеницами, находя их по веткам и листьям. С конца июля молодые разбиваются и живут самостоятельно, хотя все время летают за

старыми с обычным циканьем о корме. В июле начинается линька и с конца августа птицы щеголяют в новом платье. В это время и до самого отлета пеночка держится по низу, находя себе корм по кустарникам, мелким деревьям, около строений и изгородей. В сентябре месяце, когда начнутся легкие утренники, птица, не находя насекомых, теревит ягоды бузины. В течение сентября пеночки отлетают на юг, как замечено, стайками перелетают по лесам и садам. Зимуют одни на юге Европы и на юге России, в закавказском крае, другие пролетают в Африку.

Относительно географического распространения помянутых четырех видов пеночек мы приведем лишь краткие сведения, руководясь указаниями орнитологии**). Область распространения лесной пеночки не так обширна; она живет в западной, средней и южной Европе, избегая северных стран, в России также обыкновенно в средней и южной части. Самый распространенный вид помянутая садовая пеночка, гнездящаяся в Европе от самых северных стран до Турции на юг; в России живет во всей стране, но многочисленна в северной и средней. На зиму отлетает в южную Африку. Значительно меньше область у кузнечика, хотя он также предпочитает леса северной и средней Европы, в России гнездится в северной, восточной и средней части страны и лишь незначительно на юге. Помянутая нами лесная малиновка обыкновенна в лесах средней России. Под Москвою она постоянна в светлых лиственных лесах с кустарниками, по ручьям или канавам, чаще в подлесках; но сравнительно с другими видами ее мало.

Ловят пеночек весною, когда прилетят, по лесам и садам, лучком на подвязную. Ловить просто и очень занимательно. Большое значение имеет обстановка, самый лес весною, с его свежей, ароматной зеленью и звенящими песнями птиц; в нем так хорошо, что,

*) Означенную Д. И. Сабаневым *F. hypolais*.

***) М. А. Мензбир, „Птицы России“, т. II. изд. 1895 г.

кажется, не вышел бы никогда... Красивые ветвистые березы, спускающие свои гирлянды, покрытые мелкими пахучими листочками, стройные молодые ели с новыми ярко-зелеными веселками, осины, точно бахромою убранные красными сережками, кусты орешника, черемуха, покрытая белыми душистыми цветами... и все, куда ни взглянешь, так полно жизни и так прекрасно, что просто глаз не отведешь... А птицы, птицы... милые друзья!... Они как будто приветствуют тебя своими нежными позывами и разнообразными, усладительными песенками.. Бывало теряешься... стоишь как очарованный, слушаешь.... Тысячи голосов кругом тебя... и не понимаешь, что делать... Прежде всего нужно выбрать место, где ставить лучок, чтобы оно было открыто, видно для птиц, хотя среди деревьев, удобнее на просеке, расчистить под сеть точок, поставить маленькие, согнутые из ветвей дужки, на которые птица садится, пустить подвязную (под сетью же), а самому присесть закрыто или встать недалеко за дерево и поманивать в свисток: фюить-фюить-фюить... часто и не прерывая. Пеночки тотчас станут слетаться на этот крик и, видя подвязную, спускаются под сеть. Для пойманных нужно иметь с собою кутейку.

Содержание пеночки в клетке не требует больших хлопот, никакого особенного ухода за собою пеночка не требует. Клетка для нее полагается обыкновенная на дугах, верш. 7, как под канарейку, деревянная, с цинковым поддонком. Корм весною и летом только муравьиные яйца, в зимнее время обварной соловьиный корм, т.е. муравьиные яйца и мурашка, кроме того, штучки три в день мучных червячков (умерщвляя их с головки и разрезая больших пополам). Можно применить и морковь, как она дается соловьям. На таком корму при предусмотрительном уходе (охраняя птицу от простуды) пеночка живет по несколько лет. Осенью и зимою, когда в комнатах огонь зажигается рано, пеночку (и других насекомоядных) нужно держать так, чтобы клетка несколько была освещена, так как птица соскакивает к кормушке и к воде. Охотники не держат пеночку долго, обыкновенно выпускают в конце лета, когда птица совсем замолчит, потому что эта птичка в отношении песни незначительно отличается одна от другой (говорим о садовой

пеночке), и держать ее молчанкой несколько месяцев нет основания, удобнее весной завести вновь*).

Разбирая песню садовой пеночки и песню лесной, приходится сказать следующее: у садовой слышатся два колена: одно чисто свистовое - нежные, мягкие свисты, другое полусвистовое, постепенно затихающее к концу. Эту песню птица изменяет, повторяя ее в разных тонах без пауз два и три раза, так что получается особая свистовая игра, вариация песни. Кроме того, птица изменяет песню, просто усиливая или сокращая. В общем песня у птички не сложная, но в высокой степени приятная, душевная песенка. Песня лесной пеночки, как мы заметили, сильнее и короче, на слух отрывиста и не так нежна, она тоже изменяется птицею, но вообще уступает песне садовой.

*) Говорят, что пеночка поет и осенью, но этим пением охотник не интересуется, а к тому же, случалось замечать, на воле поют только молодые, разучая песню, а не старые.

1. Маленькая синица 2. Пеночка 3. Большая синица
4. Крапивник (орешек)

Крапивник.

(Troglodytes parvulus Kocli).

Смотря на эту маленькую птичку и слушая ее песни, кажется, что про нее именно и сказано: "маленькая птичка, да поет хорошо". В самом деле, крапивник, или, как его иначе называют паши птицеловы, - орешек, есть самая маленькая птичка среди певчих пташек, но вместе с тем один из лучших певцов. Творец, как бы в награду, одарил орешка и силою голоса, и выдающейся способностью пения. Роскошные, звучные и мягкие свисты, соединенные в строфы и повторяющиеся как-будто гаммами какого-то необыкновенного чудного инструмента, льются из груди этой маленькой птички и наполняют душу охотника высоким, невыразимым наслаждением. Так хороша песенка орешка!

Орешек не покидает нас круглый год, он только в холодные зимы спускается в южные губернии до Крыма и снова возвращается в конце зимы. В мягкую зиму его можно встретить почти в каждом лесу, лиственном или

хвойном, с мелкой порослью, в парке и в саду, обыкновенно около жилья. Он держится вообще по низу, в лесу предпочтительно на порубях, в кучах хвороста или сучьев, а также в чаще поросли с дуплистыми пнями и в обросших изгородях, в плетнях, около построек. В саду он также держится в зарослях кустарника, мелкой древесной поросли и сорной травы, крапивы и т. п., около заборов и стен. Но увидеть орешка редко приходится; эта в высшей степени подвижная, юркая и скрытая птичка лишь на секунду показывается на глаза и снова прячется в чаще. Он только голосом даст себя заметить. В феврале месяце, когда после больших морозов установится этакая тихая, приятная погода, с утра с легкими морозцами, "утренниками" и туманом, а к полудню ясная и теплая с капелью и ручьями у тротуаров, в это время на дворе и в саду между пернатыми обывателями замечается уже не малое весеннее движение: слышатся однообразные уканья голубей: то призыв голубок к гнездованью; со всех сторон несутся азартные крики воробьев, кучками атаковывающих непреклонных самок, а в саду за беседкой, в заросли сирени и бузины, льется звонкая свистовая песенка нашего милого дружка орешка; это его весенняя, "токовая" песенка; он поет ее своей подружке, с которой вместе провел зиму, о новом гнездышке, о новой счастливой жизни... Его страстная песенка звенит как-будто падающая струйка воды.

С наступлением весны, в марле или апреле, орешек переселяется из городских садов в лесные местности, где и живет до осени, как мы сказали, в крепких зарослях среди больших деревьев и на просеках в хворосте. В иных тесных местностях, по линии железной дороги, в стороне от полотна, нередко можно видеть сложенные в сажени дрова и также хворост; в этом именно хворосте, как приводилось встречать, сложенном около запасных водоемов (ям, наполненных водою для паровозов), и селится орешек. Встречая его тут в летнее время в довольно большом количестве, колонией, мы допускаем, что такие места птица предпочитает для гнездованья. Хотя орешек гнездится в разных местах: в лесу, в чаще поросли, в кустарниках, между корнями больших деревьев, чаще хвойных, в обросших старых пнях, в плетневых изгородях, в стенах обветшалых построек, тесных сторожек или плетневых сараев, — гнездо вообще располагает по низу и в большинстве случаев близ воды, он большой охотник купаться. Материал для гнезда так же различен, как и место постройки: сухая трава или тонкие сухие былинки, листочки, мягкая хвоя или мох, внутренняя выстилка с перышками. Формою гнездо обыкновенно шарообразно, с боковым вылетом наверху, постройка тщательная и прочная. Кладка от 4 до 9 яиц белых с красными точками, гуще и как бы венчиком. на тупом конце, но этот рисунок изменяется, бывают яйца чисто белые. Постройка гнезда, насколько замечено, начинается в конце апреля и к половине июня уже появляются "слетки". В это время, при благоприятных условиях, старые делают вторую кладку. Замечено, что у орешка кроме того гнезда, в котором он ведет детей — имеются еще другие, свободные гнезда, назначение которых неизвестно. Нам кажется вероятным, что эти гнезда, будут ли они старые, прошлогодние или вновь устроенные, есть места ночлега птицы, которая обыкновенно не остается на ночь на открытом месте, в ветвях, а прячется в какое-либо

удобное для себя отверстие. Кормится орешек насекомыми, личинками, гусеницами, яичками, которых отыскивает на ветвях деревьев и кустарников, в стенах строений, в хворосте, в дровах и т. п. Любит пауков; в зимнее время довольствуется семенами растений.

Оперение орешка хотя хорошо известно охотникам, но мы все-таки опишем наружность нашего приятеля: сверху он красновато-ржавчинно-бурого цвета, с мелкой волнистой поперечной темной рябью, низ ровный, светло-ржавчинного цвета. Хвост у орешка короткий, клюв относительно длинный, сверху темно-коричневого цвета, снизу светло-красновато-коричневого, над глазами светлая, желтовато-ржавчинная бровь. Самка отличается буровато-белесым горлом и такой же грудью, бока и зад у нее светло-бурые, с мелкой темной поперечной пестриной. Между орешками попадаются одни крупнее, другие значительно мельче и темнее пером.

Осенью, с сентября месяца, орешек снова жметя к жилью человека и держится, как мы заметили, по садам и поросшим пустырям в зарослях около заборов и стен.

Ловят орешка осенью и весной, но разумнее ловить осенью, загонем в развесные сети, окутывая ими кустарник вдвоем. В садах с удобством можно ловить западками. Замечая место, где держится птица, нужно заблаговременно сложить кучу хвороста и в нем поставить два-три частых западка (не западни, а отдельных два-три западка, часто забранных, чтобы птица не пролезла), в которые привадою ничего больше не класть, как маленького таракашка, живого, насадить его на булавку вверх ногами и воткнуть ее посредине западка, чтобы таракан на ней шевелил ногами. При ловле охотник как можно тщательнее должен наблюдать, чтобы попавшийся орешек, стараясь освободиться, не ободрал себе клюв у основания.

При содержании орешка в клетке необходимо соблюсти одно условие: в одиночку птицу не держать*), а сажать в клетку двух и даже трех орешков и наблюдать, как они между собою держатся: если два из них отделяются, то третий будет лишней. В одиночку же орешек в клетке скоро падает. И вообще эта птица в неволе не прочна, а потому, если будет замечено, что орешек не ел, пушится и слабо прыгает, его немедленно надо выпустить, разумеется, на место, чтобы птица не попала вороне на завтрак. Клетку орешку нужно дать большую, почти как дроздовую, но с глубоким ящиком, т.е. чтобы стенки не были мелки, низки, и часто забранную.

Жердочек в клетке нужно ставить больше. На поддонки клетки необходимо сыпать толстым слоем песка, желтого, но без пыли. Водопойку нужно дать широкую, низенькую; орешек любит воду и любит купаться, а выкупавшись, копается в песок, потом обирается и поет. Лучше, если орешек может вылетать из клетки и гулять по комнате; при этом он прекрасно приручается, является на стол за кушаньем или купаться и вообще становится очень занимателен. Вечером, когда наступает пора "садится", он улетает в клетку и прячется внизу, в кормушку или за водопойку, где и ночует. Само собой разумеется, что, выпуская орешка из клетки, отнюдь не следует допускать, чтобы в комнате находились собаки: как бы они смиренны не были, птица боится даже постороннего человека, которого она тотчас отличает от своего хозяина. Корм для орешка в зимнее время общий для насекомоядных - обварной: муравьиные яйца с мурашкой и щепотку "драного" семени, отдельно обваренного. Необходимо обратить внимание, чтобы семя было свежее, было — зеленоватое, а не желтое. Кроме обварного корма ежедневно нужно давать живых мелких таракашек или мучных червячков, что птица охотнее будет брать, а в летнее время заменять их свежими муравьиными яйцами, сначала понемногу.

Червячок.

(*Locustella straminea*, Ser. **)

Эта прекрасная, но мало кому известная птичка одарена природою замечательной, выдающейся песенкой, которой она не только себя прославила, но даже таких певцов как

юла и канарейка. Песенка ее, правда, несложная, однообразная, но в высокой степени искусная и очень ценная по охоте. Слушая светлую "червякову россыпь", невольно восторгаешься и всякий раз желаешь повторения...

Червячков у нас в охоте два: одни "большой", другой "маленький". По орнитологии обе эти птички принадлежат к камышевкам, с названием сверчок. Оперением они почти одинаковы, но в отношении песни значительно отличаются: у большого червяка россыпь крупная и короткая, у маленького мелкая, светлая и длинная. Чтобы яснее представить читателю малого червячка, опишем его подробнее.

Оперение малого червячка сверху, т.е. голова, шея и спинка, среднего оливкового цвета, темнее на верху головы и светлее на щеках, где ниже глаза заметны две темные продольные полосы одна над другой, с темными пятнышками, мелкой рябью на голове и более крупной на спинке, от темно-бурых центров каждого пера. Маховые, малые и большие, перья темно-бурые с светлыми крайками кругом пера. Хвост оливково-бурый с узкими поперечными темно-бурыми полосками на каждом пере. Вершины рулевых перьев (хвоста) заострены, клинообразны, а не округлены как у других птиц. Горло желто-белесое, шея, зоб и весь низ светлого оливкового цвета, на боках темнее. Ноги грязноватого цвета, задняя сторона их желтая. Клюв сверху черный, снизу светло-роговой.

*) Так как орешек на воле обыкновенно держится парю, а в известное время обществом.

***) Настоящее латинское название мы приводим к описанному нами малому червячку на основании данных по орнитологии проф. М. Л. Мензбира.

Глаза черные, над ними узкие светлые полосы. Величиною малый червячок чуть покрупнее лесной пеночки, высокий на ногах, движения и повадки птицы характерны как у малиновки.

Червячок появляется у нас в первых числах мая и держится всегда близ воды, в загородных местностях по сырым берегам речек, озер или болот, поросших небольшими деревцами или кустами. Весною он встречается и в садах, но в сплошных и тихих, с прудами и мелкими зарослями. Гнездится ли здесь птица или нет, — определенно сказать не решаемся, но пение его в садах мы слышали. Держится птичка невысоко и во время пения сидит на верху; поет рано утром и ночью. За городом, на своих местах, червячок гнездится на низу, устраивая гнездо на земле в высокой траве, а чаще в середине куста, в углублении почвы, в ямке.; материалом для гнезда берется сухая трава и мелкие древесные листья; выстилается гнездо более мягким растительным материалом и конскими волосами. Кладка 5 или 6 яиц, белого или розовато-белого фона, покрытого бледными, расплывающимися пятнами или ясно обозначенными темными, венчиком на туном конце, рисунок их не одинаков. В пору высиживания самкою яиц самец продолжительно поет, находясь поблизости гнезда на выдавшейся ветви деревца или куста. В первых числах июня встречаются уже слетки. По выходе птенцов пение значительно сокращается, начинаются заботы по выкормке молодых, которые растут как говорится, не по дням, а по часам и через неделю по вылете уже близки к взрослым. Кормятся молодые тем же кормом, как и сами родители: мелкими насекомыми, их личинками и куколками, в изобилии живущими в траве и на ветвях деревьев и кустарников. В июле месяце птички встречаются стайками и с половины августа отлетают на юг.

Ловят червячка весною, как только птица появится, лучком на подкидную, приманивая птицу свистком, подражая пению; червячок тотчас отзывается, подлетает и горячо бросается на драку.

Относительно содержания червячка в клетке, излишним находим заметить, что эту птичку, когда она только что поймана, не следует помещать в клетку к окну, где она может видеть деревья, лес. или поле, а сразу ставить так, чтобы она видела комнату и охотника, но при этом чтобы не пугалась, могла бы спокойно оглядеться и, главное, не

боялась бы взяться за корм, отдаваясь сама себе. В противном случае., т.е. если помещена у окна, она непрерывно будет биться на волю, заскучет, и вскоре начнет пушиться, и тогда для охотника является риск потерять птицу. Приручая дикую птицу, очень полезно продержать ее несколько дней в закрытой редкой серпянкой клетке, помещая ее тогда где угодно на светлом месте, так чтобы птицу можно было наблюдать сквозь серпянку. Открывать клетку постепенно. Такой способ приручения мы с успехом применяли к разным вновь ловленным птицам. Клетка для червячка обыкновенная "канареечная", любого фасона, с деревянными тростями. Корм соловьиный. Если птичка благополучно прожила в клетке зиму и пропела охотнику свою песенку на вторую весну,— ее с благодарностью следует выпустить на волю, обязательно в лесной местности, где она может благополучно устроиться до отлета.

Скворец.

(*Sturnus vulgaris*, L.).

Это наш общий друг, наш любимец, первый вестник весны и лучший певец ее.

Выходите, читатель, в марте месяце из комнаты и послушайте, как скворушка весну поет. На дворе еще зима, повсюду кучи снега и только на солнце бегут ручейки из желобов, слышится крик вороны к оттепели, да воробьи кучкою с криком вертятся около самки. Но, чу!.. Откуда это... слышится свист пастуха, выгоняющего стадо из деревни, тявканье его собаки, кудахтанье кур, визг коршуна, веселое таканье галок, кряканье утки, щебетание ласточки и даже иволга где-то поет... Откуда эти звуки?... удивляетесь вы. Это скворушка ведет свою песенку; он только что прибыл, отыскал свой домик—скворешню, прилаженную на шесте позади строений, и вот уселся там на хворостинке и изображает вам весну в своей песенке, взмахивая крылышками от удовольствия. Прелестная, симпатичная птичка! Как отрадна твоя веселая песенка!...

Ранний прилет скворца обыкновенно обозначает раннюю весну, хотя иногда погода скворушку обманывает, ему приходится откладывать свои концерты и ютиться где-нибудь с заветренной стороны...

Место поселения скворца вблизи жилья человека: парки, сады загородные и городские с прилегающими лугами или лужайками, прудами или огородами. В загородных дачных местностях, в таких парках или садах, с большими дуплистыми деревьями, он живет колониями в несколько сот. Также охотно селится среди строений в селах и деревнях, в скворешниках на шестах. Лет двадцать назад в Москве во многих местах, даже на больших улицах, весной можно было видеть на дворах такие скворешники, с балясинками около лазейки и с присадами из древесных сучьев наверху. Добрые люди заранее ставили скворушке такие домики, приглашая его к себе на жительство. Теперь это лишь изредка можно встретить где-нибудь на отдаленной окраине города, среди мелких старых построек. В диких лесных местностях скворец не живет.

По прибытии на родину скворец первым делом отыскивает свое старое место гнездованья и, обладая отличной памятью, скоро находит не только местность, но и прошлогоднюю скворешню или дупло, и если видит, что жилище его так же удобно, как было прошлый год, усаживается около него и поет, призывая к себе самку, которые прилетают несколькими днями позднее. Иногда подруга сама прилетает к нему, услышав его песню, но обыкновенно ему приходится отыскивать ее где-нибудь, и он с утра до вечера непрерывно летает по скворешням и деревьям, произнося особенный позыв и тряся крылышками, или, усевшись на скворешне, поет, слегка взмахивая крыльями. Когда таким образом ему удастся привести и расположить к себе самку, он не разлучен с нею ни на минуту и всеми силами старается склонить ее к гнезду, результатом чего обыкновенно бывает, что парочка слетает вниз... и вскоре начинается постройка гнезда, т.е. собиранье и укладка в дупле или скворешне тонких стебельков, корешков, сухой травы, перьев, шерсти животных и т. п. материала; устройство гнезда не искусно, кладка яиц от 4 до 7

бледного, зеленовато-голубого цвета. Высиживание длится 13 или 14 дней; сидит самка, самец же поет около гнезда или на поисках за кормом для себя и для самки, состоящим из земляных червей, гусениц, улиток и разных мелких насекомых, которых он собирает на лугу, на пашне, в саду или огороде. Хлопоты по добыче корма особенно усиливаются с выходом молодых, когда оба родителя, самец и самка, с раннего утра и пока станет темно непрерывно снуют из гнезда вниз и снизу снова в гнездо, принося по целому рту насекомых крикливым птенцам. Кажется, ни одна птица так заботливо не кормит своих птенцов, как скворец.

В конце мая, если весна благоприятна, или в начале июня молодые вылетают из гнезда и первые дни держатся кучкою, не отлетая далеко, на вершинах деревьев. Кормят их родители, но вскоре они отделяются и держатся самостоятельно, собираясь в стайки, а потом соединяясь с другими выводками в стада; кормятся также по низу, на пастбищах, лугах, огородах, ночуют предпочтительно на воде, на заросших кустарниками или тростником озерах, болотах или прудах, но также и на деревьях, где выводились. Старые между тем приступают ко 2-й кладке, выводок которой слетает в июле, и затем гнездование заканчивается, птица перебирается пером и, составившись в громадные стада, подготавливается к отлету. "Часто их многотысячное стадо, — сообщает Н. А. Дмитриев, — возвращаясь с кормешки на место ночлега, на ветлы близ моего дома, как-будто темная туча несется по небу и при приближении положительно затмевает свет своею массой. Невообразимый шум от крыльев и крика слышится на расстоянии почти 200 шагов, когда такое стадо опускается; в страшной тесноте птица валится, кажется, не разбирая места, покрывает деревья, кустарники, крыши строений и даже залетает в жилые помещения. Такую доверчивость птицы я объясняю тем, — добавляет почтенный наблюдатель, — что вся поселившаяся у меня колония скворцов строго охраняется мною: они никогда ничем не пуганы и не боятся человека. Я с большой признательностью отношусь к этой полезнейшей и приятной птице, как к доброму сотруднику, охраняющему мои поля, сад и огород"...

Какого цвета оперение скворца, кажется, всякий знает, и мы не будем останавливаться на этом подробно, заметим лишь, что его темно-бурое платье с блестящим зеленым и фиолетовым отливом осенью изменяется, несколько рыжеет и покрывается мелкой белой пестриной, и цветные отливы пера пропадают, желтый клюв становится темным, зеленовато-бурым. Оперение самки против самца тусклее, с слабым цветным блеском пера и с, большей пестриной. Клюв у самки темный, глаза серые, а не черные как у самца. Молодые в гнездовом пере, говоря вообще, серо-бурого цвета, горло светлее, клюв темно-бурый, на весну желтый.

Область распространения нашего скворца не так обширна: он гнездится только в Европе, не заходя далеко за север и также на юг, где его заменяют другие азиатские виды: сибирский скворец, пурпуровый, кавказский, отличающиеся цветностью платья, особенным против нашего цветным отливом общего темно-бурого платья. Таких скворцов нам приводилось встречать здесь весною у наших деревенских ловцов, но в то время им не придавали особого значения. В Европ. России скворец живет почти по всей стране, но многочисленен в средней полосе и местами на юге до Крыма. На зиму отлетает в Мал. Азию и сев. Африку.

Как живет скворец в клетке и как надо соблюсти его на охоте? По этим вопросам приходится заметить, что, несмотря на свою большую известность, скворец редко встречается у охотников и состоит больше любительской птицей, где жизнь его, в большинстве случаев, не отличается довольством. По охоте, от него требуется достоинство его песни: звонкое ржание лошади, "жеребенок", песня иволги, пеночки, чечевицы, разные куличьи свисты, пастуший и "погонный"*) свисты и большой набор мелочей. Звучание слов, произносимых человеком, по охоте не требуется. При обучении говорить птица теряет свою песню, равно как и при обучении молодых разным мелодиям на губовых свистах или с органчика. Хороших ученых скворцов, говорящих или поющих

мелодии, нам не приводилось встречать, и они редки, о посредственных что же говорить?... Но хорошая натуральная песня скворца может доставить охотнику высокое наслаждение.

Хорошего скворца надо выслушивать на поле весной, в пору прилета, на скворешне или на деревьях у дупла и ловить, пока он не поднялся, скворешником-самоловом, поднимая его на шесте по блоку, или тайничком внизу, куда птица слетает, на подвязного под сетью.

В клетке скворца нужно держать с другими птицами: один оставаться в комнате он не любит. Почти у каждой птицы, которую скворец слышит, он берет или отдельные строфы, отрывок, или всю песню и исполняет их с полной точностью. Известно, что он берет также всякий слышимый им звук, поэтому от помарок (например, несносный крик воробья весной, когда он вызывает молодых из гнезда) его следует оберегать. Очень хорошо, когда он сразу ставит какую-нибудь чужую песню, например, пеночки или иволгой отдельно кричит несколько раз, также чечевицей.

Условия содержания скворца в клетке почти те же, как и дрозда, та же клетка, удобнее забранная проволокой, и тот же корм, но кормить скворца нужно не два раза в день, а три, так как он очень "солощая" птица, ест много, и чуть ему чего недостает, что-нибудь не нравится, он начинает долбить клетку и кричать, остается недоволен. Не следует держать клетку у окна, чтобы птица не рвалась наружу, привыкала к комнате; помещать клетку на подставке в роде столика. Кормление птицы говядиной, творогом, кашей и т. п. мы не

*) Особенный свист погонщика лошадей, ведущих барку по реке.

решаемся предлагать в виду случаев заболевания птицы. Вернее, нам кажется, корм должен быть ближе к тому, который птица добывает себе на поле, и у охотника скворцу полагается тот же корм, как и дроздам, певчому или черному, при больших порциях живых тараканов, черных или прусаков. Кроме того, скворец очень любит купаться, больше, чем другие птицы, и лишать его этого не следует, но так как в клетке, в плошке, ему купаться неудобно, тесно, он сильно хлещется в воде, то ежедневно, или возможно чаще, нужно ставить на полу комнаты приспособленную большую плошку с водой и отворить клетку: он тотчас выскочит к воде и начнет купаться, пока не намокнет, так что с трудом поднимается на крыльях. Разумеется, к этому нужно приучить птицу постепенно: с первого раза выскочив из клетки, она боится и бьется к окнам, а потом обойдется. Мой скворец, бывало, сам отпирает клетку, когда ему скажешь: "скворушка, купаться!" и летит к тазику, а выкупавшись снова влетает в клетку, обирается, отряхивается и поет.

Вот что необходимо для благополучной жизни скворца в клетке.

Относительно обучения молодых мы повторим сказанное нами раньше. С целью обучения молодых нужно брать из гнезда вскоре по выходе весь выводок и держать в большой закрытой или полужакрытой клетке всех вместе, помещая их в устроенном из того же материала гнезде, как у них на воле или в том же самом гнезде, устроенном их родителями, и выкармливать со спички муравьиными яйцами, крупными, небольшими червями, тараканами и другими насекомыми, а также смоченным молоком- хлебом, кормить нужно несколько раз в день, немедленно, как только молодые пожелают, во избежание задержки роста птенцов; на деле это будет ясно; как только подойдете к клетке, они тотчас раскрывают рты и кричат; сытыми они сидят смирно. Не следует забывать, что от несоразмерного количества за раз выданного корма птенцы могут заболеть. Когда молодые подрастут, оставят гнездо и сами станут брать корм из кормушки, им можно предложить тот же корм, как и взрослым (см. ст. Дрозд певч.). Во все время выкармливания, как можно чаще, насвистывать молодым желаемые свисты, мотивы, а когда они, с возрастом, станут "произносить" кое-что из пения, их нужно заставлять исполнять урок перед каждой дачей корма, что следует делать в определенные часы дня. Как можно стараться приучить молодых ласковым к ним обращением, чтобы

они знали охотника. С течением времени птица до того усваивает урок, что поет во всякое время по желанию охотника, если сыта и довольна. При обучении главное дело уметь хорошо свистать и знать птицу—может ли она по своей природе взять данный мотив или нет. Кроме того, птица на птицу не приходится, одна птица хорошо займется и свистит отлично, другая наоборот—тупа и свистит плохо, или свистит хорошо, да путает комком; из каждой таковой вы ходят и хорошие, и плохие. На вторую и на третью весну птица покажет себя в ту или другую сторону; раньше двух или трех лет о ней нельзя сказать решительного, и все время непрерывно приходится заниматься с нею с полным вниманием и терпением: она всегда может ошибаться и забывать. Когда молодые вполне войдут в возраст, их нужно рассадить из общей клетки каждого отдельно и держать в одной комнате, без других птиц, если последние не состоят их учителями.

При таком тщательном уходе, с любовью к птице и с необходимым понятием, весьма возможно, что скворец пропоет охотнику свистами заученную песенку, "За морем синичка не пышно жила", — правильно и отчетливо, а на вопрос: "здоров ли скворушка?" ответит: "слава Богу".

Синица большая.

(*Parus major*)

Вот и лето на исходе: свалила июльская жара, засвежел воздух, начались холодные вечера, показались желтые листья на деревьях; улетели стрижи, улетели мухоловки, и городские ласточки стали собираться к отлету, усаживаясь длинными вереницами на телеграфные проволоки... Еще неделя - другая — и матушка осень пожалует и начнет распорядиться по-своему: потянет холодный ветер, заморосит дождь изо дня в день, пожелтеет лес, и поднимутся пернатые друзья в путь-дорогу, затревожатся... запинькают зяблики, собираясь в стада, зазвенят синички по садам, полетят чижи, реполовы, дрозды и прочие певцы, покидая родные места до будущей весны.

Вот тут и начинается охота, главнейшая в это время по лесам и садам. Деревенские птицеловы поставят точки на местах прилета, главным образом под дроздов, а городские по окрестным рощам начнут крыть чижей тайниками. Здесь, в городе, во время осеннего пролета птиц особенное движение замечается среди маленьких школьничков. В иных местах они точно порох вспыхивают, лишь только слышат позывы синиц и чижей. Все удовольствия: пускание змеев, бабки, вылазки на огороды за репой и морковью, - все бросается, начинается ловля синиц. Почти на каждом дворе поднимается западни, даже не одна, на дереве или просто на шесте, прилаженном где-нибудь к крыше сарая близ деревьев. Охота идет оживленная, страстная... Какого-нибудь Сеньку домой не дозовешься; он пить и есть отказывается... Но горе чижику и синице, попадающим в руки этих охотников. Чижику еще туда сюда, но синице невыносимо плохо приходится. Кормясь все лето исключительно насекомыми и их личинками и осенью находя их для себя в достаточном количестве, синица, попав к сказанному птицелову, сразу лишается необходимого корма.

К счастью еще синицы, что она не особенно ценится любителями птиц, меньше ловится и меньше ее остается в клетках. В то время, когда чижику видим установившуюся народной птицей, синицу встречаем только у охотника, в строгом смысле слова. Частью это потому, что синица не так доверчива, как другие птицы, воровата, попадает только в западок, а сетью не ловится*), и потому, что синица не поет, т.е. не имеет одной сложной песни, как у зерноядных, а "кричит", что называется, отдельными штукаками (котор. ценятся только охотником). К тому же на. корм и вообще в клетке синица более требовательна, чем зерноядные, и при недостаточном уходе долго не живет. Посмотрим, какое значение имеет синица у охотников и как ловится она при другой обстановке.

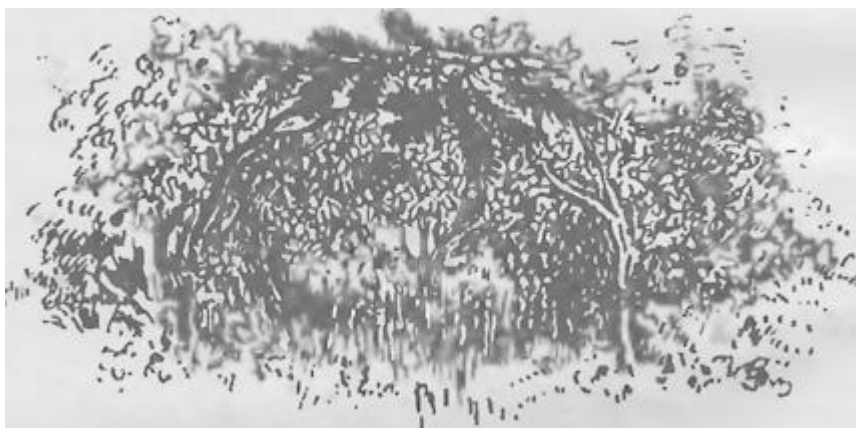
Осенью, как мы сказали, во время пролета, где-нибудь в отдаленной от центра тихой местности, где есть большие сады, особенно близ воды,—можно устроить занимательную, интересную охоту,—интересную потому, что в таких садах можно отлично наблюдать

пролет птиц. В блаженном прошлом я с увлечением отдавался этому удовольствию, живя именно в такой местности, покрытой садами, с липовыми аллеями, большими, величавыми березами и мелкими зарослями.

Наш сад, где я устраивал свои охоты, был расположен между двумя другими садами и представлял собою замечательное птичье место. Я встречал там не только всех птиц, держащихся в садах, но также лесных птиц, которые в садах не бывают. Весною, во время пролета, я видел там, у себя на дворе, дикого голубя, вяхиря, сидевшего на вершине большого белого тополя, ветви которого касались моего окна; голубь, видимо, был утомлен, сидел с приподнятыми перьями. И в моем палисаднике, около кустов сирени, на клумбе, покрытой прошлогодними листьями, мне привелось наблюдать дупеля, что-то усердно выдергивающего клювом из земли. В середине лета в нашем саду я неоднократно любовался иволгой, с выводком перелетавшей по вершинам лип. Она кормилась тут, навещая меня из березовой рощи в версте расстояния. Осенью, когда поспевали рябина, а там ее было очень много, наш сад посещали дрозды и держались в нем несколько дней. Из этого легко себе представить, до чего тихи были наши сады и как обильны были населены

*) Это объясняется тем, что синица хотя и держится обществами, стайками, но не скучивается, как зерноядные, вниз редко сходит. Кормится в одиночку, непрерывно перелетая одна за другой. Найденный корм она хватает, как бы ворует, и тотчас перемещается. Всякое найденное насекомое она зажимает в лапки и рвет частями; всякое зернышко, закрытое шелухой, которое зерноядные так удобно шелушат, тут же, где найдут, — синица раздробляет клювом.

птицами*). Там можно было нести охоту двумя способами: садовую, в малых размерах, и лесную, устраивая большие точки под тайник. Я не могу сказать, чтобы я был таким завзятым птицеловом. Нет, главнейшей целью моих охот была не ловля, а наблюдение птиц, если могу так назвать мои подсматривания из шалаша за тем, что вокруг делалось в саду. Для этого я устраивал всевозможные точки, на которых конечно и ловил, но не каждую птицу, а лишь представляющую что-нибудь по охоте. Крыть весною лучком пеночку с голоса, сманивая помощью свистка на подвязную, или также черноголовку, малиновку; крыл тайником, под березой чижей стаями, чтобы выбрать одного, двух, по охоте, ловил также синиц западками.

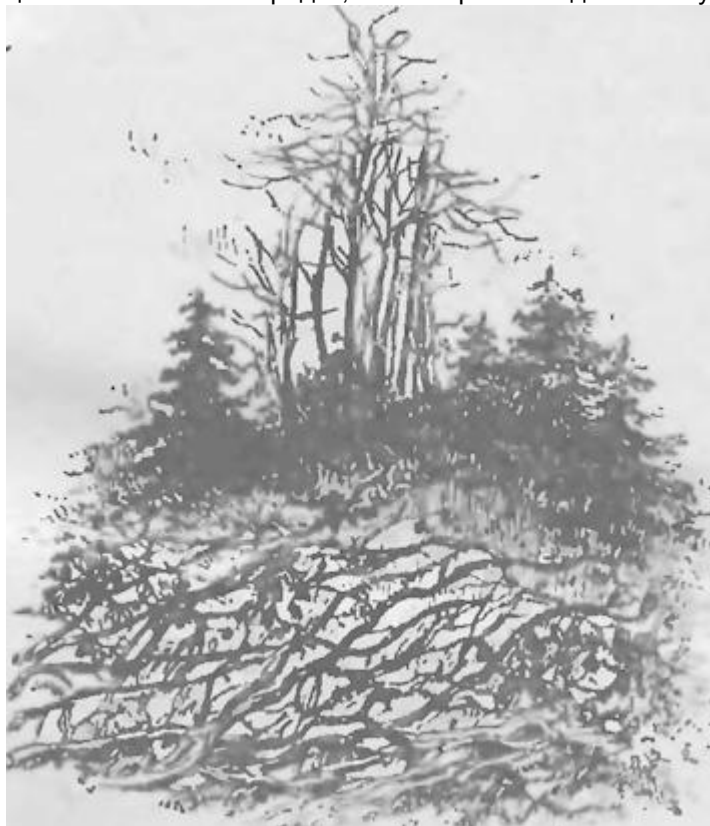

Шалашик для птицелова в саду для наблюдения птиц во время пролета.

Для этой излюбленной птички я делал точок из древесного хвороста, который заранее собираю, и прятал, и из больших семянных трав: репейника, чертополоха и т. п., располагая его на видном месте, под небольшим деревом, наприм. рябиной, заваливая ее кругом хворостом, несколько выше полдерева. Делается это аккуратно, чтобы точок выглядел как-будто крепкая заросль, для чего весь точок обносится большими сучьями, как бы деревцами. Тычины репейника и проч. ставятся повиднее. Кроме того, некоторые выдающиеся сучья, на которые птица, посещающая точок, присаживается, я наживлял

тараканами собственно для синиц. Такой точек я устраивал с половины августа, а ловить начинал с 8-го сентября. До начала охоты я выходил в сад каждое утро, не позднее 7 ч., со свистком во рту, осторожно осматривал деревья, прислушивался, спрятавшись в шалаш, сделанный также из хвороста, шагах в 10-ти от точка, производи. мои наблюдения. Сколько радости, сколько удовольствия испытано в этом шалаше!..

*) Эти сады — остатки когда-то сплошной рощи в этой местности. Уцелевшие небольшие участки с липами, стоящими в лесном беспорядке, но сие время свидетельствует о том прошлом.

Осенний садовой точек.

Сидишь, бывало, и положительно земли под собою не слышишь... трясешься весь от волнения, когда кругом,—и поверху деревьев, и по кустарнику, даже на шалаше, над головою,—отзываются на свисток сотни голосов: пиньканье зябликов, чоканье дроздов, нежные позывы пеночек, ольшанок, цыканье корольков, поползней и разные другие голоса, покрываемые звонкими позывами синиц. Теряешься, не знаешь, куда смотреть... Вот галки вертятся на тополе, перекликаясь с заводной: це-ге-ге... красивые, хольные, светло-пепельные, а на головах точно шапочки надеты из черного бархата. Вот желтолобики, корольки шныряют по кустарнику... Значит, есть и синички маленькие, думаешь себе. Поманишь в свисток и издали слышишь, в другом саду: ци-тё-ти... тё-ти! А там, на липах, на освещенных солнцем вершинах, стайками присаживаются, одни сменяя других: зяблики, реполовы и разные отлетные птички; перекликаются между собою, как будто о чем-то говорят, отряхиваются, оправляют перья и снова снимаются в путь... Вот стайка чижей с криком пронеслась над деревьями. Вон, по голубому небу, высоко летят большою стаей какие-то птицы... Это скворцы торопятся туда, на юг, к незамерзающим, поросшим камышами рекам. Смотришь на них, провожаешь глазами и думаешь: эх, улетел бы и я с вами... Но это желание тут же исчезает, когда переведешь глаза на точок. О, сколько там птиц бывало... Синицы всех пород,, какие здесь летят: большие, маленькие, разных типов гайки, гренадеры, красивые лазоревки, желтые с голубыми головками, и белая сибирская синичка, как бабочка, мелькает между сучьями!... И все это свистит и звенит различными позывами и песнями. Вот где-то большая побережником

кричит... Ах, хорошо!... А тут "заводная" ей "перебором" отчеканивает... Голубушка, — шепчешь ей, — постарайся, позови! Чу, как звенит, молоточками!... Вот куликом, куликом закричала!.. Как "светло" и длинно... четыре, пять, шесть, — считаешь. Девять! Вот так синичка!.. Кричи, мани ее! — просишь "заводную". Вот так, дятлом, оборви ее хорошенько... Вот она, тут на рябине! Эх, кабы попала!.. Слетела вниз!... На западке, распустила крылья и головой поводит, дерется с "заводной". Но западки схлопнуты: в одном, кажется, гайка, в другом зорянка бьется... Экая досада! Ну, да ничего... теперь не уйдет - рассуждаешь: в хворосте есть западки. А должно быть бывалая, все удивляется: подскочит к западку: пинь-таррр... и прочь. Ну, да ладно,—думаешь себе, — знаем ваши повадки-то... Увидала таракашка в западке: вверх ногами на булавочке дергается,— свистит на радостях, а не идет, бывалая... Ишь, хитрая: ухватила лапкой за верхний перевод западка, ловко перекинулась вниз головой, минуя палочку, что заряжает западок, сорвала таракашка, вывернулась опять на западок и тут же скушала. Вот так птичка!.. Досада, бывало, берет, а делать нечего, потому синичка, а не то что какая-нибудь ольшанка. Лишь бы не ушла, думаешь; за другим полезет - попадет... Вот так и есть, увлеклась, шельма, таракашками. Хлоп! И даже вскрикнула с испуга: фю-ить! Но тотчас сообразила и начала ломать дверку, чтобы вырваться. Нет, погоди маленько...

Так бывало, просидишь в шалаше все утро, то гайки идут днями, то маленькие, то большие. А как пролетят все, вылезешь, снимешь снасти, вынешь пойманных в садочек. Которую слышал, заметишь, отгрызешь перышко в хвосте, завяжешь все в тряпку и пойдешь домой, ничего больше не желая.

Попавших летних птиц: зорянок, пеночек и некоторых других, которые пролетом держатся по кустарникам и, не находя корма, лезут в западку, — я выпускал, держась старого наказа: всякую птицу бери вовремя, т.е. правильно, по охоте. Корольков тоже выпускал, потому, что эта птица "любительская" и, надобно заметить, очень интересная, если держать несколько штук в одной большой клетке или вольерке. Попадавших волчков всегда оставлял за их превосходную песню, единственную у этой птицы, прекрасную, "светлую", "волчковую дудку", которую, в прошлом, даже соловей удостоил взять для пополнения своего столь богатого репертуара.

Но продолжаем о синицах. Еще больше удовольствия доставляло мне (хотя не мало и беспокойства) содержание пойманных птиц. Требовалось немедленно дать клетки, место и корм., так, чтобы всякая с первого дня неволи не заскучала, не запушилась.

Всех пойманных синиц, маленьких, гаек и больших, я рассаживал в небольшие, простой работы, деревянные клетки на дугах и помещал всех на потолке в одной комнате, затеняя клетки так, чтобы птицы менее пугались и не бились бы на свет, в окно.

Первая дача корма наловленным предлагалась в очень малых порциях, но за то лучшего корма: маленьким синичкам и гайкам обварной соловьиный корм, с прибавлением вареного драного семени. Большим, кроме того, по два живых таракана каждой.

Разместив клетки, я оставлял моих новых друзей одних, предоставляя им осмотреться, при чем тщательно охранял их от какого-либо внезапного шума, особенно от появления в комнате кошки или собаки.

После полудня нужно было осмотреть птиц, узнать, как они себя держат, т.е. осваиваются ли с клеткой и берут ли корм. Если он, видимо, тронут, это благополучно, а если нет - птичка внушает опасение. В таких случаях я снимал клетку и ставил ее на свет, прикрывая со стороны комнаты редкой холстиной, чтобы птица меня не видала, а я бы мог ее видеть.

Когда намечалось, что птица начинает "дуться", т.е. пушиться и слабеть в движениях, я тотчас выпускал ее на волю.

Это печальное обстоятельство нередко наблюдалось на маленьких синичках, и оно является, как мы догадываемся, следствием сильного испуга птицы при ловле ее. Вообще же синица, особенно большая, отлично ориентируется в клетке, быстро

осваивается с окружающим. Она бьется больше потому, что клетка бывает не приноровлена к ней, или ей место не нравится, где помещается клетка. Все это хороший охотник должен видеть и помнить, что и не трудно, наблюдая такую умную птицу, как большая синица. Если про какую-нибудь птицу рассказывают, что она "только не говорит", то про большую синицу прямо можно сказать, что она говорит, своим языком, определенными на каждый случай позывами, выражающими ее впечатления, т. ч. нередко, не видя птицы, можно безошибочно сказать, что она ощущает, произнося тот или другой позыв. Она никогда не молчит, как другие птицы, за исключением времени, когда она "в распадах", в линьке. Тогда, случается, она сидит на жердочке молча. В остальное время она непрерывно в движении и неумолчно прокрикивают позывами или песнями. На посторонний слух ее позывы просто щелкотня, не имеющая значения, а на самом деле это слова, как мы сказали, выражающие то или другое ощущение. Для примера возьмем два слова из синичьего лексикона: "пинь-таррр"... и "фю-ить-таррр"... или <цеть-таррр..." Первое, когда произносится спокойно, постоянно выражает удивление, второе — небольшой испуг и удивление и т. д. Всякое ощущение синица выражает криком. Но, надобно заметить, что эти крики неодинаковы и весьма часто у каждой синицы свои. Одна, напр., кушать просить, тихо повторяя: цфи-цфи-цфи-цфи!... и при этом следит своими бойкими глазами за охотником; другая при тех же приемах кричит позывом клеста. Мы могли бы привести и дальнейшие толкования синичьей диалектики, по это нас повлекло бы, нам кажется, в излишние подробности, а потому вернемся снова к точке, так как мы не все еще сказали о пролете синицы.

Вышеописанный обильный пролет птицы обыкновенно бывает не продолжителен - два-три дня, а далее птица летит постепенно все в меньшем количестве.

Нам кажется, что осенний пролет птицы состоит в зависимости от погоды.

Мы замечаем, что если с августа пролет начинается своевременно и без особой видимой тревоги, то и осень идет ровно, пасмурными или ясными днями без резких изменений в воздухе; но лишь только птицы затревожатся, вдруг, без видимой причины, в хорошую погоду станут собираться с криками и хлынут стаями по лесам и садам—так и знай, что впереди есть что-нибудь опасное: или внезапный мороз, или продолжительные дожди с ветром, гололедицей и преждевременным снегом. Тут, конечно, не только певчие, но и черные птицы, грачи и галки, убираются куда-нибудь подальше.... Случается однакоже, что, при наступлении морозов или дождей, при холодном ветре, где-нибудь в большом заросшем саду, неожиданно встречаешь массу синиц и чижей. Это показывает, что впереди погода не угрожает опасностью, птица не боится безкормицы, а лишь ютится от непогоды "на местах". В противном случае вышесказанные кочевые птицы также перелетают поспешно, как и отлетные.

В хорошую, ровную осень большая синица держится здесь по садам продолжительно, летает обыкновенно стайками, которые, однакоже, постепенно уменьшаются, кормится по деревьям и кустарникам, отыскивая спрятавшихся насекомых, которых тщательно отыскивает также по стенам строений, заглядывая в каждую щель, и, кроме того, по зарослям ищет различные семенные растения, репейник и т. п. Ночует в дуплах или больших кустарниках, наприм. сирени, усаживаясь каждая отдельно. Зимой, когда нет больших морозов, синица, находя себе скудный корм, а главное—место, где можно приютиться на

ночь, в дупле, или под крышей сарая, садовой беседки и т. п.,—не покидает наших садов и даже бульваров. В снежную зиму, когда всякая мелкая птица с большим трудом добывает себе корм, синица встречается по дворам около сараев, где кормится домашняя птица, и даже спускается к чашке дворной собаки *).

С марта месяца синица переселяется из городских садов в загородные местности на гнездовье, но местами остается и здесь. Веселый и храбрый самчик скоро находит себе подругу жизни, "понимается", и парочка начинает отыскивать уютное местечко для

гнезда. Выбор места у синицы очень различен: в дуплах деревьев, в изгородях, отверстиях старых стен, в столбах заборов, где от ветхости сверху образуются углубления, как бы

*) Предусматривая такое горькое положение птицы в снежную зиму, я у себя в саду устраивал зимний точок, — расчищал от снега арш. 6 квадр., густо обсаживал его с 3-х сторон всевозможными семенными травами (которые собирал с осени), репейником, чертополохом, лебедой и т. п., а середину посыпал песком. На крепких тычинах сказанной травы укреплял чашки, сделанные из шишек репейника, в которые насыпал смесь из разн. семян. Такой точок птицы посещают охотно, если он наблюдается правильно и охраняется от посещения кошек и собак. На случай мороза и ветра я ставил в удобных местах, по стенам надворных построек (ноль крышею), выходящих в сад, маленькие деревянные ящики с круглым входным отверстием с одной стороны дупла. Высота расположения гнезда от земли также не одинакова, ниже или выше человеческого роста. Материалом для гнезда берется тонкая сухая трава, стебельки и тонкие корешки; постройка довольно простая.

Внутри гнездо выстилается шерстью животных, волосами и перьями. В конце апреля и в начале мая, — неровна весна, — самка кладет от 8 до 14-ти белых глянцевиных яиц, покрытых красно-ржавыми точками. Высиживают попеременно самка и самец в продолжение двух недель. Мы замечали, что в городских садах синица располагает гнездо более скрыто, нежели в загородных, малоллюдных местностях, где оно встречается почти открыто. Тем не менее, однако, оно тщательно охраняется птицею, скрывается, так что отыскивать по голосу птицы бывает затруднительно.

Нам привелось раз около десяти верст пройти в лесной местности за синицей, с намерением проследить гнездо и взять выводок вместе со старыми, и хлопоты не увенчались успехом. Умная птица, перелетая в разных направлениях по деревьям кустарникам и звеня своими превосходными песнями, так ловко отвела охотника от гнезда, что далее и идти было некуда, — она спустилась на болото, а гнездо оказалось далеко в стороне. В середине лета, т.е. во второй половине июня и начале июля, синица приступает ко второй кладке, до 8 яиц. Ко времени выхода молодым, первый выводок отбивается от старых и живет более или менее самостоятельно. С августа выводки собираются стайками, постепенно увеличивающимися, и с сентября синица вылетает из мест гнездования, появляясь всюду в городских садах.

Ведя таким образом два больших выводка, большая синица представляется довольно многочисленной птицей, и мы легко можем себе представить, какую громадную пользу приносить птица, истребляя массу насекомых, вредящих лесам и садам. Водится она по всей Европе, распространяясь далеко на Север, и Средней Азии. Отличительные признаки большой синицы едва ли кому не известны: голова и горло черные, с металлическим отливом, щеки ярко белые, подхваченные снизу узкой черной полосочкой от горла к черному затылку. Низ желтый (у старых ярче, у молодых бледнее), с черной лентой, идущей по середине от горла по груди и брюшку до подхвостья, где представляет пятно, покрывающее самый зад. Желтый низ постепенно сходит в белое подхвостье. На затылке от черных перьев светло-желтоватое пятнышко, переходящее в оливково-зеленую спинку. Маховые перья пепельно-голубоватые, такие же и перья хвоста — крайние с белой наружной каймою или до половины белые. Клюв черный, ноги свинцового цвета, сильно развиты в пальцах. Молодые в гнездовом перье, говоря вообще, грязновато-желто-зеленые. Самка до некоторой степени потусклее самца и лента у нее короче, зад серый; притом она поменьше самца.

Посмотрим, как живет большая синица у охотника и какое значение имеет в отношении песни. Мы проследим ее с первого дня неволи, с первого дня ее жизни в клетке. Как мы выше заметили, синица, как только попала в клетку, тотчас начинает пробовать трости, ломать их клювом, чтобы уйти; нередко это ей и удается при недосмотре охотника. Но если клетка достаточно прочна и поместительна и вообще со стороны охотника все предусмотрено, чтобы скорее птица приручилась, она заметно меньше беспокоится и в течение недели времени начинает привыкать к клетке, принаравливается прыгать, как ей покажется удобным: сверху вниз, прямо или из угла угол, или с жердочки через голову и

снова вверх ногами в потолок клетки: способность у нее к этим упражнениям замечательная, и только ей, синице, и свойственная: никакая другая птица из наших певчих не обладает такой характерной подвижностью. Первые дни неволи синица скупа па песню: все только удивляется, боится. по вскоре затем, особенно, если погода установится, настанут ясные, морозные деньки, синица начинает "играть". Сначала кричит позывами, кличет и изредка лишь "обозначает песни", а спустя еще неделю, если правильно соблюдена, начинает между позывами "прокрикивать песни". Чем ближе к весне, тем больше птица "прибавляет песню" и с марта месяца кричит в "маху". Когда синица бывает довольна, она начинает скрипеть "побаловкой", на слух напоминающей народную плясовую песню.

В отношении песни мы разделяем синиц на два сорта: многопесенных и малопесенных; первая, конечно, приятнее, но только редкая из них кричит хорошими песнями, обыкновенно в копировке слышится воробей или что-нибудь подобное, в песнях неизбежная "побранка", которая ни в каком случае не допускается по охоте. Из синиц малопесенных, три-четыре песни с одной основной, иногда попадает без "побранки", т.е. не то, чтобы ее со-всем не было, но она бывает изменена, так что выходить и "побранка" в нет. Такую синицу, если она имеет хотя одну хорошую песню, наприим. "кулик", и кричит ее по охоте "светло", - положительно надо держать, так как нмеющиеся "помарки" птица со временем откидывает или изменяет к лучшему. У меня была такая синица.

Но, повторяем, такие синицы попадают редко. В виду этого охотники по синицам, принимая во внимание большую способность птицы перенимать, берут молодых синиц до вылета их из гнезда и сами обучают их песням на губовых свистах. К сожалению, теперь это вывелось, охота упала, а прежде она велась у нас на славу. По сие время живут еще в сердцах оставшихся свидетелей имена знаменитых учителей, каковы Ушаткин, Сирота, Курьинин, Разумов, Калган. Это были простые люди, крестьяне подмосковных сел и деревень, но были с искрою Божией и пониманием искусства, правда, самобытного, но тем не менее замечательного. Из рук этих охотников-учителей выходили птицы с такими чудными, необыкновенными песнями, как "алмамент", "полукурант", "катеринка", "кто велит", "я сирота".

Несколько лет тому назад мне неожиданно привелось иметь такую синичку с тремя вышесказанными песнями,

от одного моего старого приятеля-охотника на память. И лучше бы он мне ее не давал —так много она мне принесла радости и так много горя... Она улетела, и как-то странно, как будто намеренно хотела огорчить меня за то, что погонял ее по клетке гусиным пером, чтобы не баловалась.

Это было весною, снег уже сошел, с неделю как ездили на колесах, и по садам лишь кое-где лежали небольшие белые пласты. Погода стояла ясная, тихая, с легкими морозцами по ночам и с утренниками градусов до трех. Вешняя птица вся была в сборе. В воздухе звенели жаворонки, по садам пинькали зяблики, пели скворцы на скворешниках и уже слышалась песенка горихвостки, этой первой летней птички. Я у себя в комнате выставил окно и, бывало, каждое утро, лишь только на востоке краем покажется красное солнце, отворишь половинку рамы и долго прислушиваешься к отрадным веселым песенкам пернатых друзей. Вот таким образом в одно, действительно, прекрасное утро отворил окно и слышу, жаворонок где-то чудно поет: рассыплет этак ласточкой и встанет на одних свистах... Всматриваюсь вверх и вижу его — по голубому небу мушкою летит через наш дом. Я выскочил на двор, чтобы подольше послушать и задержался там не более пяти минут и когда вернулся в комнату, смотрю — синицы нет. Она отперла дверку, чего никогда не замечалось, — до того она была приручена и спокойна,—и улетела неизвестно куда. Сколько я ни бегал по окрестным садам, надеясь услышать ее, нет, как будто сгинула. Сказывал тогда один знакомый ловец, проезжавший из деревни на рынок, что слышал в трех верстах от заставы в дачном саду, кричала синица необычайно, на

манер овсянки колокольчиком. Ходил и туда, кругом весь сад обошел, манил, думая не отзовется ли, по ничего такого не слышал, кроме диких птиц. Так и пропала. А что была за птица... По сие время вспомнить ее по могу хладнокровно... Как сейчас вижу ее перед собою: в чинаровой клетке, стройная, подбористая, хольная, красивая, светло-серая, с широкой черной лентой, и ласковая, слова понимает. Скажешь, бывало: "птичка, спой песенку хорошенько, гостинца дам" — и покажешь из рук таракашка, а она уже знает это, прыгает по клетке, балуется и покрикивает этак легонько в три-четыре удара, потом вскочит на среднюю жердочку и как шаркнет куликом, слов пятнадцать, так и обожжет тебя всего... Охотник поймет, как тяжело потерять такую птицу, и пусть не посмеется надо мною, если я здесь в последний раз воскликну к этой синичке: "Я ли не болел по тебе душою, я ли не берег тебя, как детище любимое, как свой глаз!... И что же!?. Ох, синичка, синичка!"...

По охоте клетка для большой синицы полагается 3-верш-ковая (по длине), проволочная в деревянном станке или металлическая, соразмерной длине вышины. Наиболее подходящими для большой синицы нам кажутся недавно появившиеся в продаже так наз. венские клетки, из луженой проволоки, очень красивые, по требующие некоторого применения, - им недостает глубокого цинкового (вместо мелкого жестяного) поддона и выдвигной (вместо непригодной подвесной) кормушки на два отделения.

Корм для синицы - общий для насекомоядных птиц: обваренные муравьиные яйца с мурашкой, с прибавлением вареного драного семени, очень немного. Которое слегка замешивается в кормушке в общий корм. Кроме того бол. синице полагаются тараканы (прусаки или мелк. черные) до 5 шт. в день. За неимением этого можно давать мучн. черней и, изредка, маленьким кусочком свежего говяжьего сала, которое бол. синица охотно кушает.

Главнейшее условие - не заваливать птицу кормом, держать так, чтобы она ко времени дачи корма была впроголодь. Клетку следует помещать не там, где охотник желает, а где удобно для птицы. В противном случае птица, нередко, беспокоится и не ест.

Синица-Московка.

(*Parus ater* L.)

У наших птицеловов и вообще у охотников эта синица более известна под названием "Маленькой синички", несомненно в отличие от "Большой", Кузнечика. Московскою она названа вл. других городах, где была мало известна и куда была привезена московскими охотниками, оценившими птицу по достоинству песни. Ее называют, еще "Моховушка" и "Боровая синица", по месту, где держится птица.

Маленькую синичку я узнал еще в детском возрасте и с тех пор сохранил о ней самые лучшие воспоминания. То прошлое, когда я впервые встретил эту синичку стайкою в роще Петровского-Разумовского, теперь уже далеко, но оно так ясно восстает в памяти, как будто произошло лишь нынешней осенью. Помнятся субботние уроки из "священной истории", двуххвостка из сыромятных ремешков, Сенька, мой сердечный друг, сидящий на тумбочке против наших окон и делающий мне знаки руками и головой, желание скорее вырваться, терзания... и радости с получением отпуска... Бывало, Сенька так и бросится ко мне, лишь только я покажусь из калитки: запрыгает, захохочет от радости и закидает вопросами: "Что ты долго, карась? (так дразнили меня товарищи). Отучился? Отпросился?" — Идем, идем! — успокоишь приятеля. Все ли взял: тайничок, заводную, садочек, западную? ."Все, вот завязано, и хлебушка взял. Пойдем". И через десять минут мы уже выбирались из переулка к валу, перебежали его и шагали по широкому зеленому полю, направляясь к скаковой беседке, слоющейся вдали впереди нас. Разговоры, рассказы без конца... восторги трудно описать.....

— Я тебе говорю, страсть сколько синичек валит! — повествует Сенька — Стадами, одни пролетят, другие... и поверху, и внизу, не оберешься...

— А далеко ли лес-то?

— Да вот сейчас за парком, пройдем его, а там рукой подать.
— Погода помешает — говорю Сеньке, — видишь, туман, изморось...
— Это ничего... в ведро-то хуже... они теперь все там, по низу. Вот увидишь... — убежденно толкует Сенька и учащает шаги, так что мне приходится за ним подбегать.

Войдя в Петровский парк, Сенька непрерывно вертит головою, поправляя свой большой картуз на затылок, смотрит по деревьям и на минуту останавливается.

— Вот он! Видишь? — показывает пальцем — Вон на липах-то, около дачи-то! Слышишь, цикают?—И поманил в свисток: ци-тю-ти, тю-ти! Синички отозвались Меня даже в жар бросило...

— Перелезем — говорю, — Сенька, через забор, западню поставим!

— Поди-ка перелезь, как тебе накладут, — смеется приятель. — Пойдем скорее! — И мы зашагали по аллеям парка.

Подходя к роще Петровского-Разумовского, мы решили отдохнуть и обсудить, как идти. Я советовал держаться края леса, Сенька стоял на своем, указывая на замеченные места. Но лишь только мы расположились, развязали снасти и открыли заводную, как она вдруг затрещала и закричала позывами.

— Стой, не ори ты!... — шепотом произнес Сенька, махнув на синичку рукою. Где-нибудь, тут близко...

Возьми ее под полу. Пойдем — Он взял сеть, и мы вошли в лес, прислушиваясь, откуда голоса.

Какое-то тревожное чувство охватило меня, когда мы вошли под своды деревьев, мрачно и глухо казалось в лесу; небольшой ветер, которого мы не замечали в поле, — здесь как-то сердито гудел в вершинах елей и сосен, качал их темными ветвями... Мне стало жутко... Сенька, идя впереди, несколько раз останавливался, прокрикивал в свисток, прислушивался и делал мне какие-то знаки... По стволам деревьев лазили пищухи, издавая свои характерные позывы; вдали прокричала Большая синица, пролетали стаями чижи над деревьями, слышались позывы клестов.

— На кой вы нам, — ворчал Сенька и как кошка пробирался вперед, пригибаясь в заросли кустарников. Но вот вдруг послышался какой-то резкий позыв птицы. — Кто это? — потом спросил я Сеньку. — Волчок — ответил он — Где-нибудь тут синички есть. Вон и корольки!... Видишь по низу?

Я кивнул головой. В нескольких шагах от меня по низу кустарника, тихо цикая, бойко шнырили по ветвям маленькие красивые, оливково-зеленые птички с ярко-желтым пятнышком на голове.

Окидывая глазами но деревьям, Сенька на несколько манеров прокрикнул в свисток и к удовольствию нашему близко послышались несколько позывов синичек. — Вот они! — радостно произнес Сенька, улыбаясь во весь рот. — Отойди, "карась", вон за тот куст, не показывайся и не свисти. А я обойду так, погляжу их,— торопливо проговорил он и юркнул в сторону.

Я остался один, спрятавшись за куст можжевельника. Но не успел оглядеться, как Сенька запыхавшись подбежал ко мне и с жестами стал объяснять:

— Страсть сколько их там, по низу, в ельнике около вала... Вон там! Пойдем скорее! Он взял у меня заводную, и мы торопливо зашагали к указанному месту.

Там, с края участка леса, обнесенного небольшим валом, поросшим по сторонам молодым березняком и частым хвойным жердником, мы встретили такую массу синичек, что я невольно остановил Сеньку рукою и сам стал, как вкопанный...

— Гляди, гляди, Сенька, сколько их! — с замиранием сердца шептал я приятелю. — Это все маленькие?

— Да, у которых белые щеки — все маленькие. А вот гайка, слышишь: ци-ге...ге!.. это гайка. А вон гренадер! Да тут их... Смотри, белая лазоревка! Эх, кабы поймать, — шептал Сенька и сам дрожал всем телом от волнения.

— Вот что, "карась", — командовал он мне — они, видишь, туда пролетают, в тот участок. Я забегу вперед, поставлю там на валу тайник и заводную, а ты подходи с этой стороны на них, тихо так подвигайся: шага три ступишь, да постой; так подвигайся на них. Понял?

— Понял. Подганивать?

— Да, подганивай на меня, — повторил Сенька и скрылся за деревьями.

Я стоял, не решаясь шевельнуться, следил глазами за каждой птицей, восхищался, слушал их позывы и совсем было забыл, что мне говорил Сенька. Я спохватился только, когда они отлетели дальше, прошел несколько шагов вперед и, заслышав Сенькин свисток: цви-ти цви-ти-цви-ти! — сообразил, что он ловит, и стал подгонять. Синички пролетали в его сторону ни перекликались позывами, потом вдруг стихли и одна за другой стали бросаться но елям, вверх. Я остановился и тут услышал голос Сеньки:

— Карась, иди сюда!

Я побежал на зов и увидел Сеньку на валу нагнувшимся к земле на корточках.

— Скорее сюда! — кричал он.—Садок давай!

Я подскочил, и также припал к сети, под которой в страшном испуге, стараясь вырваться, бились несколько синичек.

— Прижми откос. Придержи так сеть! — командовал!. Сенька, распутывая синичку трясущимися руками. — Вынимай вон тех, ишь как запутались... Осторожнее, не помни. Легче, "карась"! — кричал он, когда у меня синичка пищала. Я объяснял, что это она со страху...

Через несколько минут мы вынули всех благополучно. Садочек был полон. Сенька закрыл его тряпкой, чтобы птицы не бились, и стал свертывать сеть.

— Подиними вон там западню, — указал он, — вон, в ельнике, на сухой елке смотри, сверху!

Я пролез в чащу и нашел западню с одним захлопнутым западком.

— Что там?—крикнул Сенька.

— Белая синичка, — ответил я.

Сенька подбежал ко мне, схватил западню и, казалось, застыл на месте, любясь красивой птичкой.

— Завязывай, Сенька, пойдем, — толкнул я приятеля. -- Кто-то идет сюда, слышишь?...

Сенька дрогнул, наскоро завязал снасти в тряпку, и мы зашагали из рощи.

Так ловили мы с Сенькой синичек в осенний пролет. Их ловят и западнею, с хорошей "заводной". Но хорошая заводная редко встречается, обыкновенно или плохо манит или ссорится, отгоняет от западни. А хорошая кричит, повадно и ласкова с дикими, мастерит, что называется. Охотнику нередко приходится самому вырабатывать заводную: приспособлять к точку.

Охота на маленькую синичку не всегда бывает добычлива, так как пролет птицы бывает не одинаков, иногда она летит в массе, а иногда и мало, а то и совсем нет ее в данной местности. Охотники говорят: "летит стороною". Изменения пути пролета, при различных к тому условиях, замечались и у других птиц.

Маленькая синичка, как обитательница хвойного леса, многочисленна у нас в северном крае, хотя обыкновенна и в средней полосе, в сосновых и еловых лесах, где нередко держится круглый год, особенно в лесах тихих и с крепкими зарослями, стоящих в отдалении железных дорог. Но вообще маленькая синичка, как и другие ее родственники,— кочевая птица. По окончании гнездованья, с конца августа, она собирается стайками и с сентября покидает родные места и кочует, всюду по лесам в поисках за кормом и избегая наступающей осенней непогоды, которую она отлично предугадывает, и чем более неблагоприятна осень, тем короче бывает пролет птицы, иногда в продолжение недели синичка уже пролетела; в теплую и ведреную осень птица долго гуляет, по лесам и садам. Летит она более по утрам, стайками, приблизительно шт. в

20; на чистом пространстве летит верхом, волнообразно, завидя же деревья, лес или сад, спускается и пролетает по вершинам деревьев, в удобных местах задерживается, отыскивая корм по деревьям и кустарникам. В зимние месяцы, при отсутствии больших морозов, синичка держится в лесах средней части России, хвойных и смешанных, встречается также в больших садах, — в холодные же зимы птица спускается на юг. Вне Европ. России синичка живет во всей Европе, также придерживаясь хвойного леса и ведя тот же образ жизни.

Относительно жизни птицы в зимний период времени нам кажется вероятно догадка, что маленькая синичка, остается у нас на зиму, главным образом ищет для себя в лесу уюта, защиты от ветров и мороза, в глухих лесах и в дуплах старых деревьев, как это нам привелось заметить в местности по лин. М-Яросл. ж. д. на 17 версте; в сильно заросших участках хвойного леса Удел. Вед., где птица в значительном количестве держится круглый год и прокармливается зимою, как говорится, чем Бог послал, около построек, лишь изредка стоящих там с одной стороны просеки, стайками слетая как воробы, к корму домашних птиц, на сорную яму и даже к чашке дворовой собаки. Нам неоднократно приходилось встречать всю компанию наших знакомых: маленькую синичку, гайку, гренадера и большую синицу. Птицы видимо не стеснялись недостатка корма, находя себе убежище от холода.

В конце февраля и в марте маленькая синичка местами снова показывается у нас по лесам и садам пролетом на свои места гнездования и в конце марта или начале апреля спаривается и приступает к устройству гнезда. Гнездится она предпочтительно в хвойных лесах, но нередко и в смешанных и даже в лиственных, где имеются требуемые птицей условия, заросли и дуплистые деревья; гнездо делается в дуплах и на земле, в чаще среди больших деревьев, встречается в крупном валежнике. Материалом для гнезда берутся волокна мха, сухие былинки, мелкие листочки и т.п. растительный материал. Кладка 6 и 8 яиц (бывает 7-9), по белому фону испещренных мелкими, красновато-ржавчинными точками, но рисунок их изменчив. Высиживают самец и самка попеременно в продолжении общего срока, 13 дней. В июне уже появляются молодые, оперение в общем бурого цвета, с зеленью, с легким обозначением белых щек и с матово-черной, или грязно-черной головой. К осени это гнездовое платье меняется. Платье старой синички, говоря вообще, пепельно-серое, темнее сверху и светлее снизу, на боках заметен легкий ржавчинный налет. Голова и горло блестяще черные, щеки белые, на затылке продольное белое пятно и на крыльях по две поперечных белых полосы. Ноги свинцового цвета, клюв черный. Самка отличается от самца тем, что не имеет пройм, идущих от черного горла с боков ее шейки назад к затылку и вообще оперением не так чиста, особенно с головы. Кормится синичка в летнее время всякого рода насекомыми, живущими на деревьях, их личинками, гусеницами и куколками. Всякое пойманное насекомое она, придерживая в лапках, отрывает клювом частями. Осенью и зимой, при отсутствии живого корма, синичка довольствуется семенами растений, употребляя их с теми же характерными приемами, с помощью лапок раздробливает клювом. Таким образом маленькая синичка как бы полунасекомоядная птица и полужерноядная, хотя по природе она, как и все синицы, насекомоядная, семена же берет только при нужде (как это замечается и у некоторых летних насекомоядных).

Поэтому маленькую синичку и в клетке нужно держать как насекомоядную птицу на муравьиных яйцах с мурашкой (хотя последнюю она берет не охотно), обваривая то и другое вместе и перемешивая затем с сухими муравьиными яйцами и драным семенем, одну щепотку, особо обваренным два раза кипятком и насухо отжатым и остуженным. Муравьиные яйца для синички рекомендуем крупные, которыми можно запастись у торговцев кормом на птичьем рынке, торгующих на подмостках, или самому насушить, покупая их в свежем виде "с червячком", или несколько потемневшими, когда в них оформляется молодое насекомое - муравей. Само собою разумеется, синичка не откажется и от мелких яиц, но опять лучше потемневших, а не "свежих", содержащих в

себе "молоко", жидкость; до развития муравья такие яйца идут соловью, пеночке и т. п. насекомоядным. Ни в каком другом корме маленькая синичка не нуждается, хотя ей и предлагают разные кушанья, в ущерб здоровью птицы. Не имея за собою правильного ухода, синичка легко подвергается болезням, особенно падучей болезни, вследствие обильного кормления сырым драным семенем. Из опыта замечено, что маленькая синичка в клетке вообще живет непродолжительно, а потому рациональнее ее не задерживать долго в клетке, или же, если птица редка на охоте, приучать к прогулке по комнате, отворяя клетку ежедневно, хотя бы на час времени. К этим прогулкам птица до того привыкает, что нередко сама стучит в дверку, просится гулять, и затем сама влетает в клетку. При этом птица не засиживается и здоровее живет в клетке. Клетку маленькой синичке можно дать какую угодно, деревянную или проволочную, 6 вер. длины, с цинковым поддонком, лучше проволочную: она прочнее и ее удобнее соблюсти в чистоте.

Как певчая птица — маленькая синичка очень занимательна: веселая, шустрая, умная птичка и поет хорошо; в клетке она ни минуты не сидит покойно, непрерывно вертится, прыгает по всевозможным направлениям, кувыркается, и так быстро, что трудно проследить глазами ее движения. Песня ее, как и других синиц, не представляет одной сложной песни, как у зерноядных, но состоит из нескольких отдельных "штук" или песен, у иных довольно длинных, бывает до 20-ти слов, и исполняющихся мешкотно, "вяло", у иных коротких, до 6 слов, произносимых поспешно и "светло", выразительно. Хорошо то и другое исполнение, но "вялая" синичка по охоте важнее, хотя у нее и менее бывает лесен, нежели у той, которая кричит коротко, но "светло". Характерная песенка "вялой" синички: дибди-дибди-дибди-дибди... разстановисто, "потяжисто" и длинно. До истомы доведет охотника... Или в один удар песенка: ди-ди-ди-ди-ди!.. нежно и длинно. Кроме песен у синички есть так называемая "побаловка", характерный визгливый скрип, произносимый, когда птица ярится. У "светлой" синички характерная песенка, "винтик", кричится так: квинти-квинти-квинти... поспешно и светло, или еще в три удара, вверх: тю-пи-ти,-тю-пи-ти, тю-пи-ти!.. Часто такая песенка повторяется несколько раз; бывает, все утро стоит на одной песне и так звенит, что в ушах отдается... Это краткое описание песни маленькой синички. Для подробного ознакомления с ее пением надо слушать птицу.

Гаечка.

(*Parus palustris* var. *borealis*.)

Обладая своими превосходными свистами, эта синичка занимает второе место после Большой синицы; некоторые охотники даже предпочитают ее Большой, не встречая в ней известной "помарки" последней и находя достоинство в свистах; одна из гаек кричит даже ударными песнями Большой синицы. Но все же в общем гайка уступает первенство Большой.

В наших лесах и садах мы встречаем несколько разнотипных между собою гаек. Осенью, в пролет птицы, здесь чаще встречается светло-серая гайка, собою несколько крупнее других и с черным затылком и шеей до спинки; у других черная окраска шейки сзади не доходит до спинки. Эта светло-серая гайка значительно разнится платьем от других — светло-бурого оперения сверху и грязно-серого снизу, — которые и собою против нее помельче; платьем — одни темнее, другие светлее; у иных спинка и низ с легким рыжеватым оттенком, у одной голова с металлическим отливом, у других матовая, одна отличается более длинным хвостом. Эти гайки против помянутой светло-серой и в песне имеют различие; они нежнее свистят и штуками по-синичьи не кричат, свистами же одна из них прекрасно кричит в полуудар. У наших охотников эти бурые гайки известны под одним общим названием немецкой гайки, по орнитологии же они разделяются на несколько разновидностей. Л. Н. Сабанеев определял четырех отличающихся одна от другой гаек: Сибирская, Альпийская, Германская, Российская.

Последняя, кажется, и есть вышеупомянутая светло-серая гайка; собою она, как мы сказали, несколько больше других, оперением сверху слегка голубовато-пепельная, низ серовато-белесый, светлее на боках, щеки чисто белые, верх головы, от клюва до глаз, затылок и шея до спинки черные, на горле продолговатое черное пятно, по которому охотники отличают пол птицы: у самки оно или меньше или едва заметно; больше оно у старых самцов. Маховые и рулевые перья темно-серые, клюв черный, ноги свинцового цвета.

По своему образу жизни гайка, подобно другим синицам, кочевая птица и на перелетах всегда сопутствует стайкам других синиц, особенно маленькой синичке, хотя и группируется особыми стайками. В марте, когда пройдут морозы и начнут обозначаться признаки весны, птица возвращается из своих зимних странствований на места гнездованья; те, которые переключиваются к нам с севера, перелетают обратно в родные хвойные леса, а кочевавшие в южных местностях снова появляются здесь, в средней полосе. Места поселения гайки—преимущественно хвойные леса, хотя она селится и в смешанных, предпочитает близ воды, любит поросшие хвойным лесом берега. Гнездо гайками устраивается обыкновенно в дуплах старых, погнивших деревьев, хвойных или лиственных, но стоящих в чаще, где птица и держится все время вывода. Гнездо встречается не высоко от земли; материалом для стенок гнезда берутся мелкие части сгнившей древесины, труха и тонкие прутики; сиденье выстилается перышками, конским волосом и мягкими растительными волосками; постройка гнезда простая. Кладка от 5 до 8 и более яиц, белого цвета, с мелкими красными пестринками. Кладка начинается в конце апреля, молодые выходят в половине мая и в июне уже летают и живут самостоятельно. В июле нам приходилось встречать вторые выводки. Гнездовое оперение молодых в общем грязно-серое с зеленоватым налетом. С конца июля выводки собираются стайками, которые постепенно увеличиваются, и в августе начинается пролет птицы, кочеванье на поисках за кормом. В это время гайка появляется всюду по лесам, рощам, паркам и садам, придерживаясь однакож лесных местностей, где она остается и на зиму, в сообществе с другими синицами.

Гайка хотя и кормится всяким кормом, семенами растений и насекомыми, тем не менее остается насекомоядной птицей. В летнее время она кормится исключительно насекомыми, любит личинки, осенью и зимой довольствуется семенами растений. К характеристике гайки надо отнести ее замечательную подвижность: это самая бойкая, самая вертлявая из синиц. Наблюдая ее на дереве, невозможно проследить ее движения: до того она быстро порхает и вертится по ветвям. На поисках за кормом она не пропустит ни одного листка, ни одной малейшей щели на дереве, где может спрятаться насекомое; она хватает его даже, когда сыта и прячет в другое отверстие, запасая корм на черный день. Эта повадка замечена также у маленькой синички.

В августе месяце, когда гайка, закончит свои семейные дела, перелиняет и, собравшись стайками, полетит по лесам, птицеловы начинают охоту. Ловят гайку западнями с заводною, которая хорошо манит на корм; птица валится обильно и появляется на рынке в значительном количестве. Охотники покупают по несколько штук, развешивают в небольших лрволочных клетках и выслушивают, которая лучше свистит; гайка не особенно стесняется клеткой и скоро открывает песню, особенно

молодые. Достоинства песни заключаются в длинных и нотных свистах, т.е. когда птица с высокого свиста, с высокого тона, переходит на низкий и долго стоит на свистах, не обнаруживая "побаловки", в роде: стеть-стеть стерлерлерле..., что охотниками не признается за песню. Хорошие гайки однакож редки, как и всякая хорошая птица. В старое время, когда охота по певчим птицам велась в широких размерах, были замечательные охотники, знатоки всякой птицы; они обучали молодых птиц всяких, не только гаек, на губовых свистках, и ученые гайки превосходно свистели, особенно мотивом: "я сирота"; свист с грустным оттенком в 3—4 ноты исполнялся замечательно-выразительно. Ученые гайки ценились до 25 рублей.

Условия содержания гайки в клетке те же, как и маленькой синички.

Канарейка.

(*Fringilla canaria*).

Как известно, канарейка в диком состоянии тропическая птица, она живет на западно-африканских островах Атлантического океана: Азорских, Мадейра, Канарских; последние представляют группу из 7 больших и меньших островов; из них главный остров Тенерифа. Там, в прекрасном климате, где никогда не бывает зимы, а летний зной умеряется водами океана, среди роскошной растительности, орошаемой бегущими по склонам гор ручьями,-- канарейка обыкновенна, как у нас воробьи; она во множестве держится всюду по садам и вообще местностям, поросшим мелкими деревьями и кустами, предпочтительно близ воды, не заходя в глубь леса. Оперение дикой канарейки, по свидетельству известного ученого Болле, превосходно описавшего эту птицу при наблюдении ее на означенных островах, - "у старых самцов спина желто-зеленая с черноватыми полосками и широкими светло-пепельными краями перьев, этот оттенок почти преобладает во всех перьях. Гузка желто-зеленая, верхние кроющие перья хвоста зеленые с пепельно-серой каймой; голова и затылок желто-зеленые с узкими серыми краями, лоб и широкая полоса над глазами, идущая полукругом к затылку золотисто-желтого цвета с зеленоватым оттенком, горлышко и нагрудник такого же цвета, по бокам шея серая. Грудь сзади светлее и желтее, брюшко и нижняя часть хвоста (подхвостье) беловатые, плечи зеленые, как у чирика, с матовыми черными и светло-зелеными полосками; черноватые маховые перья имеют узкую зеленоватую, а темно-серые перья хвоста белую кайму. Радужная оболочка темно-коричневая, клюв и ноги темно-телесного цвета".

Болле думает, пишет А. Брэм, что птица является в этой одежде только после окончания второго года жизни. У самок спина серо-бурая с широкими черными полосами, перья затылка и верхушка головы - этого же цвета, но у основания светло-зеленые, лоб зеленый, уздечки серые, щеки частью пепельно-серые с голубоватым оттенком; по сторонам шеи идет желто-зеленое кольцо, переходящее сзади в пепельно-голубоватый цвет; кольцо это мало заметно. Плечи и малые перья верхней части крыльев светло-желто-зеленые, большие кроющие перья и маховые темные с зеленоватой каймой. Грудь и горло зеленовато-желтые, но менее красивы, чем у самцов, потому что перья имеют беловато-серую кайму. Нижняя часть груди и брюшко белые, бока буроватые с темными полосками. У молодых птиц перья буроватые с желтым оттенком на груди; на щеках и горлышке перья лимонно-желтого цвета, Цвет перьев канареек очень трудно описать словами, потому что тут уклонений и оттенков множество; замечу только, что общий характер окрашения совершенно соответствует цвету перьев того вида ручной канарейки, которую мы называем зеленой или серой.

Относительно образа жизни канарейки известно, что она, как и большинство зерноядных, держится вообще стаями, большими или малыми, но невысоко, как выше сказано, по мелким деревьям и кустарникам, и по низу на поисках за кормом, при непрерывной переключке одна с другой. Замечено, что отдельными стайками к вечеру соединяются и большие и перелетают на общий ночлег в определенное место, откуда издали слышится их разнообразная переключка и короткое пение, пока все общество не усядется на покой.

О пении дикой канарейки Болле говорит: "Не солжешь, если сказать, что дикие канарейки поют как наши ручные*). Пение последних несколько не заученное и вовсе не искусственное, оно прямо перешло в наследство от вольной птицы**). Правда,

некоторые ноты в песне изменены воспитанием и значительно развились, но зато другие сохранились в чистоте; во всяком случае общий характер песни остается у обеих (дикой и

*) Разум., немецкие.

**) В настоящее время приведенному мнению почтенного наблюдателя есть противоречия: пение птицы изменилось.

домашней) одинаков и доказывает самым убедительным образом, что если люди разучиваются своему языку, то по крайней мере птицы сохраняют его при всевозможных переворотах в обстановке".

Пища дикой канарейки состоит большей частью, если не исключительно, из растительных веществ: мелких зерен, нежной зелени и сочных плодов, в особенности фиг. "Свежая надтреснувшая фи́га дает им сладкий сок и мелкие зернышки; они пьют соки как лакомство, но к сожалению могут добыть его только, когда перезрелые плоды блестят между зеленью фиолетово-синими или желто-зелеными отливами". Главную пищу, по замечанию А. Брэма, служат разные семена: капуста, салат, мак и т. п., также и различного рода зелень.

"Вода насущная потребность для канареек. Часто, почти всегда обществом, летают они к водопою и любят купаться, сильно смачивая свои перья, как на воле, так и в плену".

Время любви и устройство гнезда, сообщает Болле, начинается в марте и большей частью в первой половине его. Мы никогда не видали, чтобы птицы эти устраивали свои гнезда ниже 8-ми футов над землей, но часто находили их на значительной высоте. Кажется, канарейка всего охотнее гнездится на молодых тонких деревьях и между ними предпочитает те, которые остаются всегда покрытыми листьями или но крайней мере очень рано покрываются ими. Грушевое и гранатное дерево, по богатству ветвей, образующих густую, по светлую чашу, выбираются для этой цели всего чаще; апельсинное дерево по густоте зелени реже, а фиговое, как уверяют, положительно никогда. Первое найденное нами гнездо, говорит Болле, в конце марта 1856 года, в заброшенном саду виллы Оратона (на о. Тенерифе), было расположено на буковом дереве, вышиною футов 12, поднимавшемся над миртовой изгородью. Оно сидело в развилине двух ветвей, снизу было широко, а наверху узко, имело правильную округленную форму и было очень тщательно выстроено. Стенки его были почти исключительно выведены из белого, как снег, растительного пуха, переплетенного изредка сухими соломинками. Первое яйцо было положено 30-го марта; потом каждый день прибавлялось по одному, пока все число не достигло наконец пяти, это, кажется большая кладка, потому что нам никогда не удавалось найти в гнезде более 5-ти, а менее случалось. Яйца светло-зеленого цвета и усеяны красно-бурыми пятнышками, но бывают изредка почти или даже совершенно одноцветные, они вполне походят на яйца комнатных канареек. Неволя не произвела изменений и во времени сидения на яйцах: у дикой канарейки оно также продолжается около 13 дней. Птенцы остаются в гнезде до полного оперения, но и по вылету из гнезда родители, особенно отец, чрезвычайно усердно кормят их некоторое время из зоба. В лето одна пара выводит детей обыкновенно 4 раза, но иногда только 3. В конце июля начинается линяние, и тут, конечно, кончается время размножения на этот год.

Ловля канареек, по словам Болле, очень простая. Птица идет на что угодно, особенно молодая, и в туземную западную (подобную нашей) валится, как у нас синицы осенью. Болле говорит, что на его глазах в течение нескольких часов утра было поймано до 20 штук. Так как канарейка в известное время, как замечено, держится более или менее стадами, то представляем себе, что можно было бы сделать, ведя охоту правильно, наприм. нашими сетями с подвязными и заводными... Местность эта, помянутые острова, принадлежит частью испанцам, частью португальцам, и эти охотники ловят еще канареек в какую-то сетку, где для приманки посажена коноплянка или щегленок. В клетке ловленная канарейка сильно дикая птица, медленно приручается и, как говорит Болле,

очень нежна, так что вывезти ее с родины очень трудно, почти невозможно, потому что птица заболевает, вероятно, от простуды, обыкновенно судорогами, и скоро падает. На о. Тенерифе нередко встречаются очень красивые помеси канарейки, у которых верхняя сторона темно-зеленая; нижняя, от горла, ярко-желтая, но они редки.

Перейдем к культурной канарейке, разводимой в комнатных садках.

Размножаясь в неволе уже несколько столетий, птица, как и должно быть, изменилась наружно, отошла от своего типа, при различных к тому условиях, и представляет несколько разностей по росту, складу, характеру и перу. Не входя в подробности этих изменений, мы заметим лишь о трех главных типах домашней канарейки.

Серо-зеленая канарейка, лучшая порода, птица весьма крепкая, выносливая, очень хорошей песни и более других плодовита *).

Белесая канарейка, собою крупная, стройная, живая в движениях и довольно крепкая в клетке, поет очень прилежно, разводится легко.

Ярко-желтая канарейка с желтыми крыльями и хвостом, собою меньше, слаба и поет мало.

Есть еще серые канарейки, местами с зеленоватым и желтоватым оттенками, и бурые с ярко-желтой шейкой, но они редки.

Говоря об этих трех типах птицы, мы допускаем и дальнейшие изменения, напр., известна зеленая канарейка и мешанно-зеленая, пятнистая, отличающиеся выносливостью и громким пением, и с другой стороны замечаем, что вся эта разнотипность птицы в отношении оперения или склада получилась, как известно, от подбора производителей и воспитания. В этом отношении, т.е. в деле заводского искусства, особенно заявили себя англичане, хотя нельзя умолчать о голландских манжетных и хохлатых канарейках: они обратили наибольшее внимание на цветность платья птицы и отводили не только одноцветных ярко-желтых и пестрых различного рисунка, с большими хохлами, но даже совершенно красных канареек. Но в отношении выработки песни птицы приходится отдать преимущество немецкой канарейке. Немецкие охотники довели канарейку в отношении пения до высокой степени искусства, и она бесспорно лучшая из всех канареек, отличающаяся замечательными дудками и россыпями и также отсутствием каких-либо помарок по охоте. Одно только замечается, что немецкие охотники недостаточно установили свою канарейку в отношении пения: она поет свои "изумительные" песни, "до 20-ти различных колен", лишь при особых к тому условиях, находясь под наблюдением охотника, но не представляет такой комнатной птицы, которую можно было бы охотиться без тех особенных (в большинстве случаев неприметных) приспособлений при уходе за нею, которые рекомендуются знатоками этой охоты и при которых, надобно заметить, все-таки ее приходится подучать, вновь ставить на песню. А это не так легко... Нам кажется лучше, если бы немецкая канарейка пела попроще, но не ломалась бы так легко. Мы не осведомлены достаточно, каких целей достигают заграничные охотники при обучении пению птицы, но сами по себе в этом деле держимся такого положения: развить достоинства песни и устранить недостатки, но не вносить в нее ничего постороннего, несвойственного природе птицы, а для того обучение пению птицы возможно согласуется с ее натуральной песней и с ее способностями**). "Червякова россыпь" в канарейке одна из главнейших ее песен, потому и хороша, длинна, что это природная песня птицы, она и поет ее в совершенстве и не разучивается. Учить же канарейку мелодиям "под скрипку" или заставлять ее исполнять "флейтовые" звуки или "песни соловья", — по меньшей мере не по охоте ***)...

*) К сожалению, в настоящее время редко встречается.

***) Как это, например, делалось нашими соловьиными охотниками при обучении молодых: не всякий охотник мог отличить "подставную" птицу от натуральной.

****) В прошедшем 1901 году, в газ. "Москов. Вестн." мы прочитали сообщение об основании в Германии, в горах Гарца, г. Волфшлагом музыкальной консерватории для канареек. Г. Волфшлаг, далее сообщалось, изобрел нечто в роде большого органа, приводимого в движение водяной

силой и имеющего 9 различных тонов, по которым уже взрослые канарейки и приучаются модулировать свое пение (т. е. совершенствовать, вырабатывать преподанное пение). Начало обучения принято с момента выхода птенцов из яйца и ведется весьма основательно, при умеренном кормлении молодых во избежание ожирения, могущего вредно повлиять на исполнение пения. От души желаем этой консерватории полнейшего успеха в достижении цели охотника.

Относительно места разведения немецких канареек, с песнями, — известный ученый наблюдатель Ленц говорит: "Для того, чтобы узнать, где теперь находятся самые лучшие канареечные садки, — я побывал во всей Германии и в соседних с нею землях, вел даже переписку с более далекими. При этом я убедился, что самые лучшие канарейки теперь в Андреасберге на Гарце и в некоторых соседних селах. Птицы, выращенные в Андреасберге, поют чрезвычайно разнообразно; дурного певца я там не слышал ни одного; напротив, слышал много раз превосходное пение, состоящее почти исключительно из трелей, перекатов, глухого свиста и т. д.

Жители Андреасберга стараются разводить только одноцветных, бледно-желтых канареек без хохлов на том основании, что одноцветная птица не может иметь неправильного рисунка и что бледно-желтых самцов можно узнать еще в гнезде по более темной окраске вокруг глаз и у основания клюва. Эта примета остается резкой даже некоторое время после вылета из гнезда и по ней отделяют самок от самцов.

Первых отправляют уже летом с разносчиками, а молодых самцов и выученных старых в конце октября или начале ноября продают целыми сотнями купцам, которые везут их в большие горда. Большое число отправляется в Россию и Америку. На северной стороне Гарца до Брауншвейга и на южной до Бодунгена и Дудерштата тоже разводят много канареек и продают под названием "гарцких". Но они далеко уступают последним в пении, однако же во всяком случае лучше тех, которые воспитаны далеко от Гарца.

Далее Ленц говорит, что мнение, часто выражаемое печатно, будто "самые лучшие канарейки разводятся в Тироле, а главное место разведения и продажи находится в Иmete", — ошибочно. Он сам рассматривал это дело на месте и нашел, что с незапамятных времен там разводится очень мало, да и то очень плохих птиц. С целью изучить разведение канареек, он был в Бельгии, откуда их вывозят во множестве в Англию и Америку под названием голландских: он нашел, что там они особенно велики, стройны, прекрасного желтого цвета, но что пение у них незавидное.

Так описывает немецкую канарейку почтенный наблюдатель Ленц. Сожалею, что в приведенном описании нет точного описания песни, что весьма важно для охотника, но и за то, что написано, остаемся ему признательны.

Теперь посмотрим, как поживает наша русская канарейка. Птица разводится у нас тоже с отдаленных времен, с конца XVIII стол., и в большом количестве, но не имеет сбыта за границу, а продается вся на месте, по всем городам нашего обширного отечества. Главнейшие места разведения с промышленными целями в Калужской губ.: г. Калуга, Боровск, Медын, м. "Полотняные Заводы", г. Тула. г. Чулково, Тульской губ., г. Горбатов, с. Павлово, Нижегородской губ., г. Повоныбков, Черниговской губ., Киев и некоторые другие города и селения, уже не столь известные по производству птицы. Кроме: того в небольшом количестве птица разводится и в Москве.

Относительно сорта птицы надобно заметить, что лучшие канарейки, припоминаю охоту лет за 20 назад, были боровские, хотя нельзя не отдать заслуженной похвалы тульским и с "Полотняных Заводов", в свое время выделявшимся прекрасным пением. Из вышеозначенных городов и сел Калужской, Тульской и Нижегородской губерний птица ежегодно массою привозилась в Москву и продавалась в Охотном ряду вторым и третьим сортами, за исключением боровских, которые шли первым сортом.

Способы обучения канарейки у нас не сложны: "отучали" дудками и натурой, репертуар у птицы был небольшой, но хороший. Несколько лет позднее некоторые охотники стали учить под органчик, но тут, строго говоря, хороших певцов не выходило*), так как органчики эти были неправильно применены к пению птицы. Говоря

о достоинстве песни, мы обращаемся к прошлому, потому что не находим в современной охоте тех выдающихся птиц каковые велись у старых охотников.

*) Говоря это, мы не упускаем из вида того, что органичные канарейки неоднократно были премированы на выставках золотыми медалями. Это само по себе!.. Мало ли что иногда премируется.

В шестидесятых годах в Москве были замечательные канарейки охотника Ильи Борисовича Преображенского*), псаломщика церкви Рождества в Кудрине, обладавшие превосходными песнями: дудками, россыпями и овсянками в "звон". Но еще лучше были "царицынские" канарейки, завода Алексея Ивановича Чунилина, из села Царицына под Москвою. Это была превосходная охота, отличавшаяся особенным планом песни с россыпями, овсянками и дудками. Позднее была очень хорошая птица В. П. Веретенникова из Калуги; затем на сцену вышла боровская, Ивана Алексеевича Овчинникова, и долго первенствовала над всеми привезенными в то время канарейками. Нам привелось ее слушать в 1880 г., и мы до сих пор повторяем нашу глубокую признательность охотнику, сумевшему выучить птицу так правильно, так хорошо. Это была именно "концертная" канарейка; она собрала тогда в Охотный ряд всех имевшихся в Москве охотников и заставила их пережить такие минуты, которые они, как и я, едва ли забудут во всю жизнь. Чудные нежные россыпи, мелкие, серебристые овсянки, трелевые дудки менялись одни за другими; и все охотники, слушая эти песни, сидели как бы застывши на месте... Птица вызвала всеобщее одобрение и все, что было прослушано, было куплено охотниками по большим ценам, от 40 до 100 руб., штука. Были охотники,—неволью приходится повторить,—была и птица!... В то же время, припоминаем, были хорошие канарейки Геманетина из Медыни, с длинными россыпями, овсянками обыкновенными и также дудками. Среднего сорта птица была Гаврилы Горковского (Горково, м. близ "Полотняных Заводов"), с обыкновенными овсянками, дудками и синичкой.

Остальные, говоря вообще, шли третьим сортом "простыми", хотя нередко выделялись прекрасными песнями, особенно "полотнянки", овсянками на три манера ("металлическая", звонкая "серебристая" и в "звон"), дудками в "оборот" и россыпями, так что, если бы при серьезном внимании охотника птица не имела известной пометки, она могла бы стоять в ряду лучших охотничьих канареек и могла бы быть отличной русской канарейкой с своими преимуществами.

Дело разведения канареек у нас пока не имеет правильной постановки и желательного развития, птица разводится любителями "между делом" и за небольшим исключением без всякой подготовки к охоте. При других условиях русская канарейка играла бы немалую роль, как комнатная певчая птица.

Касаясь современной нашей канарейки, мы можем только подтвердить, что охота упала, те птицы из Калуги, Медыни и проч., которые еще недавно так хорошо пели своими характерными песнями, в настоящее время не дают даже и слабого отражения предшествовавших; современные охотники стали учить птицу заграничными, тирольскими и изломали свою канарейку до неузнаваемости... Также и хорошие охотничьи канарейки испортились; боровские, Овчинникова канарейки, по смерти старого охотника, получили пометку, "рычок".

Полюбопытствуем, как разводится канарейка в садках и как должно соблюдать ее в клетке. Разводится она, как известно, легко, но ухода требует более сложного, нежели дикая птица.

При разведении канарейки первое условие, как и вообще в животноводстве, выбор производителей: нужно, чтобы самец и самка не были в близком родстве между собою и чтобы были совершенно здоровы и вполне выдержаны, т.е. подготовлены к спариванию: нераскормлены и не сморены. Лучше, если производители будут разных заводов, самец приобретен от одного охотника, здоровый, красивый собою, яркий и с хорошей песней, а самка, также здоровая и ласковая, от другого охотника. Будут обе птицы одного типа по

*) Как умели соблюсти птицу старые охотники, видно из следующего факта. У Ильи Борисовича между прочим была одна "старка", учитель, которая жила у него 22 года и только за два года до смерти остановилась петь. "Старка" эта была светложелтого платья, смолоду хохлата, но под конец совершенно плешива. (Сообщено охотником А. И. Кердуновым, видевшим эту канарейку у сына Ильи Борисовича, Петра Ильича).

складу и платью или разного, — это как кому угодно. Обязательно, чтобы самец, пущенный с самкою, не имел в песне или позовах никаких помарок. При спаривании хохлатых нужно выбирать, чтобы у самца или самки (но не у обоих) хохол был ровный, густой и крепкий, а не рыхлый. Возраст птицы для размножения лучше по третьему году и до семи лет, хотя нередко пускают и моложе и старше. Спаривают три раза в год. У молодых, годовалых, птиц бывает два или три выводка в год, и кладка от 1 до 3 и даже до 5 яиц, у старых до 4 выводков и кладка до 6 яиц, но такая большая кладка вредно отражается на организме птицы.

"Пускают", спаривают канареек в марте месяце. До спарки самки сидят отдельно, возможно дальше от самцов. Прежде чем пустить, нужно приготовить садок, который, во-первых, должен быть совершенно чист, не засижен и не запылен, и соразмерно поместителен, а затем приновлен для разведения птицы. Длина садка для пары птиц полагается 1 арш., шир. 3. Садки большого размера допускаются по желанию охотника, для птицы же они не представляют необходимости. Также и по вопросу о том, какой должен быть садок, металлический или деревянный, охотник руководится своим соображением, птица одинаково разводится в том или другом садке. Практичнее однакоже металлический садок немецкой работы, из луженой проволоки, в том отношении, что в нем не заводятся тех мельчайших паразитов, которые всегда ютятся в деревянных садках и сильно беспокоят птицу; в металлическом садке им негде прятаться, он весь открытый и безо всяких щелей. Кроме того, его очень удобно чистить. Деревянный садок всякий раз, когда гнездование кончено, приходится опрыскивать и протирать скипидаром, а время от времени менять трости. Металлический садок такой чистки не требует, его достаточно облить кипятком и просушить. Так что, не будь этот садок дорог при выписке его из-за границы, из Берлина, он, несомненно, устранил бы всякий другой садок для разведения канарейки. Но пока возьмем наш садок, не менее правильно приновленный и доступный по цене. Замеченные в нем неудобства нетрудно устранить, если взять станок полированный и забранный нержавеющей проволокою.

Гнезда для птицы охотники также ставят всякий по своему усмотрению: одни держатся исстари принятых правил, другие заменяют их новыми. У старых охотников в садке на одну пару ставилось по углам наверху два деревянных ящика, с входным отверстием у каждого для птицы и с дверкою, открывающеюся наружу для осмотра гнезда охотником. В эти ящики ставились веревочные "чашки", как основание гнезда, в которых птица и устраивала самое гнездо из корпии и других мягких волокон. В настоящее время современные охотники нашли, что деревянные и перевитые гнезда непрактичны, потому что в них заводятся насекомые, и ставят вместо них сделанные из проволоки "чашки" для гнезда, в которые птица и кладет корпию. Нам кажется это недостаточно основательно, потому что ящик (а не гнездо) ставится при том соображении, что всякая птица по инстинкту гнездо свое устраивает в закрытом месте, а не на виду, и нет необходимости лишать ее этого приспособления. Насекомые же могут завестись в период высидывания во всяком гнезде, если они раньше, до спарки, были у птицы или в садке, что у охотника, в строгом смысле слова, с любовью относящегося к птице, — тщательно предусматривается.

Когда пущенные в садок самец и самка "поймутся" и станут лазить в ящик, нужно положить в клетку или на клетку сверху корпии, нащипанной из какой-нибудь толстой, грубой холстинки, но совершенно чистой, которую птицы вскоре будут таскать для устройства гнезда. Поддон садка должен быть посыпан крупным желтым песком без пыли. Кормушка должна быть посередине садка, с перегородкою на два отделения, с вставными жестяными ящичками, так как корм бывает моченый, сырой, от которого

деревянная кормушка плесневеет и загнивает. Водопоек полагается две, формой широкие, чтобы птице удобно могли купаться. Кроме того, в угле садка нужно поставить в плоске мелко толченую яичную скорлупу (куриного яйца), смешанную немного с солью. Правильнее, это надо давать самкам до спарки, когда они выдерживаются к спариванию, находясь отдельно от самцов. Весьма важное условие - место помещения садка. Его не следует помещать у окна и также в темном месте; лучше, если он помещен на внутренней (не холодной) стене посередине, или несколько выше, возможно уютнее, в стороне, чтобы птиц ничто не беспокоило. С этой целью не излишне даже прикрывать садок с одной стороны. Необходимо также предусмотреть, чтобы в садок не забрались мыши, которые нередко лазят в клетки за кормом, а в садке могут разорить гнездо.

Половые сношения птиц продолжаются во все время постройки гнезда и в продолжение кладки. Работа по постройке гнезда ведется самкою, самец только прислуживает, подавая ей материал. Ко времени окончания постройки самка, чувствуя носку яиц, начинает усидывать в гнезде, оставаясь в нем и ночью, но первое время сидит не крепко, а по окончании кладки уже не сходит с гнезда, или сходит лишь изредка, на корм. Когда самка совсем села, самца можно удалить от нее к другой, если он по горячности мешает сидеть первой, а если остается ласковый и заботливый, кормит ее, когда та сидит, и сам садится, когда она слетает на корм или к воде, то оставляют с нею. Если кладка яиц шла правильно и самка сидит хорошо, не соскакивает часто с гнезда, то и выход птенцов идет правильно, в продолжение 5-6 дней, в другом случае срок выхода продолжается дольше, бывает до 2 недель и более. Нормальный срок выхода через 13 дней, считая со дня кладки первого яйца. Когда птенцы вышли, гнездо можно осмотреть, скорлупки вынуть, а также если есть "недельные" яйца (неоплодотворенные) удалить. Эти яйца, "жировые", иначе называемые "болтуны", легко узнать потому, что они светлые, наполненные мутной жидкостью, и легкие на руке, а не темные и веские, как насиженные. Осмотр гнезда нужно делать наскоро, в то время, когда самка слетит на корм или купаться, иначе, как известно, она может бросить гнездо*), хотя при аккуратном, отношении она особенно не беспокоится, что гнездо ее потревожено. Важно, чтобы самка не была напугана, когда она сидит, а потому в период высидывания или выхода молодых, нужно не беспокоить птицу ничем, не допускать какого-либо сильного шума в комнате, и не трогать садка, за исключением тех случаев, когда это необходимо, напр. выпал молодой из гнезда, или там есть дохлецы, которых нужно удалить, или что-либо подобное; без надобности же разумнее птицу не тревожить, еще в виду того, что самка при высидывании обыкновенно до некоторой степени ненормальна здоровьем. Не менее должна быть "соблюдена" птица во время гнездования в отношении корма, особенно при выходе молодых: кроме обыкновенного зернового корма дается моченое репное семя, хлеб, смоченный молоком, яйцо и листья обыкновенного кочан. салата, не допуская, чтобы мягкий корм залеживался и портился; хлеб дается два раза в день, утром и после полудня, но не оставляется на ночь в кормушке.

Птенцы выходят из яйца с закрытыми глазами и открывают их по прошествии 7 или 10 дней; в это время у них на спинке, в крылышках и хвостике уже готовы пеньки с бородками самого пера, которые с каждым. днем одевают птенчика все больше. Через две недели молодые уже вылезают на край гнезда, обираются, оправляют перышки и поклевывают около себя, а вскоре затем, через 3-5 дней, оставляют гнездо, хотя на ночь снова собираются в нем; кормятся пока от родителей, но вскоре сами приучаются к кормушке. Самка через 12 или 15 дней уже начинает уклоняться от молодых, редко и непродолжительно сидит с ними и, наконец, совсем оставляет, устраивая новое гнездо для второго выводка. Тут нужно вовремя дать материал для гнезда и наблюдать, чтобы самка, или самец не общипывали перышки с молодых для выстилки гнезда — эта ненормальная склонность птицы, нередко замечаемая, должна быть возможно предусмотрена охотником**). Самое лучшее, как только слетки начинают сами брать корм, их отсадить

*) Предусматривая это, некоторые охотники, замечая, когда самка слетит с гнезда, закрывают его от нее, перегораживая садок щитом, заранее приспособленным, и тогда смотрят гнездо, стараясь не задерживать долго самки.

***) С этой целью некоторые охотники перегораживают садок щитом, о котором мы выше сказали, отделяя молодых так, чтобы старые могли их кормить через решетку щита, но не могли щипать.

из садка в особую клетку и держать всех вместе, сокращая хлопоты по уходу, до следующей весны, а затем рассадит отдельно. Оставшееся свободным гнездо можно вынуть из садка, не пугая птиц, с ящиком (что удобно сделать, т. к. ящик укрепляется в садке на проволочных крючках и в дверку проходит свободно), обтереть ящик тряпкой, смазать по пазам сосновым маслом, поставить новую, чистую чашку и затем снова поставить ящик на место, как был, для третьего выводка.

Корм молодым нужно давать мягкий, как выше сказано, моченое репное семя, хлеб, яйцо и зелень. Как можно соблюсти молодых от простуды, держать их в теплой комнате и не упускать случая ставить клетку на солнце: лучи его благотворно влияют на организм молодой птицы. Когда молодые самчики начнут ворчать, им нужно дать хорошего учителя, которого бы они слушали ежедневно хотя бы несколько минут, и могли бы позаимствоваться от него пением.

Весьма важно, чтобы учитель не имел помарок в песне, "упоров", "рычков" и т.п. Молодые скорее берут дурные звуки, нежели хорошие, а потому непременно надо наблюдать, чтобы они ничего не слышали такого, что может испортить песню, особенно беречь от крика воробьев, которые портят и старых канареек. Такой учитель содержится отдельно от прочих канареек, чаще в закрытом ящике (со стеклом в кормушке); чтобы не испортил чем-нибудь песни, он не спаривается, остается всегда холостым и готовым к обучению молодых.

С выходом третьего выводка, когда молодые "слетят" сами, начнут поклевывать и могут быть отсажены, вывод прекращается, пары, самец и самка, рассаживаются в отдельные клетки на отдых, чтобы могли поправиться и правильно перелинять.

В период гнездования канарейка нередко при хорошем уходе проявляет крайне досадные наклонности: самец разоряет гнездо, самка бросает яйца или молодых. Охотник обязательно должен отыскать причину этих неприятных случайностей, чтобы знать, чем их предотвратить. Часто они происходят от неправильного к птице отношения самого охотника; птица бывает чем-нибудь недовольна и вообще обеспокоена. Предусматривая эти случайности, для более успешного разведения птицы нужно "пускать" не одну пару, а хотя бы две, три, как сказано, в отдельных садках большого размера; тогда, в случае неудачи в одном садке, яйца или молодых можно переложить в другие садки, если те пары сели одновременно и при этом кладки получились не полные, что нередко бывает; подложить яйца из одного гнезда в другое в таком случае очень удобно, также и молодых.

Не следует упускать из вида, что иная молодая самка, бросая яйца первой кладки, что бывает от сильной ярости птицы, оказывается хорошей наседкой и матерью в следующей кладке.

Канарейка разводится также помесью с разными зерноядными птицами ее семейства. Лучшая и наиболее приятная в охоте помесь канарейки со щеглом, лучшая собственно потому, что метисы выходят очень красивого платя, напр.: "палевого цвета, с оранжевым пятном на лбу, с черными маховыми перьями и оранжевой поперечной покрывкой на плечах", и кроме того нередко отличаются очень хорошей песней, стукотнями и россыпями (выделяется "червякова"). Одно только, что поют слишком громко, желательнее понижее, но зато песня не ломается, а наоборот, метис выработывает песню к лучшему, разумеется, в руках понимающего охотника, а что еще более приятно, это то, что метис не требует за собою особенного ухода, его можно держать как всякую другую зерноядную птицу. Легче выходят помеси с чижом, но по охоте не представляют интереса; помеси с

реполовом и другими зерноядными возможны лишь при особых к тому условиях, у охотника натуралиста.

Для спаривания щегла с канарейкой главнейшее условие, чтобы самец, щегол, был сидельный и вполне прирученный. Лучше его взять молодым, еще сереньким, и не одного, а несколько (купить на рынке в июле) и подержать до песни в отдельных клетках, какой лучше выйдет, т.е. лучше обозначить песню (которую охотнику тоже приходится вырабатывать самому, подставляя молодых к хорошо поющим старым птицам), а затем, на вторую или третью весну, — дать ему самку канарейку, с которой ознакомить постепенно, сначала, в феврале или марте, подвешивать клетками вместе, чтобы обгляделись, а потом, когда будет замечено, что птицы "понимаются" или "понялись", пустить в садок на гнездование. Положенные самкою яйца нужно обирать из гнезда, заменяя их подкладнями, а когда кладка кончится, самка сядет, аккуратно отобранные яйца подложить и щегла удалить из садка.

Взятые из гнезда яйца сохранить в вате, возможно не тревожа их.

Таковы в главнейших чертах правила ухода за канарейкой в период ее размножения. Я сознаю, что мои сообщения не полны, но и не думаю, чтобы недосказанные мною подробности могли научить начинающего охотника тому опыту, который ему даст сама практика.

Посмотрим, как поживает канарейка в клетке и как правильно соблюсти ее. Эта заморская певунья распространена у любителей как ни одна из европейских птиц ее рода. Кажется, нет того дома, где бы не жила канарейка, услаждая слух любителей своею громкой, серебристой песенкой. Однакож жизнь ее, говоря вообще, незавидная, редко где она пользуется правильным уходом и живет благополучно свой век, обыкновенно же падает раньше времени. Главнейшей причиной этого печального факта - небрежность самого охотника, неправильное, чрезмерное кормление птицы, или не выдача корма, или простуда в холодном воздухе. Канарейка хотя уже более трехсот лет как сделалась комнатной птицей, однакож, нельзя не заметить, она более всякой другой птицы требует за собою тщательного ухода, умеренного теплого воздуха, без резких переходов от тепла к холоду*), пропорциональной, предусмотрительно сделанной клетки и строго аккуратного кормления. Это необходимые условия для жизни канарейки в клетке.

Общепринятая клетка для канарейки должна быть по длине 8 вершк. Чем больше движения — для птицы лучше.

Фасон клетки по желанию охотника— домиком или на дугах, но при этом нужно заметить, какое должно быть расположение жердочек, достаточно ли трех: одна по середине и две по низу, - нередко птица требует четвертую жердочку. Относительно материала, из чего должна быть сделана клетка, мы также не видим надобности говорить в одну сторону: клетка может быть и деревянная, с цинковым поддонком, и металлическая или деревянная, забранная проволокой, но непременно должна быть приноровлена как требуется по охоте, должна быть удобна для птицы и частью для охотника.

Существующие металлические крашенные клетки, круглые или домиком с украшениями, с фонариками для корма и водопойки, мало того, что не приспособлены, могут принести вред краской, которую зерноядные птицы нередко грызут и заболевают. В статье о синице мы указали на новую, так наз. "венскую" клетку, из луженой проволоки, которая, повторяем, могла бы быть очень хорошей клеткой для многих комнатных птиц, если бы имела приспособления: глубокий ящик, как у наших деревянных клеток, большого размера фонарик для водопойки и выдвигающую кормушку.

Жердочки в клетке должны быть тростниковые, толщиной в обхват птичьей лапки; прежде чем поставить их, нужно вычистить, вынуть сердцевину. Выше мы сказали, что поддонки клетки должны быть посыпаны песком, лучше желтым, а не речным, промытым и не содержащим в себе тех составных частей, которые птица находит в желтом песке. Очень хорошо, если песок, просеять через "подситок", при чем из него удаляется пыль и ненужный мелкий песок, а крупный идет в дело. В летнее время песок на поддонке

должен быть спрыскиваем водой, ежедневно утром при чистке клетки. Водопойка должна быть широкая, как мы выше сказали, тазиком, удобная для купанья птицы. Изобретенные наружные стеклянные ванны для купанья положительно излишни. Вода меняется два раза

*) Сообщение охотника Угрюмона, что канарейки легко выносят пребывание в холодном воздухе при перевозке их в зимнее время по желез. дороге — не дает основания сказать, что канарейку можно содержать в комнате при тех же условиях, как нашу зерноядную птицу.

в день, а если загрязнена, и чаще. На поддонке или где-либо в клетке непременно нужно класть соль ежедневно с кончика перочинного ножа. Чистка клетки, собственно поддонка, может быть допущена через день, хотя лучше ежедневно. Это занятие никогда не затрудняет охотника, любящего свою птицу. При чистке поддонка не лишнее обращать внимание на то, нет ли на нем зеленовато-желтых пятен помета, что указывает на нездоровье птицы (при неправильном кормлении).

Не менее важное условие для благополучия канарейки место помещения клетки. Обыкновенно это делается сообразно желанию самого охотника, который вешает клетку там, где ему удобно или где ему нравится. Такое отношение недостойно охотника. Помещение птицы в комнате должно быть возможно согласовано с требованиями самой птицы; весьма часто замечается, что птица, помещаясь не на месте, или не поет в то время, когда должна петь, и беспокоится, или мало есть, сидит скучно и даже заболевает. Это нам неоднократно приводилось наблюдать на диких птицах, замечалось беспокойство и на канарейках, когда птица помещалась не так, как бы она желала. В виду этого, заводя себе птицу, мы даем ей любое место в комнате, достигая только одного, чтобы она сидела спокойно и пела. Случалось, что дикая птица, две-три недели назад ловленная, помещаясь в удобном для нее месте, — начинала петь, и, наоборот, находясь "неправильно поставленной" охотником, была крайне беспокойна и молчала почти круглый год. При этом необходимо принять во внимание однакоже, что канарейку, как домашнюю птицу, выведенную в садке и до некоторой степени "квелую", слабую здоровьем, нельзя помещать к окну, как иную дикую птицу, потому что в зимнее время почти во всякой квартире, за редким

исключением, от окон несет холодом, в летнее же время, при отворянии окон, птица рискует попасть на сквозное течение воздуха, что бывает незаметно для охотника, и еще больше рискует захворать, не говоря уже о том, что, находясь у окна и ежедневно слушая воробьев, она окончательно может испортить свою песню. В светлых комнатах канарейку с удобством можно помещать в углах комнаты и вообще у стены, на маленьких столиках, или подставках (как бывают для комнатных растений), в летнее время охраняя от сквозного ветра. Также можно поместить под потолком, но на длинном крючке, посредине комнаты или в стороне.

Рациональное кормление канарейки, как и всякой комнатной птицы, состоит главным образом в умеренном кормлении. Состав корма следующий: репное семя, часть канареечного, яйцо, круто сваренное, моченый белый хлеб (сухой, смоченный водой и отжатый) и зелень, салат или трава канареечного семени. Все это в умеренных порциях, особенно хлеб и яйцо, во избежание возможного ожирения птицы, и непременно заболевания. Рекомендованные некоторыми охотниками "бисквиты из булочной" или, как водится у многих любителей (особенно любителейниц), сахар, сдобный хлеб, фрукты и т.п. лакомства,— по меньшей мере излишни. Предлагаемая охотниками "морская пенка"*), которую канарейки охотно грызут,—безвредна, но не необходима.

Такое предусмотрительное отношение к птице несомненно может избавить ее от тех невзгод, которым она нередко подвергается, живя в клетке. Невзгоды эти— ее болезни, о которых теперь и поведем речь.

За недостатком у себя фактов заболеваний птицы и лечения мы возьмем по этому делу в руководство раньше указанную нами книжку, составленную по Гертвичу и Майеру.

Из нее и приведем часть необходимых нам сведений**), не касаясь тех болезней, которые уже описаны в предыдущей нашей статье "Соловей".

Одышка. Болезнь эта встречается у разных пород птиц, но чаще у канареек. Она обнаруживается или постоянным страданием или выражается в отдельных припадках, которые происходят обыкновенно ночью. В первом случае одышка бывает большею

*) Соб. минерал, добываемый из почвы.

**) Желающим подробнее ознакомиться с болезнями птиц рекомендуем книгу доктора С. Т. Нейштубе, указанную в статье "Соловей".

частью следствием предшествовавшего легочного воспаления или других органических изменений различных органов, и скорее или медленнее оканчивается смертью животного, в последнем случае сущность болезни составляет страдание нервов, при котором животные могут еще довольно долго жить. Больные с подобной одышкою, не обнаруживая никаких лихорадочных припадков, имеют весьма ускоренное дыхание, сопровождающееся более или менее резким пискливым звуком. В некоторых случаях видели облегчение этого страдания от вдыхания паров ромашки и внутреннего употребления воды валерианы (*aqua valeriana destillata*) и камфоры в пилюлях, или эмульсии, назначая этой воды от 8 до 16 капель большим птицам, а канарейкам по 1 капле, камфоры курице по 1 грану, канарейке по 1/10 доле грана.

Падучая болезнь встречается у всех родов птиц, но чаще у мелких певчих. Степень этой болезни различна: в легких случаях птица трясется, покачивается и, закрывши глаза и согнувши шейку, падает*) при подергивании и трясении ножек, но вскоре опять встает, отряхивается и делается по прежнему совершенно бодрой. В сильной степени, кроме прочих припадков, шейка перегибается совершенно назад, голова беспрерывно содрогается, и птица некоторое время лежит совершенно бесчувственно. Причины болезни достоверностью неизвестны, но у канареек и прочих певчих птиц падучая болезнь происходит без всякого сомнения от досады, вызванной другими птицами или людьми, находящимися вблизи**); средств для излечения падучей в цитируемой нами книжке не приведено, указана лишь необходимость устранения вредоносных причин.

Понос составляет у птиц весьма обыкновенную болезнь, но бывает весьма различного характера. Большею частью он происходит от простуды, причинившей каттаральное или ревматическо-воспалительное состояние слизистой оболочки кишек; в первом случае извержения кала бывают белые, слизистые, а в последнем они окрашены кровью, или же истекает чистая кровь. Кроме того понос зависит иногда также от расстройства и расслабления пищеварительного канала вследствие слишком жирного корма или проглоченных с травой червячков***), или еще от слишком продолжительного и обильного кормления сочною, свежей зеленью, преимущественно из семейства крестовых трав, всегда производящих извержения белого или зеленого, совершенно жидкого помета, иногда слизистого вида с примешанными свертками. Главный припадок здесь — частые испражнения помета и, смотря по характеру болезни, к ним присоединяются либо другие каттаральные явления, наприм. каттар легких, типун и т.п., либо различные признаки ревматическо-воспалительного страдания, либо, наконец, гастрическое расстройство желудка и совершенная потеря аппетита. Этот последний гастрический вид самый легкий, и птицы всегда от него выздоравливают; при каттаральном поносе выздоравливает большая часть больных, а от ревматического поноса животные легко падают через 3 ИЛИ 6 дней, если не принять надлежащих мер. Какого бы ни был свойства понос, птица очень скоро худеет.

Содержание птицы, одержимой катаральными и ревматическим поносом, должно быть равномерно теплое, корм ей надобно давать слизистый, мучнистый, напр. отвары риса, а внутрь назначить раствор аравийской камеди сперва в воде, а на 3 или 4 день в наливке ромашки, и при появлении крови в помете прибавить опия; наприм.: "возьми настоя цветов ромашки 4 лота, порошка аравийской камеди 2 золотника, порошка очищенного

*) Синицы, сидящие на сыром драном семени. При более тяжелых припадках птица, лежа на поддонке, несколько секунд бьется, кидается в стороны, затем сидит на животе, оглядывается и потом, держась на но-гах на жсрдочке, обирается, оправляет перья и вскоре держится как бы здоровая.

**) Нам пришлось наблюдать случай, когда прирученный щегол, сидев-ший в клетке несколько лет, при тщательном уходе, совершенно здоровый (как он казался),—упал в падучей в один несчастный для него день, после того как охотник рассердил его, отстраняя рукою от кормушки, и вызвал на драку (для потехи).

***) Чиж в руках любителей (а не охотников) при обильном кормлении „мокричником".
опия 1 гран, разотри, смешай и давай курице через 2 часа по восьмой части всего количества". В поносе гастрического свойства иногда уже достаточно для исцеления животного устранение зловредного корма, вместо которого назначают вещества хорошего качества и удобоваримые. Но при продолжительном переполнении желудка надобно еще дать рвотное, напр., курице, от 5 до 10 гран рвотного корня (Ipecacuanha); а потом, соображаясь со степенью расслабления желудка, назначить или одни горькие, стягивающие, или даже ароматные средства, напр., для курицы от 1 до 2 гран ревенного корня или от 2 до 6 капель винной настойки ревеня или порошка корня горчавки и завизника (Rad. gentianae et Tormentillae), каждого от 2 до 8 гран, и тому под.

Весьма полезно также давать пить воду, содержащую в себе железную ржавчину, напр., воду, в которой лежал гвоздь.

Р а з в и т и е в ш е й замечается у птиц в особенности во время яйценошения. Наседки начинают хиреть,—и, наконец, падают от истощения, если не будет подана вовремя надлежащая помощь. Весьма хорошо против этого втирание деревянного масла в голову, уши, нижнюю часть живота, и под крыльями, но лучшее средство смачивать голову и шейку несколькими каплями ворвани или скипидара. Полезно также приготовить больным ванны, напр. так: 4 лота корня чемерицы долго разваривать в 2 частях воды, а потом к этому отвару прибавляют 2 лота толченого перца и 1 лот нюхательного табака. После ванны осадком еще растирают нижнюю часть живота. Разумеется, при этом птица содержится в совершенно чистой клетке.

Вот те болезни, которые нам приводилось встречать на канарейках и других комнатных птицах. В новейшей ветеринарии несомненно имеются более обширные, серьезные работы по болезням певчих птиц и новые методы лечения, но пока они до нас дойдут, до тех пор мы можем научиться предупреждать болезни наших пернатых друзей, что для нас проще и удобнее.

Зяблик.

(Fringilla coelebs, L.)

Зяблика в ряду наших зерноядных охотничьих птиц мы по справедливости должны поставить на первое место по силе голоса этой птицы и по достоинству песни. Ни одна из зерноядных певчих не может исполнить его "светлых", мастерского исполнения, россыпи или стукотни, которыми он гремит иногда на весь лес, уступая только соловью и дрозду. Говорим это, разумея зяблика "по охоте", но и простой зяблик не менее симпатичен охотнику: представьте пору прилета птицы, — бывает в феврале, — когда кругом еще зима и в воздухе летят большие хлопья снега, и вдруг где-нибудь с вершины дерева слышится характерное: "тек", "тек — пиньк!" Зяблики прилетели!... Как отраднo это сердцу охотника и как оживляет природу...

Относительно песни зяблика надобно заметить, что ни один из них не поет одинаково с другим: у каждого имеется какая-нибудь разница в построении песни, не говоря о том, что один кричит длинно, другой коротко и непременно у каждого две песни, резко отличающиеся одна от другой, т.е. каждый зяблик кричит на два манера, наприм., коротко говоря: одна стукотня обыкновенная, на слух разделенная на две, с особым окончанием, другая серебристая, в роде юлиной, и кричится вверх, а не прямо; у иных россыпь и

стукотня, у иных только стукотня. По охоте зяблик должен кричать россыпью, с "тисканья", длинно и "светло" (выразительно). К сожалению, хорошие зяблики в наших лесах редко встречаются, но, говорят, в Казани их часто можно слышать у охотников, что подтверждает и известный московский охотник-ловец Н. Н. Буров (ныне умерший). Он сообщал, что в бытность свою в Казани он зашел раз к знакомому купцу в рыбную лавку и услышал необыкновенного зяблика, которого сначала даже не понял, не мог разобрать, кто поет, до того была песня особенная. Стоимость такого зяблика в Казани 30 р. и дор. Область распространения зяблика - вся Европа, частью Азия и с.-з. Африка, в России он живет от Тобольска на севере до Кавказа на юге, куда перелетает и на зиму, хотя в мягкую зиму он встречается небольшими стайками даже в средних губерниях. Во всяком случае зяблик у нас отлетная птица, делающая правильные передвижения с севера на юг и обратно.

Время прилета зяблика у нас, смотря по весне, в конце февраля, в первой четверти или первой половине марта, а иногда позднее. Как бы ни было, зяблик один из первых вестников весны. Сначала он появляется лишь местами, в незначительном количестве, из чего видно, что птица летит малыми стайками и с перерывом, но дальше, если погода благоприятствует, стаи усиливаются численностью. Первыми прилетают самцы, самки несколько дней позднее, и держатся высоко, на вершинах больших деревьев, и лишь тихо произносят: "тек" или "тик" и изредка перекликаются, но в теплую и безветренную погоду переключка усиливается и слышится пение, сначала короткое, отрывистое, птица как-будто робеет, но с каждым теплым днем все более прибавляет песню, а когда в лесу вместо снега разольются лужи и побегут ручьи, - весь лес оглашается пением... Это призыв самки, с прибытием которых между горячими самцами происходят ожесточенные драки, которые повторяются и из-за места, где поселилась птица для гнездования; занимая участок леса, самец строго охраняет его от вторжения всякой посторонней птицы.

Зяблик охотно селится в светлых лиственных и мешаных лесах и рощах и также в садах, где есть большие деревья, живет и в хвойных лесах, но не мрачных и глухих. Кормится насекомыми и их личинками, собирая их на земле и на деревьях или ловя на лету. Гнездо располагает, как придется, на большом или средней вышины дереве, и низко, и высоко, у ствола или на некотором расстоянии на развилке большой ветви, но выбирает дерево или ветви, обильно поросшие лишаями и мхом, что дает возможность птице скрывать гнездо; часто так искусно, что найти его очень трудно, оно задрапировывается мхом и лишаями. Постройку гнезда ведет самка, самец приносит ей материал; гнездо строится крепко и очень тщательно, формой как горшок, несколько удлиненный, сверху срезанный; материалом для гнезда сначала берутся самые тонкие прутики, корешки и сухие травинки, потом мох, лишай, паутина и т. п. мягкий материал, которым и забирается основание гнезда из прутиков и корешков. Внутри гнездо круглое и глубокое; сиденье выстилается перышками, шерстью, растительным пухом и т. п. материалом. Кладка 5 или 6 яиц, зеленоватого или голубоватого цвета, покрытых густо или изредка красно-бурыми пятнышками, крапинками и штришками, гуще на тупом конце, но этот рисунок изменчив. Высиживание длится 13 дн., сидит самка очень крепко, но иногда самец сменяет ее в полуденные часы. Через две недели или несколько раньше молодые слетают с гнезда и держатся кучкою поблизости его; старики ежеминутно кормят их насекомыми и личинками, но вскоре молодые приучаются сами добывать себе корм. В июне старики приступают ко второй кладке, обыкновенно на два яйца меньше, и в течение месяца гнездование заканчивается и начинается линька; в конце июля птица уже в полном платье и собирается стайками, которые все более увеличиваются ко времени отлета, когда собираются большие стада. В это время зяблик, как зерноядная птица, кормится исключительно семенами и преимущественно по низу, любить коноплю, семена льна, мак, просо, гречу и проч., также древесные семена, - ольхи, березы. В августе нам приводилось встречать на окраинах леса большие стада зябликов, слетавших на прилегающие хлебные поля, видимо, для кормежки. Стада эти, как замечено, постепенно

продвигаются все южнее, особенно, если птица чувствует близость неблагоприятной погоды, продолжительные дожди и холодный ветер, хотя валовой, всеобщий, пролет бывает в сентябре, в первой половине.

Цветность оперения зяблика довольно сложная: лоб черный, верх головы и затылок до спинки пепельно-серые, спинка красно-бурая, надхвостье желто-зеленое, средние перья хвоста верхние—серые, остальные черные, крайние с белыми концами, клином. Щеки, горло и грудь ржавчато-красного цвета (весною), ярче на шее и на груди и бледнее на брюшке к подхвостью, которое уже просто белесое. Маховые перья светло-черные, наружные опахала их темно-черные с узкой зелено-желтой оторочкой; на плечах широкие белые полосы, ниже их узкие зелено-желтые полосы. Клюв весною и в летнее время голубовато-серый, а зимою красновато-красного цвета с темной вершинкой. Ноги темно-бурые. Оперение самки, говоря вообще, серее, со спинки буровато-оливково-серое, низ буровато-серый. Почти такие же и молодые до линьки.

Ловят зябликов весною, как только прилетят, в лесах и садах небольшим тайником, на подвязную под сетью, хорошо валятся на самку. Осенью, в пору пролета, ловят на больших лесных точках, с заводными в точковых клетках.

Условия содержания зяблика в клетке те же, как и щегла и прочей зерноядной птицы: та же клетка 8-ми верш., с цинковым поддонком, с фонариком большого размера, чтобы входила широкая водопойка, удобная для купанья, и кормушка на два отделения, для зерна и для обварного корма, яйца и мурашка с прибавлением обваренного драного семени. В летнее время необходимо давать свежие муравьиные яйца, усиливая порции во время линьки. При обварном корме, особенно при свежих яйцах, зерно дается лишь в малых порциях, так как птица его почти не берет. В зерновом корме наибольшая часть белого канареечного, прочих же семян, просо, мак, репное и др., прибавляется малой щепоткой; строго не допускается конопля в зерне и так назыв. "зелье" или "конопелка" (мелкое зеленое семя какой-то травы), от которого уже не мало упало птиц, болевших расстройством кишечника. К зерновому корму можно прибавлять, малым кусочком, черствый белый хлеб и, кроме того, необходимо давать соль с кончика перочин. ножа. Дальнейшее усложнение корма охотником не допускается.

У зяблика, как и у щегла и другой зерноядной, с течением времени отрастают ногти, бывает до того, что птица не может свободно садиться на жердочку и также соскочит с нее. В таком случае нужно вынуть птицу из клетки рукою и остричь концы среднего пальца и заднего, осторожно острыми ножницами. Вынимать надо смелее, не давая птице сильно биться в клетке, и держать осторожно, но чтобы она не вертелась в руке. Часто она от страха кричит. Это не должно смущать охотника.

Щегол.

(*Carduelis elegans Siph*).

В блаженном прошлом наша отдаленная окраина была почти вся застроена чистыми барскими домами, большими, с колоннами и балконами и с пристройками по сторонам, или одноэтажными особняками, с огороженными палисадниками на улицу и садами. Эти дома и домики не были скучены, как это видим теперь, они стояли без симметрии, отделяясь длинными заборами, огораживающими обширные дворы с различными службами, сады или пустыри и даже огороды. Такая характеристика нашей тихой окраины особенно замечалась на боковых улицах и в переулках, ведущих к реке, где на редком дворе не было дерева, акации или сирени, а во многих местах большие старые сады с липовыми аллеями, с прудами и кустарниковыми зарослями тянулись на протяжении всего переулка. Тишина тут царилась необыкновенная, особенно в зимнее время, когда вся местность, случалось, была буквально завалена снегом; за день редко кто проходил в этих переулках и почти никто не проезжал, разве огородник или водовоз. Утром выходили бабы из калиток, направляясь в овощную лавку, или какой-нибудь бедняк, "из

благородных", со свертком бумаг под мышкой вяз до колена в снегу, выбираясь на большую улицу. Большого движения в этой глухой местности не приходилось наблюдать. Но зато в летнее время это захолустье, казалось, не оставляло желать ничего лучшего: высокая, песчаная местность близ реки, редко застроенная и обильно покрытая растительностью, даже докторами указывалась как лучшая местность в городе, и действительно, состояние воздуха в нашей местности при обилии садов и отсутствии городского шума отдавали ей большое преимущество перед другими частями города. Особенно же отличалось наше захолустье обилием птиц по садам, дворам и палисадникам. Тут, как мы раньше сказали, можно было слушать не только всякую садовую птицу, соловья, пеночку, малиновку, горихвостку, зяблика и друг., по даже лесную, напр., дрозда, иволгу. Правда, эти последние держались временно, но тем не менее они находили возможность держаться, садовые же птицы держались постоянно, возвращаясь к нам на свои места для гнездованья (их можно было слышать, просто проходя по улице). И, бывало, весной, когда деревья и кустарники оденутся яркой желто-зеленой листвою и зацветут крыжовник и черемуха, а на клумбах распустятся желтые и фиолетовые тюльпаны,—наши сады и палисадники с раннего утра оглашались мелодичными песнями пеночек, зябликов, горихвосток и проч. птиц. А когда солнце уходило с горизонта, жаркий день сменялся тихим прохладным вечером, эти сады в разных местах оглашались чудными песнями соловья. Обыватели отворяли окна или выходили на прогулку и слушали концерт певца весны... Из всего сказанного читатель легко себе представить, какая масса птиц задерживалась здесь во время пролетов, особенно осенью, чижей, синиц и, позднее, щеглов. Большие заросшие репейником пустыри, огороды и мелкие заросли по садам привлекали громадное количество птицы. И, разумеется, если были птицы, были и охотники. Бывало, осенью, когда все уже кончено, все летние певцы улетели на юг, опали листья с деревьев, наступили первые морозы, полетел снежок, показались снегири и полетели стайками щеглы по огородам и пустырям, - в эту пору наши немроды - какой-нибудь ремесленник, бедняк или служащий, в роде писца из казенного учреждения, — не преминут поставить "точок" и поведут охоту.

Относительно этих охотников нелишне заметить, что они, хотя и входили в общую категорию охотников по

певчим птицам, тем не менее удерживали свою, особую характеристику, как знатоки по синицам, щеглам и чижам; других птиц они не ловили и рассуждения о них по охоте дать не могли, помянутых же избранных птиц понимали, как никто другой, знали все повадки их, отличия, достоинства и недостатки песни до мельчайших подробностей; в этом с ними спорить было некому; они так и назывались между охотниками: "щеглятник", "синичий генерал".

Устройство точка под щегла требует опыта. Нужно знать повадки птицы и целить так, чтобы она, ничего не опасаясь, садилась на точок. Если в данной местности птица держится постоянно, то тут нужно только приноровить репейник под сеть, т.е. поставить его пониже, в пол-аршина вышиною или несколько выше и ровно, полоскою по длине сети, и когда готово, проследить, как садятся щеглы на репейник. Если они сторожатся, чего-нибудь боятся, надо это устранить и как можно приваживать, поставить на тычинах чашки из шишек репейника и в них посыпать конопельки. И когда птица обойдется, кучно будет садиться под сеть, тогда крыть. Приваживать надо с заводным щеглом в маленькой, "точковой", клетке под сетью в репее. Заводной щегол должен хорошо манить: чуть заслышит, чтобы так и гремел стукотнями и позывами; от него зависит успех в охоте. Особенно такой заводной дорог, когда ловят птицу на пролете, где заводной наводит летящую стаю на точок.

Охота на щегла у нас ведется в больших размерах; осенью, в октябре, и зимою щегла привозят в Москву из разных губерний в огромном количестве и продают оптом в птичьи лавки, скупающие птицу партиями для заграничных агентов или непосредственной отправки за границу наприм. в Берлин, откуда торговец возвращается с канарейками,

попугаями и мелкой тропической птицей. В утешение себе можем отметить, что упаковка нашего щегла для далекого странствования и вообще соблюдение птицы ведутся очень тщательно: каждая птица помещается отдельно в. маленькой клетке; (в каких привозят сюда из Германии канареек), где одна жердочка, кормушка и баночка для воды, т.е. птица приезжает на место в порядке. Там ее сортируют, отделяя самок от самцов (по плечевым и черным перьям) и также перепродают в друг. города. По имеющимся данным можно предположить, что наш. щегол, как и снегирь, требуются за границу также для охотничьих целей.

Щегол довольно многочисленная птица и распространяется весьма обширно: он живет во всей Европе, на Канарских островах и в Малой Азии. В России не встречается только на дальнем севере, ниже распространена повсюду, занимая южную границу, Кавказ. Нам неизвестно, какие изменения приняла птица, живя при различных климатических условиях, но здесь у нас щегол имеет следующие различия по наружному виду: один светлого оперения с суриково-красным лицом, другие темнее, т.е. по сторонам груди имеют рыже-коричневые пятна цвета спинки, которые у первых показаны лишь слегка, и кольцо вокруг клюва имеют краснее. Щеглы светлого оперения (чаще привозимые из Рязанской и Тульской губ.) собою мельче, и в песне их преобладает треск. Кроме того, в припоминаемом прошлом, когда окраины Москвы не были застроены и представляли собою обширные заросшие пустыри, у нас был известен т. наз. садовый щегол; он был значительно крупнее вышеупомянутых, средней цветности платьем, с ярко-красным кольцом, песню имел несравненно важнее других, отлично кричал реполовными стукотнями и россыпями. Теперь он редко встречается.

Оперением щегол очень красивая птица, природа особенно украсила его сравнительно с другими птицами. Он расцвечен пятью красками, белой, черной, красной, желтой и коричневой. Верх головы от красного кольца вокруг клюва до затылка черный, затылок рыжевато-белый, щеки белые, окаймленные сзади черной полоской, спускающейся с верха головы постепенно уже, вокруг клюва красное, киноварного или сурикового цвета кольцо, а у самого основания клюва узкое черное же колечко. Грудь и весь низ белые, по сторонам груди и по бокам у крыльев светло-рыжеватые пятна, у иных такого цвета на груди полоса, галстуком, у одних светлее, у других темнее. Спинка рыже-коричневая, светлее или темнее. Крылья, большие и малые маховые перья от оснований до половины ярко желтые, собственно наружные опахала пера далее до конца черные с металлическим отливом, в общем посредине черного крыла представляется широкая поперечная ярко-желтая полоса, зеркальце, прикрываемое черными же плечевыми перьями, самые кончики маховых перьев белые, пятнышками хвост черный, внутренние опахала двух первых перьев (по два с обеих сторон) белые, с черными концами, остальные перья черные с белыми глазками на кончиках. Клюв, посаженный прямо, без погиба, - тельного цвета, с кончика черноват, ноги коричневого цвета, у сиделых белые, тельного цвета. Фигурою щегленок стройная, складная птица, против, наприм. реполова или зяблика. Слово щегол, по замечанию одного старого охотника, есть изменение слова щёголь, данное птице за ее нарядное платье. И, решаемся прибавить, если уже так, за щепетильную опрятность этой птицы: сидя в клетке, щегленок, кажется, каждую пылинку с себя снимает. Самка щегла оперением почти одинакова, разве что не имеет того металлического отлива по черным перьям; и кроме того, у самца по красному кольцу снизу по сторонам проходит две узкие черные полосы, усы, которые у самки только обозначены, но не проходят кольца. Молодые летом (гнездовое платье), Говоря вообще, сверху грязно-рыжеватого цвета, с темными продольными полосками, снизу белесые, с рыжеватыми же пятнами на груди, цвет крыльев и хвоста матово черный, красного кольца не имеет, зеркальце на крыльях светло-желтое. К осени же, с сентября месяца, молодые перебираются и щеголяют, как и старые.

Щегленок вообще птица оседлая, т.е. не отлетает на зиму, как другие, а живет в местности круглый год, хотя с точностью этого сказать нельзя как про щегла, так и про

других птиц. Наши, наприим., морозы, снега да метели*) какую угодно птицу заставить подвинуться на юг. И наоборот, когда зима бывает мягкая и малоснежная, - встречаешь такую птицу, которую до весны и видеть не чаял.

Щегленка нельзя назвать чисто лесной птицей, он любит открытые места, где вблизи

*) Стужу птица особенно избегает и, как мы заметили, предчувствует за несколько суток, что приходилось наблюдать по внезапным, несвоевременным передвижениям птиц.

лиственного леса или рощи есть поля и особенно огороды с поросшими высокими семянными травами межами, также поросшие большие пустыри или обрывистые берега реки с кустарником и обилием репейника, чертополоха и т. п. сорных трав. Также держится в больших городских садах, с прилегающими огородами или пустырями. Весною, с апреля месяца, щегленок исчезает из помянутых местностей, уходит в светлые лиственные леса и рощи, где, разбившись на пары, приступает к устройству гнезда, которое помещается на дереве, предпочитая березу, не низко от земли, выше человеческого роста, чаще вл. конце ветви, в развилке; форму гнездо лолушарообразно, устраивается довольно искусно, из мха, лишайников, корешков, травы, растительных волокон и паутины, внутри выстилается перышками, растительным пухом и конскими волосами. Постройку ведет самка, самец помогает лишь собиранием и доставкой материала. Количество яиц от 4 до 6 нежного голубоватого или зеленоватого фона, покрытого красноватыми крапинками, пятнышками и штришками, венчиком на тупом конце. Высиживанием занята самка в продолжение двух недель, или 13 дней, и сидит очень крепко; самец в это время усиленно занят добычею пищи для себя и для самки, которую он кормит во все время высиживания. Молодые выходят в половине июня, выкармливаются мягкими и гладкими личинками насекомых, которых птица в изобилии находит по ветвям деревьев. В благоприятные годы (напр., весна 1903 г.) щегленок делает две кладки, вообще же в средней полосе гнездится один раз, а на юге два. По вылете молодые кучкою держатся около родителей и кормятся как мелкими насекомыми по деревьям (как и сами родители), так и древесными семенами березы, ольхи, а также, где есть, семенами хозяйств. растений, льна, конопли и т. п. С августа мес. щеглы оставляют места гнездованья и, собираясь стайками с выводками, летают по полям и лугам по мелкой поросли.

Позднее, осенью эти стаи численностью усиливаются, соединяясь одна с другими и образуя большие стада, кочуют всюду, как выше сказано, по мелким зарослям, огородам и пустырям. Тут, кажется, так же, как и у чирика, и пролет из более северных местностей и кочеванья ради корма. В благоприятную зиму, без больших морозов и заносов, щегленок задерживается здесь в большом количестве, в суровую же зиму птица продвигается ниже. В феврале или марте щегол снова появляется здесь пролетом с юга на свои места гнездованья и с апреля мес. его уже не видно. Изредка он встречается здесь и летом, по большим садам, из чего предполагается, что он гнездится и в садах, где есть березы и прилегающие пустопорожние заросли.

Теперь посмотрим, каков щегленок в клетке у охотника. Оказывается, что эта птичка, кроме своего роскошного оперения, имеет такую прекрасную песню, что мы по совести должны отдать ей преимущество перед многими нашими зерноядными. А если взять его "по охоте", с овсяночными и зябликовыми стукотнями, с реполовными песнями и россыпями, то тогда и пресловутая канарейка незначительно его превзойдет. Правда, он не прокричит ее песнями, дудками и россыпями, но и не уронит себя перед нею, исполняя свою натуральную песню (а не заученную с органчика), которая никогда не надоест и не "сломается". Очень хорошо, когда щегленок, бывает, в летние месяцы "встанет на верететках", т.е., выбрав какую-нибудь одну хорошую песню, россыпь или, что чаще, стукотню,—кричит только ею, подобно зяблику, длинно, светло и красиво.

Клетка щегленку нужна такая же, как и чижу, вершк. 8 длины, на дугах или домиком, и уход за ним почти тот же, с тою лишь разницею, что щегленку нужно давать семя репейника, и в летнее время лист цикория (одуванчик), пол-листка ежедневно. Эту зелень

щегленок очень любит и, при умении дать, она не вызывает расстройства желудка, что получается от парового салата и мокричника. Семя репейника важно еще потому, что в нем в оболочке вместо зерна птица находит живого червячка (личинку насекомого). Также необходимо давать соль с кончика перочинного ножа, кучкою на поддонок, ежедневно при чистке клетки. В летнее время, в июне, давать свежие муравьиные яйца, усиливая порцию, когда птица начнет останавливать пение, приготавливаясь к линьке.

Реполов.

(*Fringilla cannabina*).

Эта скромная птичка, как чижик, овсянка и другие негромкие певцы, нашла себе преданных поклонников и ценителей среди таких же, как и сама она, скромных, незаметных людей, группирующихся в кружок мелких охотников. Раньше мы уже указали читателю на этих специалистов по чижам и т. п. птицам, а потому перейдем к самой птице.

Реполов прилетает к нам, под Москвою, в начале или во второй половине; марта, смотря по тому, как наступает, весна, и в первые дни по прилете, когда еще снег не сошел, держится по лесам, рощам, загородным садам стайками по вершинам деревьев, обыкновенно с края леса, и кормится древесными семенами. Позднее, с наступлением тепла, птица, разбиваясь на пары, встречается по окраинам небольших лесов или рощ, лиственных и хвойных, по мелким деревьям и кустам, держится обыкновенно обществом по нескольку пар, а также в полях по кустарникам, среди хлебных полос и по огородам, обнесенным, мелкими деревьями и кустами, особенно если огороды на берегу реки; здесь мы встречали реполова колонией, гнездящегося на близком расстоянии пара от пары. Гнездо располагается невысоко от земли в ветвях и строится довольно прочно; наружные стенки из мелких, тонких прутьев, стеблей сухой травы, тоненьких корешков мха; внутри выстилается разными мягкими растительными волокнами, шерстью и конским волосом. Кладка по количеству яиц неровна, от 3 до 6 яиц, бледного, зеленовато-голубого фона, испещренных ржавчинно-бурыми пятнышками, точками и черточками. Высиживает одна самка, обыкновенно 2 недели; самец же, находясь поблизости гнезда, непрерывно поет. Молодые выкармливаются семенами разных растений, травяных, огородных, некоторых древесных, и также насекомыми. Мелкая зеленая мошка, кажется, предпочитается зерноядными птицами при выкормке молодых. Птенцы оставляют гнездо оперившимися полухвостиками и скоро поднимаются на крылья. Первые выводки встречаются в конце мая. В июне реполов делает вторую кладку и ко второй половине июля гнездование заканчивается, птица перебирается пером и, собравшись в стаи, летает всюду по полям, где есть какая-нибудь присада, по зарослям и огородам, отыскивая корм. С половины сентября реполов отлетает на юг, т.е. продвигается, подобно другим птицам, из средней полосы России в южные губернии, где и зимует.

Ловят реполовов весной, где держится птица, небольшим тайником, с заводным под сетью в точковой клеточке или на присаде, также и осенью, когда птица состадится.

Весеннее оперение реполова можно назвать красивым: верх головы и шея темно-серые, лоб, кармино-красный, щеки и горло палевого цвета, с серыми пятнами; спинка глинисто-рыжая, как и плечевые перья, большие маховые черные с белыми наружными окрайками, надхвостье светло рыжеватое, рулевые перья черные с широкими белыми окрайками с двух сторон. Грудь кроваво-красная мелкими пестринками, низ серо-рыжеватый, с большой рыжеватостью на боках и светлее к белому подхвостью. Клюв, весной, сверху слегка голубовато-серый, снизу светло-розового цвета. Ноги темно-бурые. Самка реполова не имеет красного цвета на голове и на груди; в общем она рыжеватое-светло-бурого цвета, темнее сверху и светлее снизу, с темной продольной пестринкой на груди.

Относительно песни реполова мы можем сказать, что этой птичке надобно отдать преимущество перед многими зерноядными; будут они все вместе взятые, "рядовыми", т.е. с простой песней, или выдающиеся, "по охоте",— в том и другом случаях, реполов не

отдаст им приза. Только зяблик может покрыть его своею артистической россыпью, но только этой песней, а в остальном ему придется уступить реполову. Главнейшая характеристика песни—россыпи на несколько манер, по складу близкие к жавороночным и юлиным, также есть стукотни и свисты, последние в роде синичьих. Кроме того есть большая копировка: слышатся позывы щура, песня зяблика, позывы клеста и проч. Все это исполняется в одной песне, как чижа или щегла, только сильнее, и отдельно, "накриком", в последнем случае птица кричит более сложными, лучшими песнями и оставляет очень приятное впечатление. "Накриком" реполов поет рано утром, чуть только свет станет обозначаться, и вечером, перед тем как садиться.

Клетка для реполова, корм и вообще уход те же, как и для зяблика или щегла.

Чиж.

(*Fringilla spinus*, Naum.)

Наблюдая птиц, мы заметили тот факт, что наибольшим, расположением человека пользуются: курица, голубь и чиж. Оставляй первых двух в стороне, рассмотрим чижику. Им интересуются во всех слоях общества: и у бедного ремесленника, и у купца, и у барина всюду видишь чижику, как любимую приятную птичку. Почему же так полюбилась людям эта "простая" птичка, не обладающая, говоря вообще, ни красотой оперенья, ни песнею, достойной внимания любителя? Вот интересный вопрос, для решения которого нам придется пойти в некоторые подробности об этой птичке.

Нам кажется, что одною из главных причин замеченной популярности чижику - многочисленность этой птицы, при чем она во время двух пролетов, весеннего и осеннего, появляется всюду, в каждом палисаднике, не

только в саду на каждом дереве, особенно березе—и "валится" на коноплю во всякую ловушку и даже просто в клетку, которые во множестве выставляются любителями, лишь только послышится птичка. А затем, что собственно сблизило чижику с человеком, отчего завязалась дружба, - это заметные с первого взгляда сообразительность птицы и ее доверчивость к человеку. Попав в клетку, чижику не обнаруживает той дикости, не бьется в страхе, как другие птицы, доводящие себя до обморока; он дик только в первые минуты неволи, когда его вынимают из западни или из-под сети, но лишь только его пустили в клетку и поместили в комнате, он уже начинает осваиваться, Осматривает окружающее и, не видя ничего страшного, скоро мирится с обстоятельствами, так что нередко через два дня уже поет. Это замечается только на чижику, и никакая другая птица не приручается так скоро. Поэтому, решаемся заметить, чижику и снискал себе расположение человека и принят им, как ни одна из птиц его семейства. В моей охотничьей практике уже много лет не было случая, чтобы ловленный чижику не выносил неволи, тогда как с другими птицами это нередко случалось. Причиною тут сильный испуг. Чижику не боится попасть в общество человека, видя ласковое к себе обращение, дружится с ним нередко до того, что, выпущенный па волю, не летит и снова бьется в окно. У меня было несколько таких случаев.

Однажды я поймал замечательно красивого чижа: он был собою значительно крупнее и пером не зеленый, как другие, а желтый, особенно с груди. Это был старый вожак стаи, один из тех, которые обыкновенно летят "передом". Он жил у меня три года, неоднократно был на "точке" "заводным", и когда я, в благодарность, отворил ему клетку и выпустил в сад, где он был пойман, он не летел из сада, держался на вершине березы В течение дня я непрерывно манил летевших чижей. Тогда я, опасаясь за его участь, снова принес клетку и, подняв ее на палке, так, чтобы он видел, стал сманивать его позывами, на что он, как только увидел меня, тотчас слетел на рябину и с нее, тихо произнося: "тинь", "тинь"... прямо сел на клетку и даже запел от радости: "тлинть", "тлинть-тле"... Опустив клетку, я долго уговаривал его, как прирученную птицу, пойти в клетку: "иди, птиченька, домой", повторял я, "не балуйся, иди, Князек!" - так звал я его. Но он не шел, а только

посматривал в клетку и на меня. Наконец вошел и, видимо, был доволен, что попал на место. И я был очень рад, что мой "Князек", как бы по воле судьбы, снова остался со мною. Этот чижик был именно другом моим; он и еще большая синица неоднократно заставляли меня поднимать голову в самые трудные минуты... Пустит, бывало, "Князек", когда я очень задумаюсь, овсянкой, нежно так и длинно сделает... и точно маслом по сердцу польет... Он был выдающийся певец. Тем не менее, однакож, я его выпустил: весной, во время пролета, отнес в лес и там простился с ним. У меня на глазах он захлестнулся в большую стаю и улетел.

Посмотрим, как живет чижик на воле. Область распространения этой птицы очень большая,—чижик живет во всей Европе и в Азии. В Евр. России встречается от самых северных ее стран до Кавказа. По наружности птицы охотники делят чижику на два типа: одного называют "ольховником", другого "березовиком"; последний пером, говоря вообще, желтее и голову имеет серую, а ольховник - зеленый с резко черной головой и черным пятном на горле, которого у березовика или совсем нет или оно лишь слегка показано. Преобладающий здесь чижик зеленый, желтый встречается временем: иногда его много, а иногда нет. И вообще, надо заметить, количество этой многочисленной! птицы бывает неодинаково. Случается, что осенью или весной, во время пролета, у ловцов чижик продается от 30 до 75 к. штука, вместо 3-х и 10 к., когда, птицы много. Это зависит от условий вывода птицы, благоприятных или нет, и от тех случайностей, которые встречает птица на пути ее пролета; бывает, что она "летит стороною".

Весною, в марте-мае, а нередко в феврале, когда пройдут морозы, чижи большими стадами полетят по лесам,

передвигаясь из более южных местностей выше, на родные места, и летит в продолжение всего апреля (хотя валовой пролет не продолжителен), кочуя по лесам и садам корма ради; в лесных местностях держатся ольховых, березовых и еловых насаждений, обивая семена этих деревьев,—по садам нет той березы, на которую бы не присаживалась стая чижей. Хорошая, занимательная охота в это время идет по лесам на "точках", а также и в садах.

Помню, раз весной, вышепомянутый "Князек" усадил мне на "точок" такую массу чижей, что я даже спутался и несколько минут не знал, что делать, пригнулся к земле и как говорится, застыл на месте... Они большой стаей летели довольно высоко и, слышав "заводного", сразу так бросились вниз на березы, почти все разом упали, и не только покрыли собою березы, но масса разместилась внизу, на крыше беседки, на садовой решетке и на земле. Я сидел, не смея шевельнуться, и как сейчас вижу тех. желтых. красавцев, как-то в смущении рядом сидевших на колодце. Они просто кинулись всем стадом без расчета и от тесноты ткнулись где пришлось, видимо, оробели. Надо заметить, что на обыкновенный позыв "заводного" "тиль" или "пилли" из стаи летящих чижей разве несколько штук. отобьются, а бывает—и все пролетят, с переключкой, но когда они вдруг слышать снизу очень сильный позыв, наприм. "травником", — они именно "валятся", как я выше сказал.

С конца апреля стаи чижей постепенно уменьшаются, птицы разлетаются на гнездовье, предпочтительно в хвойные леса, где вскоре разбиваются на пары и приступают к выводу детей, держатся в это время скрытно, так что по голосу только можно заметить, по верху деревьев, где и устраивают, преимущественно на больших елях, очень высоко, гнездо*), располагая его в ветвях дерева, чаще на конце ветки, в развилке, и так искусно скрывают его в густоте хвои и мха, что отыскать его довольно трудно. Оно сплетается из тонких прутиков, сухой травы, мха, лишайников и растит. волокон., внутри выстилается мягким растительным материалом, подстилка перышками. Кладка из 5—6 яичек, по бледному, голубовато-зеленоватому фону испещренных красно-бурыми пятнышками, крапинками и жилками. Но этот рисунок яичек изменчив. Гнездо строится самцом и самкою, высиживает одна самка в продолжении общего срока 13-14 дней.

Молодые слетают, говоря вообще, в июне, и в этом же месяце самки садятся на вторую кладку. Молодые выкармливаются мягкими личинками насекомых, мелкими гусеницами

*) Относительно этого нелишним считаем заметить, что весной, в мае нам неоднократно приводилось встречать чижей на летнем положении в небольшой сосновой роще, деревья коей были не более как крупный жердняк. Кроме того, одиночными парами чижи встречаются летом в городских садах, где нет хвойных деревьев.

бабочек и проч. Тем же кормятся и старые птицы, пока кончится вывод детей, так что в период вывода чижики из зерноядных становится насекомоядной птицей и тут делает огромную услугу лесным хозяйствам.

В конце лета, с половины августа, чижи оставляют места гнездованья, стадаются и начинают кочеванье большими стаями, как и весной, по лесам и садам, а также огородам и полям, где есть подходящая присада и корм, - конопля, мак и т. п.; главным же образом птица кормится древесными семенами ольхи и березы. Самый сильный пролет замечается с конца августа и до половины сентября, летают они высоко и, присаживаясь на вершинах деревьев, подолгу на них не задерживаются, за исключением, когда на дереве находится обилие корма. Осенью промышленники ловят их тем же способом, как и весной, сетями на "точках", только в большом количестве, стараясь запастись птицей на зиму, когда охота прекращается и птица бывает в цене.

Осенний пролет есть передвижение птицы на более южные местности. Он длится здесь до ноября, если не видится впереди холодов. или вообще непогоды, что птица обыкновенно предчувствует и предусматривает.

Можно не ошибаясь предположить, что чижики, перелетая осенью из северных местностей, далеко на юг не залетает, так как в мягкие зимы он встречается здесь, в огороде стайками, штук в двадцать, держится в больших садах, перемежающихся пустырями и огородами, поросшими лебедой и т. п. сорными травами, которые остаются незакрытыми снегом.

В таких местностях (около города) среди зимы нам приводилось встречать чижей, летающих, как и осенью, выше больших деревьев и присаживающихся на вершины их. В лесных местностях зимою чижи держатся около замерзающих речек и ручьев. Такова, в кратких словах, жизнь чижики на воле. Полюбопытствуем, как он поживает в клетке, тысячами оставаясь к удовольствию человека.

Тут нам приходится подразделить самих охотников на три отдельные группы: первые промышленники (ловцы и торговцы), вторые, главные — потребители, любители певчих птиц, и третьи — охотники в строгом смысле слова, подразделяющиеся между собою, кто по чижам, щеглам и овсянкам, кто по синицам, по жаворонкам или также специально по соловьям.

В руках промышленника жизнь чижики довольно сносна. У деревенских ловцов в зимний период времени, когда они оставляют птицу с осени, чижи живут вместе с другими птицами на чердаках, в устроенных помещениях, не подвергаясь большим лишениям.

У городских торговцев, в лавках, птицу находим в более плохих условиях: живя в трех-вершковом клетке, чижики, хотя и "соблюдается" ежедневно, тем не менее содержится очень неряшливо. Но и тут, насколько птица вынослива, - условия жизни терпимы.

Плохо приходится чижику, когда он попадает в руки любителя, такого, который заводит себе птицу, не задаваясь вопросом, как должно ее содержать "по охоте", и относится к ней крайне "неправильно". Нередко бедного чижику заваливают несообразным кормом, отчего он обыкновенно заболевает, или не дают спокойно сидеть, - мучают, обучая его разным штукам. И чижики развлекают любителей: втащит, наприм., за ниточку по дощечке, поставленной горкой, ящичек с коноплей и, чтобы ящичек не скатился, — придерживает за ниточку лапкой и кушает... Неудивительно, если какой-нибудь простолудин, бедняк, живя сам в подвале, держит чижику в тесной, грязной

клетке без надлежащего за ним ухода. Тут видим, что птица разделяет трудности жизни с человеком, и ей при этом можно пособить.

Совсем другое отношение к птице у охотника, - тут чирик живет спустя рукава и положительно, можно сказать, забывает неволю. Задача охотника приручить к себе птицу так, чтобы она нисколько не боялась его, и дать ей рациональный корм и вообще уход.

По охоте, клетка для чирика полагается обыкновенная канареечная, на дугах, верш. 7 длины. Кормушка в клетке на два отделения, жердочек три: одна, потолще, посредине клетки, и по одной, толщиной в обхват птичьей лапки, — у кормушки и у водопойни; эта последняя должна быть широкая, низенькая, тазиком. Корм чирику должен быть, как зерновой, так. и обварной; зерновой корм: белое канареечное семя с прибавлением так наз. "тарицы" (смесь разн. семян). При этом мы не лишаем птицу любимых ею древесных семян. Конопля ни одного зерна не дается. Обварной корм (в другое отделен. кормушки) след.: муравьиные яйца и малую щепотку "мурашки", вместе обваренные кипятком. Когда этот корм в горячей воде размякнет, его отжимают не особенно сухо и остужают, чтобы не был теплым. К нему прибавляют малую щепотку "браного" семени, которое так же крепко обваривается; (в особой баночке), чтобы вполне сварилось, потому что содержащееся в нем масло в сыром виде очень вредно для птицы. Чтобы семя лучше сварилось, мы обвариваем его два раза; помешивая и затем сливая воду, отжимаем сухо и замешиваем в корм. Кроме того, чирику полагается белый хлеб (отнюдь не сдобный), который маленьким жестким кусочком вставляется между спицами к верхней жердочке. Зерноядные птицы охотно грызут такой хлеб. На поддонки клетки, по песку, всякое утро нужно класть соль с кончика пероч. ножа. В летнее время, убавляя обварной корм, нужно давать свежих муравьиных яиц, мелких, сначала понемногу, почти на счет, чтобы птица не залиняла несвоевременно, а в июле мес., когда птица станет бросать пушки, начнет линять, свежий корм усилить. Кроме того, чирику летом нужно давать по маленькому листочку*) (отделяя от целого листа) салат. На поддонки клетки следует сыпать крупный песок, который в летнее время, когда очень жарко, каждое утро нужно sprыскивать водой.

Зимой, насколько возможно, оставлять птицу на солнце; летом же, в жаркую пору, клетка должна находиться в затененном месте; как можно строже наблюдать, чтобы птица не подверглась действию сквозного ветра. Зимой, во время сильных морозов, не следует держать птицу у окна, от. которого несет холодом.

Нередко случается, что на птицу в клетке нападают насекомые, которые сильно ее беспокоят; в виду этого не следует допускать, чтобы клетка была до такой степени засижена. Для каждой птицы, как мы раньше советовали, следует иметь две клетки: в одной птица сидит в течение зимы, в другой летом. Свободную клетку тщательно вычистить и протереть внутри смоченной французским скипидаром тряпочкой, затем завернуть в бумагу, чтобы не пылилась. Если будет замечено, что птица в засиженной клетке, делая порывистые движения, ощипывается или чешется лапкой, то тут немедленно нужно перегнать птицу в чистую клетку.

Среднюю жердочку, на которую птица садится на ночь, поставить тростниковую, и каждое утро эту жердочку выколачивать, постукивая ею, наприм., об обух ножа над посланным белым листом бумаги, чтобы видеть этих мелких насекомых и удобнее истребить. Поступая таким образом каждое утро, можно скоро избавить птицу от сказанных паразитов, часто доводящих птицу до болезни. Более решительное средство против них следующее: взять птицу в руки и sprыснуть ее всю, приподнимая перья и под крыльями, водкой, разбавленной водой. После этого птица несколько опьянеет (если сильно sprыснута), потом оправится и уже не жалуется, не чешется. При sprыскивании наблюдать, чтобы не попало птице в глаза.

Вот те условия содержания зерноядной птицы в клетке, которые я считаю рациональными. Я не предлагаю их в руководство всякому из любителей, — нужно много опыта и расположения к животному, — и я буду очень награжден, если лишь немногие из

моих собратьев возьмут на себя труд "соблюсти птицу" или отпустить ее на свободу. Охота - не игрушка.

Песня чижики состоит как из собственных его коротких свистовых слов и ударов, так и из копировки пения других птиц, набор; сюда входят позывы и короткие песни птиц, из позывов преимущественно синицы: пинь-пинь-тррра... (бол. синица) и из песен мал. синицы: ци-пи, ци-пи... а также позывы других птиц. вперемежку с собственными словами. Песни же более сложные других птиц выделяются чижигом из общей, свальной

*) Предусматривая понос

его песни, наприм. песня овсянки, а также пеночки исполняются чаще "накриком". Эти две песни, и еще песня так назыв. "травничком", правда, редко встречаются в чижики, но тем не менее встречаются, и тогда чижики, эта простая, как говорят, без песен птица, становится превосходным певцом.

Овсянка.

(*Emberiza citrinella* L.)

Вот птица, которая держится вместе с воробьями, кормится одним с ними кормом, не отличается, как и они, красотой оперения и не обладает, говоря вообще, порядочной песней, а между тем так высоко ценится охотниками, что даже назначается в учителя знаменитому певцу - канарейке. Странно, кажется, как может учить овсянка канарейку, этого первейшего певца из зерноядных, а на самом деле песня нашей канарейки в значительной степени украшается песней овсянки, и преимущества овсянки несомненны: "Ни одна из птиц, — говорит один из последних оставшихся старых охотников, — не может прокричать ударную песню, "в отбой", так, как прокричит свою песню овсянка". Такова наша скромница по охоте, продается нередко на рынке лишь за 5 коп. Жаль только, что редко она проявляет свой талант, мало встречается овсянок по охоте. Обыкновенная же ее песенка очень проста, состоит лишь из одного коленца, на слух как бы: зинь-зинь-зинь-ци!... Слово зинь или дзинь повторяется слитно, в среднем тоне, придавок же "ци" довольно вытянутый, так называемая "оттяжка" значительно тише, так что на большом расстоянии его не слышно. "Оттяжка" эта при хорошей песне по охоте считается помаркой, но так как без оттяжки овсянок почти не бывает, то она прощается птице, исполняющей песню как требуется "в> отбой", т.е. не зинь или дзинь, а динь, чистым ударным звуком. Такая песня (исполняется она длинно или коротко, овсянка поет ее в разной постановке) одинакова хороша и ценится охотниками очень высоко. К достоинству песни овсянки надобно еще отнести способность птицы обманывать слух охотника, отдалять звук голоса: нередко она пропоет над головою, а слышится как-будто издали, так тихо и нежно пропоет и отведет звук, точно поет не она, а другая, где-то в другой комнате. Так часто услаждала мой слух овсянка своею нежной, серебристою песенкой... Но и простая песенка овсянки может быть очень приятна охотнику. Проходите в конце зимы, когда наступит оттепель, потекут ручьи и разольются лужи по дорогам, где-нибудь дальше от города, в тихой местности, около сада или огорода, - вы наверное услышите негромкую звенящую песенку: дзинь-дзинь-дзинь-ци... Она вам скажет, что весна идет... и вы сердечно поблагодарите овсянку за ее первую отрадную весточку...

Овсянка у нас оседлая птица, хотя известно, что в жесткие зимы она отлетает южнее, оставаясь здесь лишь местами в незначительном количестве. Перелетает она, как замечено, с севера в среднюю часть России, появляясь иногда в зимние месяцы большими стаями, и частью в южные губернии, а в конце зимы, в феврале или марте, возвращается на места гнездования, пролетая в большом или незначительном количестве, различно.

Овсянка - сельский житель и, в противоположность многим птицам, в городских садах не живет и вообще редко в них встречается. Излюбленные места поселения овсянки — кустарники и мелкие деревья, стоящие при дорогах, а также в лугах, среди хлебных полей, но особенно по лесным вырубам, прилегающим к дорогам с мелкой порослью, где

кажется, нет того деревца, елки или молодой березки, на которой бы не распевала овсянка свою скромную песенку. Кроме того, птица охотно селится в лесах, по большим просекам и в подлесках. В сплошном же, высокоствольном лесу овсянка не встречается. Гнездится овсянка обыкновенно в том же кустарнике или деревце, где держится, гнездо встречается и в ветвях, и на земле, строится довольно прочно, из общего гнездового материала: сухих стебельков травы, тонких прутиков и разных растительных волокон, внутри выстилается конскими волосами. Кладка в конце апреля или начале мая, смотря насколько благоприятна весна, от 4 до 6 яиц, очень изменчивого рисунка: красновато или фиолетово-белого фона, матового или глянцевого, испещренного темными, грязно-фиолетовыми пятнышками, крапинками, жилками и черточками. Высиживают обе птицы, но дольше сидит самка; птенцы выходят через 13 дней, выкармливаются насекомыми, личинками и гусеницами, составляющими вообще главную пищу овсянки в летнее время, собираемую птицей на пашнях, лугах и огородах. Нетрудно себе представить, какую пользу приносит овсянка в хозяйстве человека. В июне месяце в благоприятное лето овсянка делает вторую кладку, с меньшим количеством яиц. В конце лета выводки стадаются, присоединяются к старым и вместе летают большими стаями на поисках за кормом по снятым полям, гумнам и по огородам, переходя уже на зерновой корм. С приближением зимы птица покидает летнее местопребывание, переселяется с полей и из лесных местностей к жилью человека и кормится по гумнам, дворам и дорогам, как воробьи, где что нашлось. В общем живет сносно; от морозов и непогоды ютится под соломенными крышами, в сараях и т. п.

Оперение овсянки, кажется, всякий знает. Она, говоря вообще, ржавчинно-бурого или оливкового цвета, с ярко-желтой головой и частью желтым брюшком или лишь желтым пятном наверху головы и желтым горлом, а остальные части ржавчинно-оливкового (зеленовато-бурого) цвета. Оперение самки замечается по отсутствию желтого цвета и, кроме того, она собою несколько мельче самца. Молодые осенью оперением близки к самке.

Ловить овсянку можно когда угодно: весною, осенью и зимою; летом же, в пору гнездования птицы, ни один благоразумный охотник ловить не станет. Ловят больше весною, в феврале или в марте, когда птица, находясь на пролете, большими стаями держится по обтаявшим проезжим дорогам, присаживаясь на ветлы или кустарники, при дорогах. Замечая, где держится птица, куда слетает на кормежку, охотник ставит тайник, пускает под сеть подвязную или заводную в точковой клеточке, чтобы отзывалась, бросает корм и отходит подсиживать.

Относительно содержания овсянки в клетке не излишне заметить, что общепринятая для зерноядных клетка в 6 верш, по длине, для овсянки тесна: в ней птица обивается, обламывает хвост, который у нее длиннее против других, практичнее дать клетку в 8 верш., на дугах, с цинковым поддонком. Кормление овсянки и вообще уход — те же, как для чижа или реполова. т.е. смесь семян, отнюдь без "зелени", и маленький кусочек сухого белого хлеба. В другое отделение кормушки обваренные муравьиные яйца с мурашкой, в малой порции, с прибавлением одной щепотки "драного" семени, обваренного кипятком в отдельной плошке. Кроме того, необходимо давать сала, отрывая от листа маленький кусочек. В летнее время давать свежие муравьиные яйца, мелкие, уменьшая при этом порции обварного корма. Кормить же овсянку овсом и коноплею, как это практикуется у некоторых, любителей, по охоте не допускается. Для птицы, находящейся в руках охотника, достаточно одного лишения свободы, смаривать же ее еще скудным кормом или, что хуже, давать вредный корм положительно недостойно благомыслящего охотника.

Зеленуха.
(*Chloris chloris*. *Briss.*).

Эта птица издавна остановила на себе внимание охотников своими выдающимися, характерными стукотнями, которые когда-то так украшали песню курского соловья, и россыпью подобно соловьиной "дробь". Правда, не всякая зеленуха кричит этими песнями, но тем не менее птица занимает в охоте почетное место. Кроме вышесказанных песен у зеленухи есть копия: позывы горихвостки, зяблика, юра, седоголового дрозда, отрывки из песни певчего дрозда и также зяблика. В общем все это составляет "мелочи", а местами даже помарки, как например юр и воробей, но бывает, что зеленуха не обнаруживает этих помарок, а песнями кричит длинно и "светло", тогда она ценится охотниками очень высоко и ставится учителем к молодым соловьям.

Зеленуха появляется у нас, под Москвою, в раннюю весну в конце марта, а обыкновенно в первой четверти апреля; она подобно зяблику и репову — не отлетает далеко на юг и возвращается в среднюю Россию одновременно с зябликами, держится в светлых лиственных и мешанных лесах или рощах, парках и в больших загородных садах; в больших глухих лесах не живет. В блаженном прошлом нам приводилось встречать ее в значительном количестве в окрестных липовых рощах при усадьбах и также в смешанных, где ели и береза с кустарниками по низу; птица держалась более с края леса, обращенного на луг, и в стороне от построек. Преобладающее пение зеленухи в таких тихих рощах среди полей нам дает основание предположить, что птица предпочитает такие места для гнездования.

Зеленуха держится поверху деревьев, - она очень осторожная, робкая птица, - и непрерывно покрикивает звонким позывом, в роде: тек-тек-тек... или оглашает лес своею также громкой, характерной песней. Весною, в пору любви, она подобно юле взлетает с вершины дерева вверх и с песнями плавает в воздухе над лесом и снова опускается. Тут ее пение бывает особенно хорошо. Рано утром и перед вечером зеленуху можно видеть по низу, где она кормится семенами разных трав и также насекомыми; осенью она охотно тербит ягоды можжевельника и рябины, добывая из них семечки. Гнездо зеленуха строит на деревьях, невысоко, аршина три от земли, чаще у ствола дерева на отходящем толстом суке или в развилке толстого сука. Материал для гнезда общий с другими птицами: тонкие, сухие стебельки и корешки травы с прибавлением мха и лишая; снаружи стенки гнезда грубее, внутри из более мягкого материала, а самое сиденье, чашечкой, мягко выстилается шерстью животных, растительным пухом, перышками и конским волосом. Кладка 4 — 6 яиц, чуть зеленовато-белого или голубовато-белого фона, с разными грязно-фиолетовыми и ржавчинными пестринками, скученными на тупом конце. Высиживает одна самка, самец в это время, находясь поблизости гнезда, распевает свою песенку. Молодые полухвостиками попадают во второй половине мая, держатся кучкою поблизости гнезда и ревностно выкармливаются и охраняются родителями; до вылета они выкармливаются насекомыми, а затем преимущественно се

менами. В благоприятное лето зеленуха делает две кладки, вторую в первых числах июня. В августе гнездование уже заканчивается, птица линяет и в первой половине сентября начинается пролет на юг, в это время зеленуха встречается стайками и парами.

Оперением зеленуха, можно сказать, очень красивая птица; весною в брачном наряде старый самец, в общем, прелестного желто-зеленого цвета, как майские листья акации, с ярко-желтыми зеркальцами на серых крыльях и на хвосте. Клюв сверху светло-серый, снизу тельного цвета, ноги светло-бурые. Самка значительно серее, в общем зелено-серая. Но излишне заметить, что красивые, как выше сказано, с яркой окраской птицы зеленух встречаются здесь лишь иногда, попадающие сюда с юга, здешние же зеленухи обыкновенно не так цветисты платьем, хотя тоже красивы.

Ловят зеленуху в лесу во время осеннего пролета на общих ягодных точках под тайник, с заводною на присадах. Весною ловят как зяблика, на местах, где держится, на подвязную под сетью.

При содержании зеленухи в неволе клетка для нее и корм почти те же, как зяблику, с той лишь разницею, что зеленухе нужно давать можжевельные ягоды, которые она очень любит. Порция корма смотря по тому, что птица охотнее берет.

Зеленухой мы оканчиваем описание охотничьей певчей птицы и переходим к обозрению остающихся так называемых любительских птиц, не входящих в группу первых, как не отличающихся достоинством песни, требующимся охотником в строгом смысле слова. Мы запишем этих любительских птиц, каковы снегирь, горихвостка и многие другие, лишь в кратких очерках, касаясь только наружности каждой птички, ее песни и содержания в клетке.

Любительские певчие птицы.

Снегирь.

Известное красивое оперение этой птички разделяется в таком порядке: голова и затылок до шейки черные, с металлическим синим отливом, шея сзади и спинка голубовато-пепельно-серые, надхвостье белое, хвост сине-черный как голова. Черный цвет головы шапочкой спускается до глаз и закрывает подбородок, ниже которого шея, также щеки, грудь и брюшко до ног яркого, киноварно-красного цвета, у иных бледнее или с суриковым оттенком, у иных краснее; надхвостье белое. Крылья также черные с синим отливом; на них поперек крыла есть серая полоса, от серых вершин малых кроющих крыло перьев. Клюв, толстым корпусом, черный, ноги темно-коричневые. Самка резко отличается от самца отсутствием красного цвета нижней стороны, которая у нее искрасна-серовато-коричневая, а черный цвет головы, крыльев и хвоста почти без блеска.

Как видит читатель, оперением снегирь очень красивая птица, но песнею его природа не одарила: его песня есть тихий скрип, в котором слышится два-три глухих свисточка, несколько посильнее. Его можно держать в комнатах за красоту платья, как декоративную птицу, в хорошей клетке у подоконника на подставке, среди комнатных растений или в комнатной вольерке, в компании с другими подходящими птицами. Но и при этом его не следует надолго задерживать в клетке, т. к. он продолжительной неволи не выносит и, кроме того, теряет цветность пера, особенно после линьки эффект его наряда пропадает. Заводя снегиря с осени, благоразумнее выпустить его в первых числах марта, чтобы он мог улететь на места гнездованья, а места его преимущественно хвойные леса в северной части России. Известно, что в Германии снегирей часто выучивают насвистывать разные мелодии, и, как сообщает Брэм, такие учение снегيري иногда отлично исполняют "канареечные трели" и даже "флейтовые свисты". С своей стороны мы не имеем достаточных данных, чтобы подтвердить в снегире умение исполнять приведенные песни.

Размерь клетки для снегиря лучше побольше, верш. 8 по длине, будет ли она деревянная или металлическая, но чистой работы и без всяких резных украшений. На поддонке необходимо сыпать песок желтый, крупный и без пыли; на песке класть, с кончика перочинного ножа, крупную поваренную соль кучкою на видном месте. Водопойку дать широкую, низенькую. Корм состоит из смеси разных семян, за исключением конопли (которую многие любители почему-то дают в большом количестве): белое канареечное просо, малой щепоткой льняное семя, репное и семена хвойных деревьев и березы; очень полезно приучить птицу, чтобы брала белый хлеб, который давать маленьким жестким кусочком, также можно давать ягоды рябины и можжевельника, что будет брать птица. При содержании птицы с осени до весны состав корма усложнять излишне. В случае же желанья держать снегиря круглый год, — приходится применять корм, как для всех зерноядных.

Щур.

Этот близкий родственник снегиря кроме своего нарядного оперения обладает и хорошей песней, состоящей из сильных и "светлых" волнистых свистов, по складу напоминающих юлиные песни, длинных или коротких в роде позыва; последние исполняются отдельно, "накриком", и обыкновенно предшествуют первым свистам, собственно песне, исполняющимся часто слитно один с другим, и тут представляющим очень красивую свистовую песню, с переходными тонами, как у юлы, но очень характерную. Это чисто свистовые колена, которые слышатся как бы словами: влю-влю-влю-влю-вливли..., или фили-фили-фили-фли-фли-фли... "светлыми" свистами с понижением в конце, иногда они с приема: фи-фи, фи! фи!.. (1-е два слитно, 2-е отдельно и сильно). Позывы щура: ирли!.. громко, или: фю-вю!.. как бы свисток жел.-дор. машиниста. Кроме того в песню вставляется копировка (у всякого ли щура нами не проверено), какая-нибудь чужая песня, напр., пеночки, отрывком или сполна.

Фигура щура менее красива против других птиц; он больше снегиря, не так складен, то есть и недостаточно ловок в движениях. По орнитологии щур занимает среднее место между клестами и снегирями и имеет верхнюю челюсть клюва с сильным погибом и спущенную небольшим крючком. Оперение щура в общем малиново-красного цвета, ярче на голове и груди, весь низ, а также крылья и хвост темно-серого цвета, светлее к подхвостью, на крыльях есть поперечные белые полосы, от белых вершин средних кроющих крыло перьев. Клюв темно-бурый, такие же и ноги. Самка щура отличается охристо-рыжей окраской пера и в общем представляется серо-рыжего платья. Такого же платья и молодые до второй осени, почему часто и видим щура самца не красного, а серо-рыжего цвета; со второй осени он щеголяет в красном платье, которое к весне становится ярче.

Содержание в клетке щура сопряжено с немалыми хлопотами, заключающимися главным образом в выборе рационального корма. Щур птица зерноядная и, как житель хвойного леса, кормится семенами хвойных деревьев и ягодами. Этим именно и нужно руководиться при содержании птицы в клетке и давать щуру тот же корм, как и снегирю, но с большими порциями можжевельных ягод и рябины, которые он предпочитает другому корму, однакож выбирает из них только семечки. Он также охотно кушает драное семя, которое мы ему предлагали обваренным и смешанным с муравьиными яйцами, но последние он почти не брал. Ему можно давать также шишки хвойных деревьев, которые он отлично шелушит, добывая из них семечки, хотя при этом сильно сорит. "Шишки", не имеющие семян, он оставлял нетронутыми.

Клетка для щура должна быть проволочная, без дерева и не крашенная (особенно белой или зеленой краской), размером как под дрозда, фасон по желанию любителя. Деревянную клетку щур ломает, перегрызает столбики.

Щура еще более не следует задерживать в клетке, нежели снегиря, и выпускать на волю в конце зимы; о же встретиться с своими товарищами, пролетающими в это время лесами на север, и с ними улетит на родину, в леса сибирской тайги. Оставлять его на лето в клетке положительно советуем: он хиреет в нашем климате.

Чечевица.

Эта приятная птичка имеет лишь короткую, скромную песенку, как будто позыв, состоящую из свиста, на слух: тю-ить-ви-тиу! или тю-ить-виту!.. но эта песенка до того симпатична, так ласкает ухо, что трудно оторваться слушать... Оперением чечевица серая, т.е. светло-бурая, напоминает самку воробья, светлее снизу, несколько с рыжеватостью, и бурее сверху в крыльях и хвосте; на крыльях две светлые поперечные полосы. Таково в общем оперение молодых до второй линьки, такое же оперение и у самки. Но после второй линьки, т.е. после второго гнездованья, самец, находясь переедром, покрывается красным цветом первый раз с головы, шеи, груди, но с возрастом после каждой линьки все

более краснеет, так что старый самец в общем представляется весь густого кровяно-красного цвета, кроме крыльев и хвоста, низ буро-серый, постепенно светлее к рыжеватобелесому подхвостью.

Условия содержания в клетке чечевицы общие с другими зерноядными, зябликом, реполовом и т. п.

Дубровник

Оперением очень красивая птичка, а и песнею не выдает, хотя, живя в клетке, поет большую часть года и с весны не только днем, даже ночью, правда, "накриком", тем не менее доставляет большое удовольствие. Мотив песни, разумеется, передать нельзя, но слова слышатся в следующем порядке: вио-вио, цви-цви, цье-цье... (цви-цви!... вверх); или: ви-ви-ви-ви, цье-цье, цви-цви... (тоже вверх). Вместо ви-ви ставится: ди-ди, полустукотней, а остальное, как выше приведено, короткими свистами, В, общем песенка приятная, довольно громкая, несколько с грустным оттенком.

Оперение дубровника сверху коричневого цвета, т.е. голова и спинка коричневые, спинка темнее, с черными продольными полосками. Крылья темно-бурые со светлыми наружными крайками, на плечах широкая белая полоса, ниже которой другая узкая белая полоска, от белых вершин маховых перьев, перья хвоста также темно-бурые, почти черные, верхние – коричнево-бурые, крайние - с белыми опахалами. Надглазные полосы, щеки и горло черные, у молодых темно-бурые и притом пятнистые, весь низ от горла до ног желтый, ярче на груди, по которой проходит галстуком широкая коричневая полоса, у молодых не так ясно обозначенная.

Подхвостье белое. Клюв сверху бурый, снизу светло-мясного цвета. Ноги бурокрасноватые. Таково оперение самца дубровника в общем очерке. Самка значительно отличается отсутствием ярких цветов платья, желтого и коричневого, и выглядит против самца буро-серою.

Клетка и корм для дубровника те же, как и зяблику.

Иволга.

Наружность иволги, кажется, всем известна. Она величиною с дрозда, платьем среднего или густого желтого цвета, крылья черные, хвост также посередине черный, боковые перья до половины желтые. Клюв грязно-красноватый, глаза красные; ноги темно-бурые. В общем птица очень красивая; не будет преувеличено, если скажем, что из всех европейских певчих птиц только одна иволга украшена таким роскошным оперением. Самка иволги резко отличается отсутствием сказанных ярких цветов и имеет оперение зеленоватого, оливково-серого цвета, темными продольными пестринками на груди и с боков. Подобного же, говоря вообще, платья и молодые.

Не менее выделяется иволга и своею песней, также замечательной и единственной во всем лесном хоре. Песня, правда, короткая, состоящая из свистов, на слух как бы: тю-фио-лиу... или фиу-лио-иу!.. Но эти свисты надо слушать... По складу они чисто флейтовые свисты, но, разумеется, выше инструмента. Это красивые, звучные, гибкие и мягкие свисты, которые именно приковывают охотника на месте... Ни одна из наших птиц не может исполнить такой песни. Известный подражатель, скворец, передает ее в своей копировке, бывает, довольно близко, но не в той полноте.

Кроме песни любитель услышит у иволги характерный крик, который она произносит в разных случаях и короткими звуками и протяжно, подобно кошачьему крику.

Относительно содержания иволги в клетке приходится заметить лишь коротко. Мы, к сожалению, не знаем такого факта, где бы иволга жила в неволе более или менее

продолжительно и благополучно. В большинстве случаев она не выносит продолжительной неволи. Хотя нет сомнения, при тщательном уходе иволгу по желанию охотника можно выдержать в клетке. Держать как дрозда: в зимнее время на том же обварном корме с морковью и с прибавлением мучных червей, а в летнее время давать свежие яйца, примешивая их к обварному корму. Главнейшая задача приручить эту строгую птицу, чтобы она доверялась охотнику.

Жулан

Многие любители заводят себе таких птиц, которые по охоте даже не входят в группу комнатных певчих птиц и, живя в клетках, больше приносят хлопот, нежели удовольствия. Таких птиц несколько, из них свиристель, клест, наш уважаемый соропуть-жулан и многие другие, которых интересно заводить лишь для наблюдения, предварительно познакомившись с птицей по орнитологии.

Оперение жулана может быть названо красивым: верх головы, затылок и шея сзади голубовато-серые, лоб и надглазные перья почти белые, спинка красновато-ржавчинного цвета, плечевые перья буро-ржавчинные с светло-рыжими краями, маховые черно-бурые, с такими же наружными краями, надхвостье серое, как голова, хвост посередине черный, боковые перья от основания до половины белые. На щеках от основания клюва через глаз широкая черная полоса, идущая по бокам шеи до линии спинки. Клюв черный, сильный и толстый, с гнутым крючком верхней челюсти, глаза темно-бурые. Горло розовато-белесое, грудь, брюшко и бока бледно-оранжево-розовые, низ к подхвостью искрасна-серый, ноги темно-серые, почти черные. Самка резко отличается серо-бурым оперением сверху, с рыжеватостью на спинке и рыжегато-белесым снизу, с темными поперечными полосками.

Относительно песни жулана можно сказать лишь два-три слова. Он довольно близко подражает разным птицам, произнося их позывы и отрывки песен, но его копировка значительно уступает другим с такими же песнями птицам.

Живя в клетке, жулан, как хищная птица, требует сырого птичьего мяса и, кроме того, охотно кушает разных жуков, больших тараканов, червей, также обваренные и свежие муравьиные яйца и мелко резанную вареную говядину. Клетку для жулана нужно большую, как под дрозда, забранную проволокой.

Белая лазоревка.

Эта милостивая синичка не имеет таких песен, как у других ее соплеменниц, но своим превосходным оперением и своею вообще красивой фигуркой положительно подкупает расположение не только любителя, но и охотника. Мы не станем описывать ее оперение детально, но скажем, как она представляется нам с первого взгляда. Это маленькая, белая как снег птичка, с яркими голубыми прометями по спинке, крыльям и хвосту, с узкой черной полоской через глаз и поперек шейки ниже затылка и с такой же черной продольной полоской ниже груди, с коротким черным клювом, с темно-кариными глазками и черными ногами. Величиною она почти как московка, лишь несколько покрупнее, с более длинным хвостом. Шустрая, бойкая в движениях, как все синицы, всегда веселая и поминутно цикающая своими позывами, которыми она выражает и перекличку, и пение; в последнем случае слышатся чужие позывы, например!, клеста и некоторых других птиц. Главнейшая песенка ее очень мелкая, короткая, но приятная, серебристая трелька. Песенка по охоте не имеет значения, но, как мы сказали, птичка оперением до того

красива, что с нею просто расстаться не хочется! Она и характером значительно мягче против других синиц, например большой.

Из жизни белой синички в моей памяти сохранился такой приятный факт: как сейчас помню, я купил ее осенью, в Охотном ряду, продержал зиму, а в конце марта, ИЛИ 25-ГО, выпустил, полагая, что здесь синичка гнездиться не станет, а должна улететь на север. Птичка быстро выпорхнула в форточку, кинулась на тополь и скрылась. Прошло почти три месяца. В июне как-то, поднявшись по обыкновению рано утром, я отворил окно и вдруг слышу знакомое циканье и позывы с вершины большого тополя, стоявшего против моего окна. Я стал всматриваться, поманил, подражая позыву, и вскоре увидел выскочившую из ветвей белую синичку, а за ней другую и еще 5, не то 6 каких-то светло-сереньких птичек. Я несколько секунд не понимал этого явления, но скоро сообразил, что это моя белая синичка, так как других я в летнее время в наших садах никогда не встречал; она не улетела весной, а, найдя себе подружку, случившуюся несомненно на пролете, гнездилась здесь где-либо в наших больших садах и вот, закончив гнездование, гуляет с выводком на кормежке, при чем навестила и мой тополь, на который я ее выпустил из форточки. Она как будто хотела показать мне свое семейство, повертелась на ближайших ветвях против окна, покричала что-то и улетела стайкою на липы в глубь сада. Я был несказанно рад видеть прелестную птичку, благополучно прожившую лето около моего жилища, и этот факт до сих пор доставляет мне лучшее воспоминание моего прошлого.

Условия содержания в клетке белой синички те же, как и для маленькой или для гайки.

Королек.

Для любителя это также весьма приятная, внимательная птичка. Читатель вероятно видел корольков осенью на рынках у наших птицеловов. Это маленькая, значительно меньше синички, оливково-зеленая птичка, с ярко-желтой полоской посередине темени, обведенной с боков узкими черными полосками; над глазами светлая бровь. Желтый перышки несколько удлинены и представляют небольшой хохолок, который птица в известных случаях поднимает или опускает. Нижняя сторона у королька светлее, грязно-серого цвета, на крыльях есть белые полосы. Клюв черно-бурый, подобные же и ноги.

Пение у королька не громкое и не сложное, повторяющееся одной песенкой, очень близкой к полуударной песне маленькой синички, которую он поить не только весной, но и осенью, в ясную теплую погоду. Кроме того, у королька есть копировка, которую он исполняет особо от "токовой" песни и которая состоит из отрывков песен других птиц, например, певчего дрозда, исполняемых птичкой с большой точностью, но тихими звуками.

В клетке королька приходится держать по несколько штук вместе, или в крайнем! случае парой, самца и самку, в одиночку же эта птица не выносит неволи. Клетку обязательно отворять, давая возможность птицам (разумею двух птиц) свободно летать по комнате. При этом, птица заходит в клетку только за кормом, или когда желает купаться и на ночлег, усаживаясь в этом случае на жердочке плотно, рядышком. На ночь клетку можно запирать. Корм корольку—как синицам; он насекомоядный, но он охотно кушает молоко и сливочное масло, за которым ежедневно и аккуратно в час завтрака является на стол и кушает свою порцию, приготовленную ему на маленьких блюдечках.

Очень редко, но все-таки встречается здесь осенью на пролете еще другой корольк красноголовый, отличающийся от нашего именно красновато-оранжевым хохолком; величиною он несколько меньше нашего, оперением — почти такой же.

Красная березовка.

Под этим названием у наших птицеловов известен малый мухолов, в С.-Петербурге его называют, "лоцманчик". Эта птичка у нас под Москвою весьма малочисленна и потому на

рынке у птицеловов встречается не каждую весну: одна или две птички в сезон; при этом и цена на нее очень высокая, выше рубля штука. Птицеловы подтверждают, что "ее мало" и что поет она. говорят, "очинно хорошо". Что мало—это правда, потому что птичьи места под Москвою все испорчены (дачами), птица выпугана, а как поет красная березовка, птицеловы сами не знают. Нам также не приводилось слышать ату птичку в лесу, но мы слушали ее в клетке, птица пела у охотника в конце января мес. В песне ничего нет такого, на чем бы можно было остановить внимание: в начале песни слышится характерный скрип, далее идут вытянутые свисты, близкие к песням певчего дрозда, слышится подражание желтой плиске, скрип повторяется и в середине песни. Пение тихое и мелодичное, с паузами. Несомненно, что птица весною поет не так тихо, но все же пение ее в общем нельзя назвать громким.

Оперением красная березовка одна из красивых наших летних птиц: голова серо-бурого цвета, шея и спинка рыжевато-бурые, как и надхвостье и малые маховые перья, большие маховые темно-серого. Хвост буро-черный, но по два крайних пера до половины белые, с черными концами. Щеки пепельного цвета, горло красно-оранжевое, грудь палевая, бока бледно-оранжевого цвета, брюшко и подхвостье белые, с легким лишь оранжевым оттенком. Ноги очень тонкие и не длинные, темно-орехового цвета, клюв относительно сильный, снизу тельного цвета. Величиною птица напоминает молодую горихвостку-слетка.

Клетку красной березовке нужно дать, как пеночке;, корм - как для соловья. Относительно корма нелишне заметить, что с августа птицу заботливо следует постепенно сводить на зимний соловьиный корм, примешивая свежие яйца к обварным. С этой целью свежие яйца следует сохранять возможно дольше. А когда свежих яиц не будет, примешивать к обваренным сухие яйца и при этом давать птице мух или маленьких тараканов. В зимнее время как можно лучше беречь птицу от холода, а также от духоты, особенно от ламповой копоти и чада от самовара.

Варакушка.

Эта картинная, изящная птичка при своем замечательно красивом оперении могла бы быть и хорошей певицей, если бы не имела того характерного, какого-то гнусавого, скрипа, который она повторяет в своей занимательной песенке, состоящей из длинной копировки различных позывов и коротких строф тех птиц, которых она слышит около себя. Песенка не громкая, по приятная, против других нежная.

По орнитологии варакушка разделяется на три разновидности, отличающиеся одна от другой цветом пятна на голубой груди: у одной оно чисто белое, у другой красновато-ржавчинного цвета, у третьей пятна совсем нет, а вся грудь сплошь голубого цвета. Кроме этих трех есть еще варакушка, у которой пятно на голубом фоне не белое и не ржавчинное, а смешанное из этих двух цветов. Все остальное оперение у всех сказанных варакушек почти одинаково. Мы приведем оперение имевшейся у нас варакушки с белым пятном. Верх головы, шейка и спинка, а также надхвостье и средние перья хвоста матового оливково-бурого цвета, крылья несколько темнее, боковые перья хвоста от основания до половины красновато-ржавчинного цвета с черно-бурыми вершинами. От клюва через глаз черная полоска, над глазами широкая бледно-желтоватая бровь. Глаза черные, большие и красивые; клюв черный. Щеки, горло, шея и грудь яркого голубого цвета, с белым (у других ржавчинным) пятном на зобу. Все голубое поле обведено черной каемкой, подхваченной снизу другою красно-ржавчинной каемкой. Низ охристо-белесый, бока светло-бурые. Ноги темно-бурые. Эта с белым пятном варакушка и также помянутая с ржавчинным пятном на зобу—здесь лишь изредка встречаются, тогда как приведенная с смешанным пятном обыкновенна каждую весну, сказанная же, с сплошной голубой грудью, без пятна, здесь не встречается. Оперение самки близко к оперению самца, но голубой груди самка не имеет.

Клетку для варакушки надобно дать соловьиною, небольшого размера, вершков 8 по длине, с подтяжкой. Помещение лучше у окна. Чтобы птица не билась и скорее запела, клетку до половины снизу следует закрыть серой бумагой или редкой серпянкой. Водопойку дать широкую; если она по размеру не будет проходить в дверку клетки, тогда можно вынимать одну тростнику и снова ставить на место. Корм варакушке—как соловью. Жердочек ставить по одной у кормушки и у водопойки и одну выше, посредине клетки.

Зорянка.

Если какая-либо из любительских певчих птиц выделяется лишь красотой оперения, а песни почти не имеет, то в зорянке мы встречаем два эти качества в одинаковой степени интересными. Ее приятная песенка, состоящая из разных коротких свистов, соединенных в красивые звучные строфы, может доставить много удовольствия не только любителю, но и охотнику. Послушайте зорянку в комнате зимою, в декабре или январе, когда за окном вы видите лишь массу снега да съездившихся от мороза ворон, неподвижно сидящих на вершинах деревьев и крышах!.... А в комнатах точно весна... Под звуки песни зорянки вам вспоминается лес, тот невыразимо чудный

лес в апреле месяце, одетый новою желтоватой зеленью и наполненный ароматом распустившихся березок и черемухи, где в сумраке вечера тянут вальдшнепы и поют свои гимны зорянки, дрозды, пеночки... Туда переносит нас мысленно зорянка...

Оперение зорянки особенно красиво осенью, когда птица переберется в новое платье следующего рисунка: весь верх, т.е. верх головы, шея сзади, спинка и крылья матового темно-оливкового цвета, иначе чуть зеленовато-бурого, щеки, шея и вся грудь ярко красно-оранжевого цвета, как бывает заря заходящего солнца. С боков головы, выше глаза, и с боков шеи красный фон отделяется темно-серой полосой. Нижняя сторона у птицы белая, бока буро-серые, ноги коричнево-бурые, клюв черный, глаза черно-бурые, большие, выразительные. Самка против самца бледнее, не той яркости цветов. Весною у зорянки грудь желтовато-оранжевого цвета, а бурый верх светлее. При красивом оперении зорянка собою очень фигурная птичка, держится как соловей, хвост несколько вверх, крылья вниз.

Условия содержания в клетке зорянки общие, как для всех насекомоядных, только к обварному корму с морковью в зимнее время нужно прибавлять ягоды бузины, как черноголовке.

Горихвостка.

Это первая садовая летняя птичка. Еще не так давно в Москве не было того сада или сада, в котором бы не пела горихвостка. В апреле месяце, лишь только станут просыхать сады после весеннего таяния, как горихвостка уже здесь, прилетела из далеких стран на свои места гнездованья, из года в год отыскивая свой уголок без ошибки, и с раннего утра, как только полоска света обозначится на востоке, птичка оглашает сад своею скромной характерной песенкой; в мае месяце ее песенка не прерывается даже и ночью. На слух она как будто выходит словами: фи! ре-ре-ре-ре, цвить-цвить!... так неизменно повторяется в одном плане, но замечательно, что горихвостка почти никогда не поставит одного и того же окончания в своей песне, а всякий раз новое. И этим птичка очень занимательна, всегда с удовольствием прислушиваешься и стараешься разобрать, какое будет окончание. Обыкновенно оно состоит из позывов разных птиц. Кроме этой песни горихвостки, читатель несомненно слышал ее характерный позыв: уить! уить!, который она громко и продолжительно повторяет, особенно перед ненастьем, а когда чем-нибудь (обеспокоена, — кричит: уить-те-тек!

Оперением горихвостка очень красивая птица: у самца голова и спинка темно-серого цвета, лоб белый, крылья бурые, с светло-желтоватыми наружными крайками, горло, щеки и шея с боков черные, вся грудь и часть брюшка яркого красно-ржавчинного цвета,

постепенно бледнее к подхвостью. Хвост красный, т.е. красновато-ржавчинного цвета, но средние перья, как и надхвостье, ржавчинно-бурые. Клюв черный, ноги черно-бурые. Самка в общем ржанчинно-бурого цвета, с бледно-ржавчинным хвостом. Молодые платьем сходны с самкой.

Условия содержания в клетке горихвостки одинаковы с зорянкой, т.е. в зимнее время—обварной соловьиный корм, в летнее время изменяемый прибавлением свежих яиц.

Завирушка.

Вот некрасивая с виду, чумазая и почти никому неизвестная птица, а между тем в отношении песни удерживает большие преимущества перед многими известными любительскими птицами. И мы сожалеем, что наши столбовые охотники не знают завирушки, которая у них в известное время, когда все молчит, могла бы быть очень приятной птицей под соловьями и юлами, вместо канареек с машинными песнями и помарками. Песня завирушки в своем построении до некоторой степени напоминает песню орешка и несколько песню серой славки, представляя как бы свистовой перебор, очень красивый и громкий. Разумеется, не всякая завирушка поет одинаково хорошо, но тем не менее эту птицу нельзя не признать хорошим певцом.

Оперением завирушка действительно не нарядна, напоминает воробья: у самца голова, шея и грудь серого, темно-зольного цвета, спинка рыжевато-бурая с черно-бурыми продольными полосками, крылья темно-бурые с рыжеватыми окрайками перьев. Нижняя сторона грязно-белесая, темнее на боках у крыльев, с темными пестринками. Клюв темно-бурый, ноги светло-бурые.

Условия содержания завирушки в клетке общие как для других птиц: клетка как под зяблика, корм как орешку, т.е. обварные муравьиные яйца и мурашка с прибавлением малой порции драного семени, тоже обваренного в особой плошке. С весны этот корм смешивается с свежими муравьиными яйцами, мелкими; крупные же яйца, идущие до появления мелких в апреле месяце, сиделой птице нужно давать с особой осторожностью, на счет от 5 шт. в день, предусматривая, чтобы птица не подсыпла и чтобы не случилось расстройства желудка.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ:

Соловей.

В июне месяце, когда соловей начнет „останавливать пение", охотник, продовольствуя птицу до того времени крупными яйцами (мелких не дается, чтобы не вызвать преждевременную линьку) и видя, что птица смолкает, располагаясь к линьке,—дает ей мелкие яйца вволю, дабы птица правильно перебиралась, линяла. В этом случае птица особенно соблюдается не только в отношении корма, который ей предлагается в больших порциях, но также и воздуха, тщательно охраняется от простуды, вследствие сквозного воздуха или сырости. Мелкие яйца сначала даются „свежие", а затем замороженные*) (появляющиеся в продаже позднее). В конце августа или начале сентября свежие яйца сходят, собиранье их прекращается, и у охотника являются немаловажные хлопоты по заготовке зимнего корма сухих яиц и мурашки. Тут должно быть обращено внимание, чтобы яйца были вполне доброкачественны и без всякого сора, не были бы темны, перетерты (измельчены) и отнюдь не комками, что прямо указывает на недостаточную свежесть их при сушке. Мурашка также должна быть неперетертая или слишком мелкая и не сорная, непременно „спиртовая", а не „водянка", которую птица неохотно берет. На этот зимний корм соловей переводится не сразу, а постепенно. В конце августа, как мы сказали, когда свежих яиц в лавках почти достать нельзя, охотник переводит птицу на обварный корм, приготовление которого несложно; берется большая щепоть сухих яиц, несколько меньше мурашки, и обваривается горячей водой в плошке или кружке, продающейся для обварки мурашки и яиц, при чем яйца и мурашка обвариваются отдельно, потому что в мурашке обыкновенно оседает на дне плошки грязь, которая,

разумеется, удаляется. Через 5 мин вода из плошек сливается, корм (яйца и мурашка) слегка отжимается и смешивается и затем совершенно остуженным кладется в кормушку. Чтобы птица охотнее взялась за обварной корм, к нему прибавляются малою щепоткою оставленные для того свежие яйца, которые кладутся в кормушку сверх обварного корма. Кроме того соловью даются тараканы, не крупные черные или прусаки, ежедневно черных — штуки 3, прусаков больше, при чем им нужно обрывать ноги, чтобы не расползались из кормушки. Таково правильное кормление птицы с осени и в продолжение зимы. Некоторые охотники держат соловья на сухом корме, т.е. не обваривают яйца, а просто дают, как они есть, смешивая их с мурашкой. По поводу этого не излишне заметить, что мурашку необходимо обваривать для того, чтобы удалить из нее спирт и промыть от грязи. Относительно кормления соловья мы много лет тому назад указали, что к корму насекомоядных птиц бесполезно прибавлять морковь, в настоящей статье повторяем то же: раза два в неделю нужно натереть на терке совершенно свежую морковь, смешать ее с толченым в порошок белым хлебом (несдобным, заранее приготовленным) и, изрубив затем ножом (крупные волокна неудобны), дать в кормушку, слегка замешивая в корм. Само собою разумеется, что в летний период времени, когда птица на свежем корме, морковь излишня, зимою же она необходима: соловьи, дрозды, черноголовки и др. насекомоядные охотно кушают ее, и она для них очень полезна в небольших порциях.

При таком рациональном уходе соловей благополучно живет в клетке много лет.

Просидев зимою неподвижно на избранной жердочке в каком-то полусонном состоянии, перемещаясь только к кормушке и к водопойке, в декабре месяце, нередко ровно с 12 числа (когда день на прибыль пойдет), со дня Спиридония, — вдруг становится живее: торопливо обернется оправить крылья, быстро перепрыгнет несколько раз по клетке полетом и сделает этак: фишь! фрррр?..., как-будто скажет: „довольно, хозяин, дремать, слушай"... и потом заворчит тихо, тихо, едва разобрать можно. И охотник с несказанной радостью, вскинув голову, весь обращается в слух, разбирая, что обозначает птица „по первой кличке". Сначала это разобрать довольно трудно, но все же ухом

*) Т.е. умерщвленные известным способом, так что насекомое в куколке не развивается, яйцо не чернеет.

охотника понять можно, к чему „претыкается" птица, — по приемам можно разобрать. Если зима стоит ровная, без резких перемен погоды, без особенно больших морозов, то птица „разбирается" правильно, не останавливаясь, и в конце января или в феврале кричит уже в "маху". Хотя относительно времени пения вообще определенно сказать нельзя, так как птица, кроме того, что сама собою может быть нерасположена к пению, подвергается различным неблагоприятным влияниям со стороны, часто незаметным для охотника. В это время соловью надобно усилить живой корм, т.е. тараканов или червячков, давая их в несколько больших порциях, чтобы поддержать в птице энергию,—особенно в этом случае нужны червячки: они горячат птицу и располагают к пению. Но это надо делать осторожно, так как по охоте неприятно искусственно вызывать пение. Полагается, чтобы птица сама собою "шла", тогда она поет обдуманно, „планисто". В остальном корм не изменяется. В апреле или мае, когда снова появятся свежие мурав. яйца, сначала всегда крупные, то сиделой птице их давать не полагается, разве лишь штуки три в день, вместо тараканов, иначе, если дать больше, соловей „подсипнет", потеряет голос; мелкие же яйца, когда они появятся, можно давать без опасения, понемногу прибавляя к обваренному корму.

И затем позднее, когда соловей начнет "сдавать", в июне месяце станет "останавливать пение", как выше сказано, необходимо вполне перевести его на свежий корм, что будет регулировать линьку. Осенью переводить на зимний корм так же, как и в первый год. Вот все, что я желал сказать молодым собратам по охоте относительно содержания соловья. Я буду очень успокоен и буду рад, если моя любимая птица хотя несколько "соблюдается", как я о том сказал, и не будет претерпевать те лишения и невзгоды, которым она так часто

подвергается, живя в клетке. Невзгоды эти есть болезни, всецело исходящие от неправильного содержания и ухода.

Одна из самых обыкновенных болезней, которой часто подвергается соловей, это "чихание", по научной терминологии „катар", т.е. воспалительное раздражение и опухание слизистой оболочки, одевающей полости клюва, зева и носовую, и также бронхий (ветви дыхат. горла). Болезнь является вследствие простуды, при сквозном или сильно охлажденном воздухе. Заболевшая птица сначала сидит скучною, спрятавши шею и несколько приподняв перья, усиленно дышет (заметно по кончику хвоста) и почти не берет корма, а когда берет, отряхивает головой и чихает. При осмотре птицы в руках замечается выделение из клюва и ноздрей слизи, сначала жидкой и несколько желтоватой, а потом более вязкой, заклеивающей ноздревые отверстия, так что при опухании слизистой оболочки дыхание становится очень затруднительным, птица раскрывает клюв, трясет головой и чихает, как бы стараясь освободить ноздри, произносит цик или цик-цик!..

В таком положении, припоминаю, раз привезли мне соловья, простуженного при перемещении весною из теплой комнаты на террасу. Первой заботой моей было успокоить птицу и переменить корм. Я перегнал ее в лечебную клетку *) и, поместив в теплой комнате на свет, у окна, стал наблюдать, как птица себя держит. Сквозь холстину мне было отлично видно птицу, а она меня видеть не могла. Она сидела нахохлившись. Через несколько часов я заметил, что птица ищет корма, подсакивает к кормушке пустой и к дверке, где должна быть вода. Я тотчас дал ей в кормушку малой щепотью обварных яиц с морковью и двух мелких молодых таракашек, окунутых в прованское масло, а в водопойку, средней величины соловьиною, налитую 3/4 воды, положил с кончика чайной ложки бертолетовой соли, помешав, чтобы она растворилась. Птица сначала не брала корм, а потом скушала таракашек и напилась, тряхнув головой и чихая. На следующий день я вынул птицу из клетки рукою и осторожно тонкой трубочкою из папиросной

*) Небольшая, вер. 8 дл. простой работы липовая клетка, с выдвижным поддонком, без дна; вместо него решетка, и вся затянутая редкой серой холстиной (сорнянка). Приспособления в самой клетке: отсутствие острых углов, мягкая подтяжка в три жердочки по низу, обтянутые сукном, одна посредине, потолще, одна несколько потоньше у кормушки в такая же у воды.

бумагу освободил ей ноздри от слизи, насколько это было возможно. Через дня два затем птица заметно стала живее и, к большой моей радости, реже стала чихать. Корм ей я давал одинаково, как выше сказано, в малых порциях, воду менять через день, также с бертолетовой солью. Кончилось тем, что на 8-й день птица запела. Я сообщаю это не как способ лечения болезни, но просто как случай. Моя задача не лечить, а предупредить заболеваемость.

О лечении вышесказанной болезни охотник К. Ф. Мовенко пишет: „Соловей помещался у меня на середине потолка большой, высокой светлой комнаты. По вечерам, когда зажигались лампы и открывались после топки отдушники у печей, становилось тепло, но к утру температура значительно понижалась, что и было причиной простуды соловья: он начал „чихать", сначала слегка, а затем все сильнее и чаще, и дело, конечно, дошло бы до печальной развязки, если бы я не поторопился прийти на помощь к следующим способам лечения. Разведя в стакане комнатной воды чайную ложку поваренной (химически очищенной) соли, я начал этим раствором посредством кончика чистого гусяного перышка смазывать у соловья ноздри и полость рта, а через час кончиком того же перышка смазывал те же места прованским маслом. Через два-три дня соловей совершенно поправился, а потому я смело могу рекомендовать в подобных случаях этот способ лечения, как более других радикальный".

По книжке о болезнях птиц, составл. по Гердвигу и Майеру, между прочим объясняется, что болезнь эта, катар, большей частью проходит в течение 5—10 дней сама собою. В легких случаях по этой причине, сообщается в сказанной книжке, достаточно

бывает для скорейшего исцеления назначить надлежащую диету, именно умеренно теплое помещение и мягкий корм, особенно, если возможно, зелень, салат, крестовник и т. п. В более трудных случаях подвергают голову животного от 3 до 4 раз в день действию паров из простой воды *), или наливки бузины, очищают отверстия ноздрей и клюв два раза в день мокрой губкою или мягкой тряпчочкою и втирают в ноздри постное или коровье масло, или свежее сало**).

Внутри дают с самого начала нашатырь, распущенный в воде, а потом при большой вязкости слизи,— в слабой наливке из семян аниса. К сожалению, дозы этого лекарства в цитируемой книжке для мелкой птицы неопределены, сообщено, что "для курицы берут нашатыря 10 гран и растворяют в 6-ти лотах наливки, приготовленной из двух золотников сем. аниса.

Этой микстуры дают курице от 4 до 6 раз в день по половине столовой ложки, заменяя при большой слабости животного семена аниса наливкою из корня дягиля (*Inula*) или кальмуса".

Другая, близкая катару, болезнь „воспалительное выпотение на слизистой оболочке клюва, или так называемый в простонародии типун. Обыкновенно под именем типуна разумеют страдание полости клюва, при котором на языке вырастает ложная перепонка, легко снимаемая с настоящей слизистой оболочки". Лично нам не приходилось наблюдать эту болезнь у соловья, но в охоте известны факты, когда птица заболела ею и была излечиваема способом снятия известными, между охотниками, знатоками по этому делу.

„Признаки типуна в начале частью подобны припадкам катара. Птица также пушится, сидит скучною, затрудненно дышит и чихает. Ноздри не только покрыты, но и

*) Для больных птиц это делается довольно удобно: продержав животное, покрытое платком, в продолжении 10 или 15 минут над парами жидкости, согретою до 20 или 30 градусов Реомюра, обсушивают его и помещают в теплое место. Маленьких птичек очень удобно подвергать пару в вышеупомянутой лечебной клетке, вынув поддонок и помещая клетку на плетеную решетку стула, под которым ставится испаряющаяся жидкость.

**) В настоящее время при назначении втирания в ноздри постного или коровьего масла необходимо предусмотреть фальсификацию этих продуктов, так сильно распространенную.

заклеены вязкой слизью, позыва на корм нет, извержения помета происходят реже, и самый помет делается сухим и темно-серого цвета. Но главный припадок болезни находится в полости клюва; слизистая оболочка языка, иногда и нёба, покрывается желтовато-белым слоем перепончатого вещества, слегка отделяющегося на краях языка по прошествии 4 или 6 дней, иногда растрескивающегося посредине на несколько борозд, потом засыхающего до роговой твердости и тем совершенно препятствующего птице забирать корм. В некоторых случаях от увеличенного отделения слизи в полости клюва эта перепонка отделяется сама по себе и вместе с тем проходит вся болезнь; но если сухость и жар клюва долее продолжаются, то обыкновенно бывают причиною смерти. Впрочем, вероятно, не мало этому печальному исходу способствует общее лихорадочное состояние".

„Причиною типуна часто та же простуда или испорченные корм и пойло, наприм., залежалые, загнившие мурав. яйца (о чем мы заметили выше), а также вода, долго стоявшая в деревянной посуде и напитавшаяся так наз. древесным щелоком".

О лечении типуна в вышеупомянутой, цитируемой нами книжке между прочим, говорится: в начале болезни, покуда полость клюва представляется еще горячею и сухою, надобно назначить глауберову или английскую соль, ежедневно два или три раза по 10 грань, распущенных в чайной ложке воды. Если на языке образовались трещины, то дают рвотное, именно, 1 гран рвотного камня, растворенного в чайной ложке перегнанной воды. Эти дозы лекарства автор определяет для больших птиц, именно для кур, мелким же птицам, соловью и т. п. мы решились бы давать вместо чайной ложки лишь несколько капель.

Снятие типуна несомненно требует умения, опыта и достаточного понятия о болезни. Когда заметят, что утолщенная перепонка начинает отделяться на краях языка, ее захватывают с заднего края пинцетом и осторожно перетягивают к кончику языка. После чего смазывают язык помощью акварельной кисточки прованским маслом. При этом, как мы выше заметили, необходимо озаботиться удалением причины болезни, и при „соблюдении" воздуха давать мягкий прохлаждающий корм,—тертую морковь, смешивая с обварным кормом, или зелень, салат.

Доктор С. Т. Нейштубе в своей книге *) при общем описании болезни катара слизистой оболочки, между прочим говорить: крупозные перепонки следует тщательно снимать (с языка) при помощи пинцета или прижигать соляной кислотой; обнаженную слизистую оболочку ротовой полости необходимо смазывать слабым раствором ляписа, или цинкового купороса, или известковой воды. Дальше, при описании лечения катара дыхательных органов или типуна у канареек, почтенный автор между прочим сообщает: „нос и носовые отверстия, а также и ротовую полость следует смазывать при помощи кисточки нежным маслом (маковым, миндальным, настоящим прованским) или даже глицерином; затем следует применять вдыхания паров горячей воды или еще лучше ромашкового чая; внутрь давать нашатырь или хлористый аммоний (около 11/2 долей золотника) или серно-кислого кали (11 долей), растворенных в воде".

Кроме этих болезней соловей иногда подвергается ревматическим болям в конечностях, собственно в лапках, в пальцах. Заболевшая птица сначала слабо держится пальцами на жердочке и затем вскоре совсем не может держаться на ногах и сидит на поддонке на животе. Ревматизм бывает острый, скоротечный, сопровождаемый более сильными припадками и кроме того лихорадкой, и хронический, продолжительный. Причина болезни—простуда от сквозного ветра или продолжительного пребывания в сыром холодном воздухе.

*) „Болезни домашних птиц и их лечение". Практич. руководство для гг. сельских хозяев, птицеводов, любителей птиц и пр. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Если болезнь вскоре захвачена, то часто проходит без лекарства, по удалении лишь вредоносных причин, т.е. при перемещении птицы в теплый, сухой и чистый воздух, в противном случае болезнь затягивается с печальным для охотника исходом. При лечении назначается рвотное, которое можно повторить через два дня, и затем дается микстура, приготовленная из наливки бузины (1/2 золотника цвета берут на 2 лота воды) и уксуса, или углекислого аммиака (по 1/2 золотника). Этого лекарства дается по 1/2 чайной ложки кажд. два часа, и кроме того делают снаружи паровые ванны из наливки бузины или ромашки. Так как при этой болезни у птиц позыв на корм не уничтожается, а между тем она, страдая, сидит, не в состоянии тронуться с места, то корм и воду ей нужно приспособлять. Доктор С. Т. Нейштубе, кроме внутреннего лекарства, советует растирать ноги камфарным или нашатырным спиртом, или смесью из беленого масла и соляно-кислого морфина, им. на 2 золотн. масла 11/2 доли золотн. морфина или вместо этого употребляют насыщенный раствор соли с водкой (на 1 стакан горячей водки берут ложку обыкновенной столовой соли).

Случается еще у соловьев запор, у старых сидящих в клетке по несколько лет на однообразном, особенно на сухом корме, яйцах и мурашке. Болезнь замечается, когда птица, желая испражниться, отряхивает задом, напрягается и ходить сухим, твердым калом. В таком случае нам приходилось давать, при изменении корма, соленую воду, и в прямую кишку вводить головкою большую булавку, окунутую в праванское масло, и болезнь вскоре проходила. Таким способом, изменяя корм, в котором непременно должна быть морковь, и давая соленую воду, нам случалось излечивать расстройство кишок, обнаруживаемое зеленоватыми пятнами на поддонке, вместо обыкновенных темно-серых свертков.

Других болезней у соловья при жизни его в клетке мы не наблюдали. И эти описанные нами болезни мы наблюдали у соловья лишь изредка, птица заболела при каких-нибудь случайных обстоятельствах, которые трудно было предусмотреть; в общем же птица, при правильном за нею уходе, не подвергалась никаким болезням. Не то замечается у любителей, где в большинстве случаев птица не имеет к себе правильного отношения. Может быть, это происходит от недостатка сведений, как должно относиться к птице по охоте.

В блаженном прошлом, когда в Москве охота велась в больших размерах, охотники часто собирались между собою (особенно Великим постом, когда птица открывала песню) на дому у того или у другого из них, или в трактире, в Охотном ряду, и обсуждали разные вопросы на охоте, "разбирали" птицу в отношении песни, обсуждали, как лучше кормить или как пользоваться птицей, когда она занемогала, и все, что касалось охоты. Эти собрания были очень интересны для всякого охотника по птицам, тут участвовали не только знатоки песни всякой птицы, собственно охотники, но также ловцы, эти знатоки природы, также специалисты по обучению птицы на губовых свистках, или по лечению птицы, снятию типуна у соловья или "тростей" (отрастания чешуйки на ногах). В таком собрании всякому молодому охотнику, желающему не только иметь у себя птицу, но и понимать охоту,— весьма полезно общаться. Мы с особенной приятностью вспоминаем эти собрания, где нам так часто приводилось беседовать среди тех симпатичных людей и глубоких знатоков охоты, какими были Филарет Иванович, Гавриил Дмитриевич, Иван Михайлович... Но где они теперь, эти учителя!.. Где вы, друзья мои, достославные охотники!.. К кому из вас, куда приду теперь послушать славную охоту, где успокоюсь душой!?. Ужели снова не соберемся в дружеский кружок и снова не насладимся той чудной россыпью, той дробью "с ворона" и „светлым клыканьем“!?.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 3-МУ ИЗДАНИЮ.

Выпуская настоящее 3-е издание „Певчих птиц“ И. К. Шамова, надлежит сказать хоть несколько слов о самой книге и ее авторе.

Первое издание „Певчих птиц“ И. К. Шамова было сделано известным зоологом, ныне покойным, Л. П. Сабаневым.

Выпуская в свет книгу, Л. П. Сабанев сделал ценный вклад в охотничью и зоологическую литературу.

Действительно, только тогда впервые с появлением "Певчих птиц" И. К. Шамова любители могли познакомиться с певчими пернатыми по ярким и живым очеркам, полным удивительной задушевности, изящной простоты, точности наблюдений, соединенных с тою высокою поэтичностью в изложении, которая всецело овладевает читателем.

Для науки зоологии эта маленькая книга являлась столь же ценным вкладом, так как в ней намечались и решались многие экологические вопросы, решались не только тонким знатоком жизни певчих птиц, их нравов, привычек, но и человеком, способным чувствовать и понимать язык природы. Этим высоким даром далеко не обладают все естествоиспытатели, но И. К. Шамов принадлежит к редким и счастливым исключениям.

Известность автора далеко вышла за пределы специальной литературы, и когда в 1902 г. в Высочайше утвержденной комиссии по пересмотру законов об охоте под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича возник вопрос об урегулировании ловли и содержании в неволе певчих птиц, то естественно обратились к И. К. Шамову: Его Императорское Высочество Великий Князь

Сергей Михайлович поручил редактору Н. В. Туркину совместно с И. К. Шамовым выработать проект законодательных норм по отношению к певчим птицам на свободе и в неволе.

В течение последних 5-ти лет И. К. Шамов, поглощенный своей служебной деятельностью, однако успел обработать и дополнить первое издание своих очерков и напечатать их в „Охотничьей Газете“.

Настоящее 3-е издание „Певчих птиц“ является в том виде, как было напечатано в „Охотничьей Газете“.

Кроме художественных описаний жизни певчих птиц и многих новых экологических подробностей, здесь собраны все необходимые указания для рационального содержания птиц в клетках, для выбора их и ухода за ними.

Редактор журнала "Природа и Охота"

Н. В. Туркин.

От Автора.

При переработке первого издания моей книжки о певчих птицах к настоящему новому изданию главной целью моих записок было то же, как и при первом издании, мое искреннее желание пособить птицам, облегчить им условие жизни в неволе путем указаний разумного отношения к птице любителя или охотника. Птицы мне много принесли счастья, много внесли радости в мою жизнь, и мне всякий раз до глубины души грустно видеть их в тех невозможных условиях, при тех лишениях, которым он так чисто подвергаются, находясь в руках безжалостных людей. Насколько я достигну моей цели, стараясь пособить моим друзьям, это покажет будущее, но если труды мои принесут хотя и малую часть пользы, я буду рад.

Относительно моих сведений по охоте, необходимым нахожу присовокупить, что, описывая ту или другую птицу, я руководствовался прежними моими охотничьими наблюдениями, а то, что было позабыто или упущено, я заимствовал из орнитологии профессора М. Л. Мензбира (географическое распростран., рисунок яиц), не придерживаясь ее научного описания, не нужного в моей охотничьей книжке. Кроме того, при ведении моих записок я пользовался любезными указаниями уважаемых охотников Николая Александровича Дмитрова, Кодрата Филипповича Мовенко и Петра Петровича Студитского, которым и выражаю здесь мою сердечную признательность.